

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет

Право интеллектуальной собственности Республики Беларусь:
история становления и перспективы

Сборник научных статей
Международного научно-практического
круглого стола
Минск, 19 апреля 2022 г.

Минск
2022

УДК 347.77/.78(082)
П 685

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
Протокол № 4 от 19 декабря 2022 г.

Редакционная коллегия:

Д. В. Иванова, кандидат юридических наук (отв. ред.),
Д. Д. Ландо, кандидат юридических наук,
О. О. Ядревский, кандидат юридических наук.

Рецензенты:

Мещанова М. В., доктор юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой гражданского права юридического факультета БГУ;

Каравай А. В., кандидат юридических наук, доцент, начальник
главного управления организационного обеспечения Секретариата
Конституционного Суда Республики Беларусь.

Право интеллектуальной собственности Республики Беларусь:
история становления и перспективы : сборник статей междунар. науч.-
практ. круглого стола, Минск, 19 апреля 2022 г. / БГУ, Юридический фак. ;
[редкол.: Д. В. Иванова (отв. ред.), Д. Д. Ландо, О. О. Ядревский]. – Минск :
БГУ, 2023. – 137 с. : ил. – Библиогр. в тексте.

В сборнике помещены статьи, подготовленные на основе докладов
отечественных и зарубежных ученых, представленные на международном
круглом столе, посвященном различным проблемам права
интеллектуальной собственности.

УДК: 342, 347, 34.03

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМОТВОРЧЕСТВА В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ**

Лопатин В. Н.

*научный руководитель РНИИС, главный научный сотрудник Института
государства и права РАН, председатель национального и
межгосударственного технических комитетов по стандартизации
"Интеллектуальная собственность" ТК481/МТК550, доктор юридических
наук, профессор, эксперт РАН, Заслуженный деятель науки Российской
Федерации, г. Москва, Российская Федерация (info@rniis.ru)*

Аннотация. В статье на основе сравнительного правового анализа правовых документов и практики их применения выявлены проблемные вопросы в правовом регулировании государственной политики Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности, недостатки при осуществлении предоставленных полномочий со стороны ряда государственных органов в этой сфере в рамках процессов евразийской интеграции и предложены подходы к их решению.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; государственная политика; евразийская интеграция; эффективность нормотворчества; правовое регулирование; стандартизация.

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PROSPECTS FOR
ENSURING THE EFFECTIVENESS OF RULE-MAKING IN THE
REPUBLIC OF BELARUS WITHIN THE FRAMEWORK OF
EURASIAN INTEGRATION**

Vladimir N. Lopatin

*Scientific director of RNIIS, Chief Researcher of the Institute of State and
Law of the Russian Academy of Sciences, MTC 550/ TC481 Chairman, Doctor
of Law, Professor, Expert of the RAN, Honored Worker of Science of the
Russian Federation, Moscow, Russian Federation (info@rniis.ru)*

Abstract. The article, based on a comparative legal analysis of legal documents and the practice of their application, identifies problematic issues in the legal regulation of the state policy of the Republic of Belarus in the field of intellectual property, shortcomings in the exercise of the powers granted by a number of state bodies in this area within the framework of Eurasian integration processes and suggests approaches to their solution.

Keywords: intellectual property, state policy, scientific activity, Eurasian integration, the effectiveness of rulemaking, legal regulation, standardization.

Актуальность В Республике Беларусь (далее – РБ) с 1 января 2021г. государственная политика в сферах научной, научно-технической и инновационной деятельности¹ формируется в соответствии с приоритетными направлениями, которые разрабатываются ГКНТ и НАН Беларуси до 1 марта года, предшествующего новому пятилетнему периоду и утверждаются Президентом РБ. Среди таких приоритетных направлений на 2021 - 2025 годы выделены: развитие информационного общества, электронного государства и цифровой экономики; экономическая и информационная безопасность; *правотворчество и эффективное правоприменение*². В Государственной программе инновационного развития РБ на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348, в разделе 5 среди основных задач развития национальной системы интеллектуальной собственности выделены: формирование полноценного рынка интеллектуальной собственности (далее – ИС) и его интеграция в евразийский и мировой рынки интеллектуальной собственности; формирование действенной системы управления интеллектуальной собственностью (далее – СУИС) на корпоративном уровне, в т.ч. в научных организациях и вузах, и системы обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (далее – ОИС). В качестве инструментов реализации этих задач определены, в т.ч.: *актуализация законодательства РБ в сфере ИС и гармонизация с международным законодательством и законодательством государств - членов ЕАЭС*, развитие нормативно-

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 27 мая 2019 г. № 197 (ред. от 07.05.2020 № 156) «О научной, научно-технической и инновационной деятельности»

² Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021 - 2025 годы»

правовой базы по оценке стоимости прав на ОИС и принятию имущественных прав на них к бухучету в качестве нематериальных активов.

В Стратегии РБ в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года (утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672) в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики и решения основных задач развития институциональной системы в сфере ИС, формирования полноценного рынка ИС в РБ и его интеграции в евразийский и мировой рынки, повышения эффективности использования ОИС, в том числе путем их коммерциализации, усиления роли ИС в научной, научно-технической и экономической деятельности, в числе приоритетных направлений реализации предусмотрены *совершенствование законодательства в ИС и совершенствование механизмов противодействия нарушениям в этой сфере при активном использовании результатов научных исследований* (далее – Стратегия ИС).

По результатам комплексного сравнительного правового анализа действующего законодательства РБ с учетом заявленных приоритетов и стратегических целей его развития и сложившейся практики правоприменения в сфере ИС в рамках евразийской интеграции можно выделить следующие основные проблемы.

Во-первых, Концепция и Соглашение о формировании и развитии рынка ИС государств—участников СНГ (2016-2018гг.),³ принятые с участием РБ, предусматривают в числе первоочередных задач: *совершенствование и гармонизацию нормативно-правовой базы* государств - участников СНГ в сфере ИС. Результаты анализа национального законодательства в сфере ИС в странах СНГ свидетельствуют о наличии принципиальных различий в определении объектно - субъектного состава в предметной области правового регулирования, основных правовых режимов охраны, коммерциализации и защиты прав на ОИС, которые усиливаются с учетом императивных норм права ЕАЭС для этих стран.

Сотрудничество в сфере ИС по Договору ЕАЭС с 2015 г. предполагает два общих процесса интеграции: *гармонизация законодательства* в сфере охраны и защиты прав на ОИС и защита интересов обладателей прав на

³ Решение Совета глав правительств СНГ "О Концепции формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств - участников СНГ и Плана мероприятий по ее реализации" (принято в г. Минске 28.10.2016); Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств - участников СНГ (заключено в г. Душанбе 01.06.2018, вступило в силу 12.01.2019)

ОИС. При этом правовой режим ОИС при их охране и защите прав на них обеспечивается в соответствии со ст. 90 этого Договора и согласно Протоколу об охране и защите прав на ОИС (Приложение № 26 к Договору).

В то же время, хотя актуализация законодательства РБ в сфере ИС и гармонизация с международным законодательством и законодательством государств - членов ЕАЭС в Стратегии ИС также отнесены к приоритетам, но на практике, при конкретизации этих подходов со стороны государственных органов в сфере ИС (в лице ГКНТ и НЦИС РБ), включается ограничение такой гармонизации в виде ссылки на "обязательность соблюдения национального законодательства". Представляется, что использование такой ссылки позволяет подписать документы при принятии решений о межгосударственном сотрудничестве, но не позволяют обеспечить их эффективное исполнение в последующем без соответствующих изменений и гармонизации законодательства. *Это обуславливает необходимость как корректировки указанных положений Стратегии ИС для их обязательного исполнения, так и общей методологии и методик проведения гармонизации с учетом специфики отраслей права и законодательства и критериев оценки эффективности регулирования на национальном и межгосударственном уровнях.*

Во-вторых, принципиальной проблемой правового регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности остается их взаимодействие и соотношение с нормами законодательства ИС и наоборот. Итоги мониторинга деятельности ЕЭК и государств - членов ЕАЭС в 2015–2021 гг., показывают, что национальное законодательство в отношении информации и ИС и регулированию процессов их создания и использования в научной, научно-технической и инновационной деятельности содержит, по-прежнему, принципиальные различия и нередко "безразличны" по отношению друг к другу.

Очевидно, что *признание на стратегическом уровне взаимосвязи и взаимообусловленности инновационного развития через рынок интеллектуальной собственности необходимо, но не достаточно. Процесс встраивания регулятивных механизмов использования ОИС в заявленных целях инновационного и цифрового развития должен быть закреплен также в законодательстве и подзаконных НПА.*

Так, например, соотношение правового и государственного регулирования с государственным управлением в анализируемых законах

РБ о научной, научно-технической и инновационной деятельности⁴ не установлено. В результате, это привело к определенным правовым коллизиям при определении объектно - субъектного состава в рамках этих законов. Так к объектам государственной научно-технической политики отнесены отношения с госорганами, как субъектами этой политики (которые ранее не были отнесены к субъектам научной деятельности, но при этом к объектам отнесены только отношения с участниками такой деятельности и не отнесены отношения с субъектами научной деятельности. Учитывая, что к отношениям, связанным с проведением научных исследований и разработок в рамках осуществления инновационной деятельности, в части, не урегулированной этим законом, применяется законодательство о научной и научно-технической деятельности, то эта коллизия в отношении субъектов научной деятельности и их участия в научно-технической политике и инновационной деятельности сохраняется.

При этом, не всегда учитывается *общее правило юридической техники при определении объектов* в трех предметных областях правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности, согласно которому:

- 1) *правовая охрана* - результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и приравненные к ним средства индивидуализации;
- 2) *использование* - охраняемые РИД и средства индивидуализации // коммерциализация - исключительные (имущественные) права на ОИС;
- 3) *правовая защита* - все имущественные права, в т.ч. исключительные права, на все ОИС и личные права на РИД.

Игнорирование этого правила приводит к необходимости в последствии для разрешения созданных правовых коллизий "изобретать" юридические фикции. Примером может служить СТБ 52.5.01-2011 «Оценка стоимости объектов гражданских прав. Оценка стоимости объектов интеллектуальной собственности», где оценкой стоимости ОИС в соответствии с этим стандартом является "определение стоимости имущественных прав на РИД или средство индивидуализации" (п.4.1), но объектом оценки выступают "ОИС с учетом имущественных прав на них" (п.5.1). Подобные "правовые недоразумения" легче предупредить, чем

⁴ Закон Республики Беларусь от 21.10.1996 № 708-ХІІІ (ред. от 04.01.2021 № 74-3) «О научной деятельности», Закон Республики Беларусь от 19.01.1993 № 2105-ХІІ (ред. от 4.01.2021 № 74-3) «Об основах государственной научно-технической политики», Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 № 425-3 (ред. от 11.05.2016 № 364-3) «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»

потом пытаться разрешить в рамках заявленного совершенствования законодательства в этой сфере.

В-третьих, при оценке эффективности нормотворчества обращает внимание при росте числа регуляторов усиливающаяся **РАЗНОНАПРАВЛЕННОСТЬ** и несоответствие заявляемых целей и получаемых результатов правового регулирования в сфере ИС на разных уровнях (международные договоры, договоры и акты органов ЕАЭС, национальные кодексы и законы, подзаконные национальные и ведомственные акты, стандарты). Особенно наглядно это отражается на результатах применения таких актов, если оценивать их качество и результативность не по числу принятых НПА и изменений к ним, а по достижению заявленных целей, для чего они разрабатывались и принимались.

Как следует из годовых отчетов о деятельности Национального центра интеллектуальной собственности РБ (далее НЦИС РБ) за 2020-2021гг., в этот период "была проведена масштабная работа по совершенствованию законодательства в сфере ИС" (было разработано 77 НПА, из них принято -36, в т.ч. в 2020 - 22 и в 2021- 14), "которая будет продолжена, в том числе с учетом экономических аспектов управления интеллектуальной собственностью, увеличения кодифицированной составляющей законодательства, обеспечивающей системность и комплексность регулирования отношений в сфере ИС" [4;5,с.12].

В то же время, за последние 10 лет в РБ число патентных заявок и выданных этим центром патентов на изобретения **сократилось в 5 раз** (от национальных заявителей - **в 6,3 раза**), на полезные модели - **в 3 раза**. При ежегодном снижении общего количества действующих патентов и свидетельств на объекты промышленной собственности (далее - ОПС) в 2020г. зарегистрировано наименьшее (за период исполнения Указа Президента РБ о коммерциализации ИС) число договоров о коммерциализации прав на ОПС (**всего 1,6%** от числа охраняемых ОПС) в Государственных реестрах договоров на ОИС РБ, в соответствии с постановлением СМ РБ от 21марта 2009 г. № 346 «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки, договоров залога прав на объекты права промышленной собственности и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)». По данным ВОИС, в 2020-2021гг. РБ занимала последние места из 130 стран в рейтинге ГИ по индексу доходности от оборота ИС, включая капитализацию через

нематериальные активы, и последнее место среди стран ЕАЭС по уровню и качеству регулирования в этой сфере [6].

По оценке ЕЭК ЕАЭС (2021), по итогам ежегодного мониторинга правоприменения, в РБ "сохраняется коллизия норм административного и уголовного законодательства в отношении нарушений прав на товарные знаки и отсутствие отдельных составов нарушений в рамках основных групп объектов интеллектуальной собственности", при этом за 5 лет учтено наименьшее в ЕАЭС число преступлений (всего 6) в сфере ИС [7].

Согласно глобальному инновационному индексу ВОИС ГИ - 2021/2020, по уровню и качеству регулирования среди стран ЕАЭС лидируют Армения и Казахстан, тогда как в аутсайдерах по этому показателю Белоруссия, Россия и Кыргызстан, среди других стран СНГ по итогам 2021г. - Узбекистан и Таджикистан, а среди стран БРИКС - Китай.

Место стран ЕАЭС и БРИКС в глобальном инновационном рейтинге (ГИ)- 2021/2020[6].

Государства - члены ЕАЭС	РА	РБ	РК	КР	РФ	Бразилия	КНР	Индия
Регуляторная среда	56/54	103/106	49/48	93/93	92/95	74	106	71
Качество регулирования	59/60	104/111	62/63	95/97	100/105	82	91	81
Верховенство закона	70/71	112/116	90/92	116/119	109/114	72	77	65

Поэтому, вывод о том, что "как показывает практика, на современном этапе законодательство республики позволяет обеспечивать надежную охрану и эффективное использование результатов интеллектуальной деятельности, получать конкурентные преимущества и дополнительную прибыль, гарантирует защиту интересов деятелей науки, культуры и искусства, производителей и поставщиков продукции (товаров, услуг) на внутреннем и внешних рынках", содержащийся в Стратегии ИС РБ, по-видимому, имеет пока *преждевременный характер и не соответствует действительности.*

Предусмотренная законом РБ о научной деятельности (ст.19) оценка результатов научной деятельности по критериям (новизны, значимости для науки и практики, объективности, доказательности и точности) с учетом закона РБ об инновационной деятельности (ст.1) распространяется на инновационную деятельность и конкретизирована в ряде подзаконных НПА. Под оценкой эффективности хода выполнения и результатов реализации программы понимается сопоставление достигнутых и запланированных целевых показателей, сводных целевых показателей, а

также фактических и запланированных затрат на реализацию программы⁵, контроль за выполнением возложен на Комитет государственного контроля РБ. Согласно Положения об оценке результатов научной деятельности⁶ [15;16], критерии, выражаются с помощью конкретных показателей, которые могут быть количественными (количество изобретений, патентов, лицензий и т.д.) и качественными (принципиально новая информация, соответствие мировому научно-техническому уровню и т.д.), которые также могут быть выражены количественно с помощью условных единиц (баллов, коэффициентов и других). Для оценки результатов научной деятельности научной организации (структурного подразделения, временного научного коллектива, научного работника) используются количественные показатели. Примерные перечни результатов научной деятельности, показатели и признаки критериев в зависимости от сфер и видов научной деятельности устанавливаются ГКНТ совместно с НАН Беларуси. *При этом обращает внимание, что критерии оценки высокотехнологичных производств и предприятий⁷ в сфере интеллектуальной собственности все еще ориентированы при оценке продукции на патентную защищенность (хотя доля патентных продаж в мире сократилась за 20 лет в 4 раза (более 80 процентов - беспатентные лицензионные продажи), а при оценке производства - на удельный вес затрат на приобретение нематериальных активов (а не на их создание).*

С учетом изложенного, целесообразно рассмотреть сложившуюся практику оценки эффективности государственных органов исполнительной власти (в сфере научной, научно - технической и инновационной деятельности и ИС) и при, необходимости, внести коррективы в перечень ключевых критериев такой оценки и методики их исполнения (с учетом приоритета достижения результата в реальной экономике, предусмотренного НПА, а не количеством НПА и изменений к ним). При этом важно учитывать положения Концепции формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств - участников

⁵ Указ Президента Республики Беларусь от 25.07.2016 г. № 289 (ред. от 18.04.2019 № 151) «О порядке формирования, финансирования, выполнения и оценки эффективности реализации государственных программ»

⁶ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 июля 1997 г. № 914 (ред. от 14.08.2012 № 750) «Об утверждении Положения об оценке результатов научной деятельности»; Постановление Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 20.04.2017 г. № 9 (ред. от 19.11.2018 № 30) «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке эффективности научных, научно-технических и инновационных разработок и их внедрения»

⁷ Приказ Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь от 7.05.1999 №105/41 «Об утверждении критериев оценки высокотехнологичных производств и предприятий»

СНГ, что "оценка развития рынка интеллектуальной собственности обеспечивается на основе количества, стоимости и географии сделок с интеллектуальными правами".

В-четвертых, достижение компромиссов в регулировании в целях гармонизации сегодня и в будущем возможно также через механизмы "мягкого регулирования", где к числу приоритетных относится стандартизация. При заявленных стратегических целях евразийской интеграции формирование общих рынков товаров, работ, услуг, финансов и интеллектуальной собственности предполагает разработку и принятие единых стандартов. В тоже время, по результатам анализа полномочий, наличия финансовых средств и полученных результатов в сфере стандартизации в «триаде» (СНГ, ЕАЭС, Союзное государство), очевидно, что существующий порядок принятия межгосударственных стандартов (МГС СНГ) не отвечает задачам евразийской интеграции ни по перечню ГОСТ и срокам их принятия, ни по условиям применения. *Задачи ускоренной (по сравнению с СНГ) евразийской интеграции требуют изменения приоритетов разработки и принятия стандартов (сначала межгосударственные для ЕАЭС, затем при необходимости их адаптация к национальным режимам) и обуславливают необходимость дифференциации этих процессов в рамках МГС СНГ для ЕАЭС при дополнении положений Союзного договора вопросами евразийской стандартизации и наделением соответствующими компетенциями органов ЕАЭС.*

На территории России с 2009г. действует национальный технический комитет по стандартизации «Интеллектуальная собственность» ТК481, а с 2017 г. – аналогичный межгосударственный комитет МТК550 с секретариатом на базе РНИИС, в активе которого более 25 национальных и межгосударственных стандартов, где принимает участие и РБ. В отличие от РФ, в законах РБ о научно - технической деятельности (ст.20) и инновационной деятельности (ст.10) стандартизация указывается как одна из основных форм государственного регулирования научно-технической и инновационной деятельности, и осуществляется в соответствии с актами законодательства, международными договорами РБ и международно-правовыми актами права ЕАЭС. *В то же время, при установленном этими законами приоритете применения норм международного права, если международным договором РБ установлены иные правила, чем в национальном законе, в указанных законах прямо не предусмотрено использование межгосударственных стандартов (ГОСТ), действующих в*

СНГ и ЕАЭС, даже как документов добровольного применения, в отличие от ТУ и стандартов организаций. Согласно Закона РБ⁸, к техническим нормативным правовым актам в области технического нормирования и стандартизации относятся технические регламенты РБ, технические кодексы установившейся практики, государственные стандарты РБ, общегосударственные классификаторы РБ, технические условия и стандарты организаций.

Как непоследовательную и идущую в разрез с заявленными в стратегических документах РБ приоритетами евразийской интеграции в сфере ИС, можно оценивать позицию представителей ГКНТ РБ (уполномоченный республиканский орган государственного управления, который является ответственным заказчиком госпрограммы и координатором реализации Стратегии ИС) и НЦИС РБ (субъект инновационной инфраструктуры РБ) в рамках межгосударственной стандартизации, судя по фактам, имеющим юридические последствия в 2021-2022гг.

Так, при активном участии РБ в обсуждении и доработке в первой редакции 6 проектов ГОСТ в сфере ИС в 2020г. (поступило 287 замечаний и предложений, в т.ч. 235 (82%) от РБ, из которых разработчиком было принято – 217, принято частично – 46), по итогам голосования в окончательной редакции в АИС МГС СНГ поддержали все указанные проекты ГОСТ четыре страны (РА, КР, РФ, РУ), кроме РБ. Госстандарт РБ, исходя из позиции ГКНТ, НЦИС и ГТК РБ, воздержался при голосовании по всем 6 стандартам, тем самым заявив о нежелании их применения в РБ в т.ч.: ГОСТ «Интеллектуальная собственность. Термины и определения», «Интеллектуальная собственность. Служебные результаты интеллектуальной деятельности», «Интеллектуальная собственность. Управление в государственной академии наук», «Интеллектуальная собственность. Таможенная защита», «Интеллектуальная собственность. Научные произведения» и «Интеллектуальная собственность. Научные открытия». При этом, как следует из Стратегии ИС, "таможенными органами Республики Беларусь принимаются меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, включенные в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств – членов ЕАЭС", *хотя зарегистрированных ОИС в ЕТРОИС за 12 лет с начала его создания не появилось.*⁹

⁸ Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 130-3 «О нормативных правовых актах».

⁹ <http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/pages/intellectual.aspx> (по состоянию на 18.04.2022г.).

В 2022 г. аналогичная позиция, идущая в разрез с указанными приоритетами по использованию стандартизации для целей защиты ИС, в т.ч. в сети Интернет, заявляется НЦИС РБ и при доработке новых проектов ГОСТ «Интеллектуальная собственность. Определение уровня контрафактности товаров на региональном уровне» и «Интеллектуальная собственность. Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет».

Очевидно, что эти, как и ранее приведенные и другие несоответствия, с завышением самооценок эффективности авторов и разработчиков проекта Стратегии ИС, предполагают проведение его повторной экспертизы, подготовку и внесение корректив в этот стратегический документ Правительства РБ, в том числе, по-видимому, и в рамках ежегодного доклада ГКНТ (как координатора реализации Стратегии в сфере ИС) в Совет Министров РБ.

Исходя из заявленных приоритетов и задач обеспечения национальной и евразийской конкурентоспособности при множественности объектов и правовых коллизий регулирования их правовых режимов, а также проблем взаимодействия субъектов при переходе к цифровой экономике, в том числе в области цифровых прав, целесообразно рассмотреть возможность использования в нормотворчестве наряду с технологиями машиночитаемого права технологий цифрового моделирования с определением прогнозируемых последствий для результатов такого нормотворчества. Такая практика давно применяется в бизнесе, что позволяет существенно сократить вероятность ошибок и их стоимость, тогда как ошибка законодателя, даже в виде эксперимента, несопоставима с ошибкой бизнеса, для интересов обеспечения национальной конкурентоспособности.

Список использованных источников

1. Алдошин, С.М., Лопатин, В.Н. О стратегии развития интеллектуальной собственности в секторе академической и вузовской науки // Право интеллектуальной собственности. – 2019. – №1(55) – С. 4–9.
2. Лопатин, В.Н. Проблемы евразийской интеграции по вопросам интеллектуальной собственности // Право.by. – 2020. – №4. – С. 112–118.
3. Двенадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов / Под научной редакцией доктора юридических

наук, профессора Лопатина В.Н. – М.: издание РНИИИС, 2020.– 495 С. ISBN 978-5-6040772-6-9

4. Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности» Республики Беларусь за 2020 год. – Минск : Издание НЦИС РБ, 2021.– 66С.

5. Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности» Республики Беларусь за 2021 год. – Минск : Издание НЦИС РБ, 2021.– 76С.

6. Глобальный инновационный индекс ВОИС за 2021год (GII-2021)// https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2021

7. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2020 год. – М. : Издание ЕЭК ЕАЭС, 2021.– 98 с.

УДК 7.026.2, 347.78

**ПЛАГИАТ, САМОПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ В ЭРУ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (реферат международного научного
исследования)**

Рожкова М. А.

*доктор юридических наук, главный научный сотрудник, Институт
законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
РФ, Большая Черемушкинская ул., д. 34, 117218, Москва, Российская
Федерация, rozhkova-ma@mail.ru*

*советник по науке декана юридического факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук,
президент IP CLUB*

Богустов А. А.

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
международного права, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, пер. Доватора, 3/1, 230012 Гродно, Республика
Беларусь, bogustov_aa@grsu.by*

Исаева О. В.

*аспирант, Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ, Большая Черемушкинская ул., д. 34,
117218, Москва, Российская Федерация, ol.v.isaeva@ya.ru*

Аннотация. Настоящая работа представляет собой краткий (реферативный) отчет, содержащий результаты совместных исследований ученых из Российской Федерации и Республики Беларусь по проблематике плагиата, самоплагиата и ретракции статей. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что подавляющее большинство национальных законодательств не упоминают терминов «плагиат», «самоплагиат», «ретракция», в связи с чем ведется немало дискуссий о том, что следует под ними понимать. Ситуация осложняется тем, что из-за существующих различий в подходах к плагиату, отсутствует и единство мнений относительно того, является ли «самоплагиат» формой плагиата. Редакции журналов и ассоциации издателей, в свою очередь, все чаще говорят о необходимости ретрагировать статьи, которые ранее уже были опубликованы теми же авторами в полном объеме или в части. Авторы настоящей работы провели сопоставительный анализ различных подходов к плагиату и самоплагиату, рассмотрели вопросы соотношения ретракции и субъективных прав автора.

Ключевые слова: академическая этика; авторское право; плагиат; ретракция; субъективные права автора.

PLAGIARISM, SELF-PLAGIARISM, RETRACTION AT THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

M. A. Rozhkova

Holder of a Higher Doctorate in Law, Chief Researcher, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, B. Cheremushkinskaya street, bldg. 34, 117218, Moscow, Russian Federation, rozhkova-ma@mail.ru

Advisor to the Dean of the Faculty of Law of the State Academic University for the Humanities, IP CLUB President

A. A. Bogustov

PhD in Law, Associate Professor, Assistant Professor at the International Law Department, Yanka Kupala State University of Grodno, 3/1 Dovatore pereulok, 230012, Grodno, Republic of Belarus, bogustov_aa@grsu.by

O. V. Isaeva

post-graduate student, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, B. Cheremushkinskaya street, bldg. 34, 117218, Moscow, Russian Federation, ol.v.isaeva@ya.ru

Abstract. This paper is a brief (abstract) report on the results of joint research of scientists from the Russian Federation and the Republic of Belarus on plagiarism, self-plagiarism and retraction. The relevance of this study is determined by the fact that the vast majority of national legislations do not define "plagiarism", "self-plagiarism" or "retraction", and there is much debate about the actual meaning of these terms. The situation is complicated by the fact that there is no unanimity on whether "self-plagiarism" is a form of plagiarism because of the different approaches to plagiarism itself. Journal editors and publishers' associations, in their turn, are more often talking about the need to retract articles that have already been published in full or in part by the same authors. The authors hereof have carried out a comparative analysis of different approaches to plagiarism and considered the issues of correlation between retraction and subjective rights of the author.

Keywords: academic ethics; copyright; plagiarism; retraction; author's subjective rights.

Проведенные исследования [1] позволили сделать вывод о том, что на сегодняшний день сформировалось две основные концепции плагиата: с позиций академической этики (академической честности) плагиат рассматривается как академическое мошенничество, с позиций права – как нарушение в сфере интеллектуальной собственности. Данные концепции, будучи основаны на различающихся подходах, серьезно отличаются друг от друга. И, как следствие, обречены на провал попытки «надстроить» этические нормы на фундамент авторского права или уложить этические нормы в прокрустово ложе законоположений, чему в последнее время посвящается много дискуссий.

1. Плагиат в контексте академической этики

Говоря об академической этике, участники настоящего исследования подразумевают под ней этические стандарты академической честности (*academic integrity*), относящиеся непосредственно к проведению учебных и научных исследований и основанные на институте добросовестности. Такой позиции придерживается, в частности, Международный центр академической честности (International Center for Academic Integrity).

Академическая этика ориентирована на интересы не только ученых, преподавателей, студентов, но также и авторов, чьи научные труды были

недобросовестно заимствованы с нарушением установленных правил, и общественности, которая при плагиате вводится в заблуждение (обманывается) относительно того, кому принадлежат соответствующие научные достижения. Данное обстоятельство принципиально отличает академическую этику от авторского права, которое во главу угла ставит законные интересы автора (правообладателя) произведения.

Большинство научных и учебных заведений исходят из того, что «плагиат» есть академическое мошенничество, но нередко дают данному термину собственные определения, выделяя различные характерные признаки, что и закрепляется в разработанных ими этических политиках. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что под академическим плагиатом как правило подразумевают *создание видимости* того, что научное исследование проведено автором целиком самостоятельно (он выполнил всю исследовательскую работу) и описанные по результатам этой работы итоговые выводы принадлежат именно этому автору. Такое поведение, при котором чужая исследовательская работа и чужие научные результаты выдаются за свои собственные, признается *нечестным, недобросовестным, мошенническим, не отвечающим требованиям академической этики*.

Проведенные исследования дают основания утверждать, что с точки зрения академической этики, *плагиат трактуется весьма широко*. Так, понятием плагиата охватывается и нечестное использование чужих идей или концепций, и копирование фрагментов чужих публикаций с нарушением правил цитирования, и воспроизведение чужих рабочих или подготовительных материалов (включая необнародованные), и заимствование полученных в результате исследований или экспериментов данных, и даже копирование из чужой работы отдельных фраз без указания их действительного автора и т.д. Ввиду указанного становится очевидным, что круг объектов, охраняемых академической этикой, стоящей на страже в том числе научных теорий и математических методов, значительно отличается от объектов авторского права, которое, как известно, не охраняет идеи, концепции, принципы, методы и проч.

Таким образом, можно поддержать тезис о том, что *правила академической этики являются более жесткими, нежели нормы законодательства об интеллектуальной собственности, и охватывают принципиально иной – более широкий – круг явлений*.

Важно заметить, что выявление академического плагиата не влечет привлечение плагиатора к юридической ответственности. Однако его

негативным последствием является умаление, а то и полное уничтожение профессиональной репутации плагиатора. Кроме того, в случаях выявления плагиата в диссертационном исследовании, по результатам которого плагиатору была присвоена ученая степень, последствием может быть также и лишение этой научной степени.

2. Плагиат в правовом контексте

Получив весьма широкое распространение в обиходе, термин «плагиат» встречается в современных национальных законодательствах крайне редко и является понятием, прежде всего, доктринальным. Как следствие, в настоящее время имеется множество трактовок данного понятия, что было подвергнуто анализу в рамках настоящего исследования и позволило сделать следующие заключения.

В широком смысле плагиат понимается как всякая «интеллектуальная кража», в рамках которой происходит присвоение лицом авторства на чужой интеллектуальный продукт в целом или части (именно эта трактовка и нашла отражение в российском уголовном законодательстве [2]). В данном случае к числу **объектов плагиата** относятся разнообразные объекты, которые законодательство позволяет относить к интеллектуальной собственности: речь идет не только об объектах авторского права, но также об иных объектах, в частности, изобретениях, промышленных образцах и даже товарных знаках).

Правовое понимание **плагиата в узком смысле** основано на положениях Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886; далее – Бернская конвенция), которая закрепила возможность свободного использования чужих правомерно обнародованных произведений посредством их цитирования (при условии, что цитирование осуществляется добросовестно и в объеме, оправданном поставленной целью) и установила обязанность авторов при таком использовании произведений указывать источник заимствования и имя автора, если оно обозначено (ст. 10). В частности, российское законодательство об авторском праве, восходящее к ст. 10 Бернской конвенции, предусматривает возможность свободного использования чужих авторских произведений, устанавливая для такого рода случаев правило об обязательном цитировании.

С учетом сказанного под плагиатом в узком смысле понимается заимствование частей чужого авторского произведения при создании собственного произведения, осуществленное некорректно: без указания

автора и источника заимствования, то есть с нарушением правил цитирования. Учитывая, что авторско-правовая охрана распространяется только на авторские произведения, становится более узким и круг **объектов плагиата**: это только авторские произведения, в отношении которых возможно цитирование, то есть прежде всего литературные и научные произведения.

Проведенные исследования подтвердили: неисполнение предусмотренной законом обязанности при заимствовании (использовании) частей чужого произведения указывать имя автора используемого произведения и источник заимствования признается правонарушением – в случае его выявления автор может потребовать выплаты компенсации за нарушение своих прав. При этом юридическая ответственность является автономной по отношению к иным негативным последствиям, наступление которых возможно в случае выявления академического мошенничества: так, выявление плагиата в содержании диссертации, повлекшее лишение плагиатора ученой степени, не является препятствием для предъявления ему иска о взыскании компенсации за нарушение авторских прав.

Резюмируя, можно говорить о том, что концепции академического плагиата и плагиата в узком смысле вовсе не исключают друг друга, а напротив, предоставляют, в частности, лицу, пострадавшему от недобросовестных действий плагиатора, эффективные инструменты защиты, которые в соответствующих случаях можно задействовать как одновременно, так и по отдельности.

3. «Самоплагиат» не является разновидностью плагиата

В рамках настоящего научного исследования нашло подтверждение то обстоятельство, что термин **«самоплагиат»** используют для обозначения полного или частичного воспроизведения автором своей научной работы в другой своей научной работе без соответствующего указания на это. Причем этим термином охватываются серьезно различающиеся между собой случаи – *дублирующие* или *многократные публикации* (повторные публикации автором одной и той же своей научной работы под разными названиями и в разных изданиях); *потокное воспроизведение / автоплагиат* (публикация серии статей на одну тему лишь с небольшим количеством нового материала в каждой из них); *публикации «салями»* (при которой значительное по объему исследование разбивается на небольшие по объему статьи) и проч.

Отсутствие в национальных законодательствах общего правила, ограничивающего автора в повторном использовании *собственных результатов творческого труда*, позволило согласиться с позицией тех правоведов, которые исходят из позиции, что нет оснований говорить о правонарушении в ситуации, когда автор воспроизводит (части) своей работы в другой своей работе. Допуская такое использование, автор не может нарушить свои же интеллектуальные права, а ведь именно защита прав обладателя интеллектуальных прав ставится во главу угла в авторском праве, о чем говорилось выше. Это позволило заключить, что в правовом смысле **«самоплагиат» не может рассматриваться в качестве разновидности плагиата**. Более того, в рамках настоящего исследования был сделан вывод о том, что концепция «самоплагиата» вступает в некоторое противостояние с нормами авторского права.

При этом проведенный анализ дал основания для вывода о том, что недобросовестным поведением подобное использование результатов своего же творческого труда признается в **контексте публикационной этики**, стандарты которой формируются *издателями научных публикаций* с учетом рекомендаций Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), а также публикационных политик / руководств авторитетных журналов и издательств. Именно в ключе публикационной этики, регламентирующей взаимоотношения авторов, рецензентов, редакторов и читателей в процессе *создания, опубликования, распространения и использования научных публикаций*, обрел свою популярность и сам термин «самоплагиат».

4. Ретракция и субъективные права автора: вопросы соотношения

Признавая недобросовестным поведением, в частности, многократные публикации, осуществляемые нерадивыми авторами, нельзя игнорировать то, что последующая ретракция таких работ при анализе ее на соответствие закону, порождает массу вопросов, на которые нет однозначных ответов и, по сути, становится принудительной мерой, применяемой за нарушение этических норм, в результате чего рассматривается как приводящая к «уменьшению регулятивного воздействия авторско-правовых норм, созданию альтернативных праву механизмов регламентации отношений интеллектуальной собственности и, соответственно, снижению уровня законности в данной сфере» [3].

Возможность применения процедуры ретракции обосновывается мотивами научной этики, а возникающие в связи с этим отношения по определению считаются не имеющими правового характера. Однако, как показало настоящее исследование, на практике последствия ретрагирования затрагивают субъективные права и интересы авторов, что вызывает необходимость распространения на возникающие отношения авторско-правового регулирования.

Проведенный анализ [4] привел к выводу о том, что существенные характеристики ретракции не позволяют свести ее к какому-либо известному авторско-правовому институту.

В то же время правила ретрагирования научных публикаций, принимаемые издательствами и редакциями журналов и являющиеся локальными нормативными актами, не могут ухудшать положение граждан путем установления дополнительной ответственности либо обязанностей, не предусмотренных действующим законодательством. Однако на практике применение рассматриваемой процедуры может привести к нарушению субъективных авторских прав.

Например, в большинстве правил ретрагирования научных статей к основаниям относится некорректный состав авторов (отсутствует тот, кто достоин быть автором; включены лица, не отвечающие критериям авторства). Указание в решении о ретрагировании на то, что лицо, поименованное в качестве автора произведения не отвечает критериям авторства, размещение подобных сведений вместе с произведением, направление их по месту работы либо в ВАК, по нашему мнению, можно рассматривать как нарушение закрепленного в ст. 1265 ГК РФ и ст. 15 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» права авторства – «права признаваться автором произведения».

Нарушение в этом случае выражается в публичном непризнании авторства за лицом, указанным в таком качестве. Наличие морально-этических предпосылок для непризнания подобного факта не является правовым основанием для отрицания принадлежности авторства конкретному лицу. Это следует из признаваемой действующим законодательством презумпции авторства (ст. 1257 ГК РФ, ст. 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»).

Эта презумпция, как и любая другая, может быть опровергнута. Из анализа п. 2 ст. 1250 ГК РФ и п. 1, п. 4 ст. 56 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» следует вывод, что за защитой авторских прав могут обращаться правообладатели, организации по

управлению правами на коллективной основе, а также иные лица в случаях, установленных законом. Применяя сказанное к опровержению презумпции авторства, можно сделать следующий вывод: если в число авторов включены лица, не отвечающие критериям авторства, то право оспорить это принадлежит только иным соавторам; если в числе авторов отсутствует тот, кто достоин им быть, то требование может предъявить только лицо, не указанное в таком качестве. Указанное означает, что иные лица (включая редакции журналов, ассоциации издателей и т.д.) не могут предъявлять таких требований, поскольку их субъективные права в данном случае не нарушены. Тем более они не могут односторонними действиями опровергнуть презумпцию авторства. То есть, процедура ретракции не способна в данном случае заменить судебного решения.

Проведенные исследования позволили заключить, что ретракция может вызывать последствия, затрагивающие не только авторские, но и иные субъективные гражданские права, например, честь, достоинство и деловую репутацию.

Проведенное исследование дает возможность сделать вывод о том, что современные концепции академического плагиата и плагиата в узком (правовом) смысле не исключают их одновременное применение, создавая все предпосылки для получения пострадавшим лицом эффективной защиты его научного исследования и авторских прав. К сожалению, современный уровень технологического развития, позволяющий плагиаторам довольно успешно использовать разнообразные инструменты для сокрытия своего недобросовестного поведения, усложняет для правообладателей возможность получить сатисфакцию, хотя и не исключает такую возможность. При этом, рассматривая проблематику плагиата, надо четко отграничивать его от понятия «самоплагиат», концепция которого не всегда находится соответствии с правовыми нормами. В развитие этого надо признать, что ретракция не может быть сведена ни к одному существующему авторско-правовому институту: ее цели и задачи являются общественно полезными, но процесс их достижения может привести к конфликту с действующим законодательством, поскольку ряд ее последствий может затрагивать субъективные права и законные интересы граждан.

Список использованных источников

1. Рожкова, М. А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы / М. А. Рожкова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 33 (сентябрь). – С. 124–140.
2. Исаева, О. В. Пределы заимствования чужого произведения при создании собственного / О. В. Исаева // Хозяйство и право. – 2021. – № 10(537). – С. 62–71.
3. Богустов, А. А. Процедура ретракции с точки зрения авторского права / А. А. Богустов // Хозяйство и право. – 2021. – № 1. – С. 80–87.
4. Богустов, А. А. Правовые аспекты ретракции / А. А. Богустов // Право цифровой экономики. – 2021 (17) : Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2021. – С. 448–461.

УДК 347.77/.78

КОДИФИКАЦИЯ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ОЦЕНИВАЕМ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Иванова Д. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой права интеллектуальной собственности,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ivanovadv@bsu.by*

Ландо Д. Д.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права интеллектуальной собственности,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Lando@bsu.by*

Аннотация. В статье рассматриваются достоинства и недостатки сложившейся в Республике Беларусь системы законодательства об интеллектуальной собственности. В связи с продолжающейся дискуссией о необходимости создания кодекса об интеллектуальной собственности представлено мнение авторов о целесообразности сохранения действующей двухуровневой схемы регулирования, включающей Гражданский кодекс Республики Беларусь и специальные законы, и преждевременности осуществления кодификации в рассматриваемой области.

Ключевые слова: законодательство об интеллектуальной собственности, кодификация, право интеллектуальной собственности, систематизация.

CODIFICATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: ASSESSING THE EXPEDIENCE

D. V. Ivanova

*PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Intellectual Property Law, Law Faculty,
Belarusian State University,
Nezalezhnosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, ivanovadv@bsu.by*

D. D. Lando

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Intellectual Property Law, Law
Faculty, Belarusian State University,
Nezalezhnosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, Lando@bsu.by*

Abstract. The article discusses the advantages and disadvantages of the system of intellectual property legislation that has developed in the Republic of Belarus. In connection with the ongoing discussion on the need to create an intellectual property code, the authors' opinion is presented on the expediency of maintaining the current two-level regulatory scheme, including the Civil Code of the Republic of Belarus and special laws, and the prematurity of codification in the area under consideration.

Keywords: codification, intellectual property law, legislation on intellectual property, systematization.

В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. указывается: «В целях развития системы интеллектуальной собственности как комплексного правового института будет проработан вопрос о кодификации законодательства в данной сфере» (глава 5), а пунктом 6 Плана мероприятий по реализации Стратегии на 2021 – 2023 годы определена выработка научно обоснованных предложений по систематизации (кодификации) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, в том числе предложений для формирования проекта концепции Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности (в случае принятия решения о ее

разработке). Таким образом, для принятия взвешенного решения по этому вопросу необходима тщательная проработка и изучение сложившихся условий, а также установление наличия необходимых предпосылок.

На сегодняшний день законодательство в сфере интеллектуальной собственности представляет собой двухуровневую систему правового регулирования или, как ее называют некоторые специалисты, частичную кодификацию. Такая система реализована почти во всех странах СНГ, кроме Азербайджана, где положения об интеллектуальной собственности не содержатся в ГК, и Российской Федерации, где в 2006 г. была реализована «консолидация с элементами кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в Гражданский кодекс» [1, с. 42]. В двухуровневую систему входят положения Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК) и специального законодательства, включающего несколько специальных законодательных актов, принятых в развитие ГК, и достаточно объемный массив иных актов законодательства. ГК являлся и является тем системообразующим нормативным правовым актом, который призван закрепить общие положения о системе права интеллектуальной собственности, принципы и нормы правового регулирования соответствующей группы общественных отношений и обеспечить наиболее полную регламентацию в рассматриваемой сфере. Не существует какого-либо специального закона, который бы отражал систему права интеллектуальной собственности Республики Беларусь в целом, а также определял фундаментальные начала основных институтов данной подотрасли. Кроме того, особый характер норм кодекса предполагает наличие формулировок, которые позволяют их применение в наиболее широком спектре случаев. Редакции статей ГК с момента его принятия в 1998 г. неоднократно изменялись, планируется принятие проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов», который предусматривает изложение раздела V «Интеллектуальная собственность» в новой редакции.

С одной стороны, нельзя не признать, что законодательство в сфере интеллектуальной собственности, как и в любой другой области, обладает рядом недостатков, присутствуют пробелы и коллизии правового регулирования. Однако необоснованным является утверждение о том, что эти недостатки вытекают исключительно из особенностей действующей двухуровневой системы. Некорректное применение норм законодательства является проблемой правоприменения и не может считаться основанием или аргументом в пользу изменения системы законодательства в какой-либо сфере. Например, правоприменитель часто ссылается на постановление Пленума Верховного Суда, не указывая нормы законодательных актов,

используемые в конкретной ситуации. Очевидно, что это не свидетельствует о необходимости отказа от таких актов в пользу постановления Пленума Верховного Суда, а скорее говорит о необходимости повышения профессиональной квалификации правоприменителя.

В качестве еще одного недостатка двухуровневой системы называют дублирование предписаний ГК на уровне законов. Однако, по мнению В. Ф. Чигира, оно неизбежно. «Задача законодателя не допустить расхождений и противоречий норм законодательства, содержащихся в актах одного и того же или разных уровней. Ее решение должно осуществляться на стадии подготовки проектов актов законодательства, их обсуждения и принятия» [2]. Исправить этот недостаток можно путем внесения изменений в действующие нормативные правовые акты, что успешно и делается. Следует отметить, что существующая система законодательства об интеллектуальной собственности позволяет безошибочно определить, в какой нормативный правовой акт требуется внести необходимые изменения. Аналогично существует возможность устранения устаревших, неактуальных норм и противоречий. Это нормальная практика во всех отраслях законодательства, которая не сопровождается разработкой нового кодифицированного акта.

В процессе внесения изменений в действующее законодательство в сфере интеллектуальной собственности существует возможность унификации положений, которые отличаются в настоящее время, хотя и регулируют сходные отношения. Не ставя целью проанализировать и оценить каждое такое положение, в целом отметим, что при подготовке одного из последних проектов изменений в ГК в 2018 г. рабочей группой уже велась сложная работа, включающая в том числе унификацию различных положений с целью более полного их отражения на уровне ГК. Опыт показал, что выработка единого подхода не всегда позволяет учесть особенности отдельных объектов интеллектуальной собственности.

Среди существенных вопросов, которые могли бы быть решены при внесении изменений в ГК, следует выделить, в частности, вопрос о правовой природе компенсации как способа защиты исключительного права. Ранее уже обращалось внимание на то, что квалификация способа защиты именно в качестве меры гражданско-правовой ответственности важна с точки зрения условий его применения. Вместе с тем, законодатель по-прежнему ограничился статусом компенсации как «иного способа, предусмотренного законодательством» [3, с. 125].

В специальной литературе обсуждался вопрос о признании единства терминологии одним из условий надлежащей кодификации. Законодатель Республики Беларусь стремится соответствовать международным стандартам при выработке норм об охране и использовании объектов интеллектуальной собственности. Вместе с тем, не всегда учитывает значение терминов, определенное практикой на международном уровне, что может повлечь проблемы защиты интересов субъектов Республики Беларусь при обращении в международные организации. Примером отсутствия унифицированного подхода к классификации по сравнению с принятой на международном уровне является классификация лицензионных договоров в Гражданском кодексе Республики Беларусь [4, с. 106–108]. При этом предлагаемые в ГК изменения не решают, а только усугубляют указанную проблему. Законопроект предоставляет возможность предусмотреть в договоре исключительной лицензии право лицензиара использовать объект наряду с лицензиатом. Указанная норма приводит к появлению непоименованной лицензии и не позволяет однозначно разграничить неисключительную и исключительную лицензию (в частности, при публикации сведений в официальных бюллетенях) [5, с. 70].

Рассматривая вопрос о необходимости кодификации законодательства об интеллектуальной собственности, следует учитывать, что примеры кодификации законодательства в Республике Беларусь показали неизбежное возникновение следующих проблем: оценка соотношения вновь разрабатываемых нормативных правовых актов с уже существующими кодифицированными актами, актами, обладающими большей юридической силой; уровень юридической техники при обобщении норм законодательства в определенной сфере; подмена кодификации инкорпорацией; неготовность субъектов ни объективно, ни субъективно к такой систематизации законодательства.

Опыт Республики Беларусь в сфере кодификации демонстрирует противоречивые результаты. К сожалению, эффективность и «удачность» Кодекса Республики Беларусь об образовании и Кодекса Республики Беларусь о культуре неоднократно оспаривалась специалистами. Кроме того, успешность существования одних кодифицированных актов не может служить однозначным обоснованием целесообразности систематизации в виде кодификации в другой сфере и не гарантирует отсутствие проблемных результатов такой кодификации. Считаем целесообразным и более значимым направить усилия законодателя на совершенствование действующих норм законодательства об интеллектуальной собственности и

повышение уровня юридической техники существующих актов гражданского законодательства.

В рамках научной дискуссии уже обосновывался подход, согласно которому именно ГК должен являться тем системообразующим нормативным правовым актом, который призван закрепить принципы и нормы правового регулирования этой группы общественных отношений и обеспечить наиболее полную регламентацию в сфере интеллектуальной собственности. При этом отмечалось, что объединение в едином законодательном акте разноотраслевых норм является технической операцией, а не переработкой установленного нормативными правовыми актами правового регулирования общественных отношений. Допустив, что предполагаемый Кодекс об интеллектуальной собственности выполнит функции кодекса как кодифицированного законодательного акта в части обеспечения наиболее полного правового регулирования общественных отношений в сфере интеллектуальной собственности, сложно представить, какие нормы ГК имеют шанс на применение. В качестве правовых последствий осуществления подобной кодификации назывались дублирование норм либо постепенное исключение норм об интеллектуальной собственности из ГК. И первый, и второй варианты развития событий могут иметь серьезные юридико-технические последствия, обусловленные кодификацией ради кодификации. Важно сохранить фундаментальные основы права интеллектуальной собственности именно в ГК ввиду разнообразия общественных отношений, регулируемых гражданским законодательством согласно ст. 1 ГК [6, с. 258].

Оценка необходимости кодификации законодательства связана и с теоретическим вопросом о предмете и методе права интеллектуальной собственности. Исследуя последнее с точки зрения его отраслевой принадлежности, можно сделать однозначный вывод, что ему свойственны общие черты отрасли гражданского права. Общественные отношения имущественного характера, возникающие по поводу результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов, традиционно в научных источниках относят к предмету гражданского права. По своей природе (имущественной) и по иным дополнительным признакам (они складываются между имущественно-обособленными субъектами, субъекты по своей воле и самостоятельно распоряжаются соответствующими правами, стороны правоотношений находятся в равном положении, отношения, как правило, имеют возмездный характер) данные отношения не отличаются от иных имущественных отношений, регулируемых гражданским правом.

Приемы правового регулирования, применяемые в праве интеллектуальной собственности, находятся в рамках метода гражданского права. Экстраполируя особенности гражданско-правового метода регулирования на отношения интеллектуальной собственности, мы не обнаружим серьезных расхождений. Дозволение и правонаделение ярко отражены в сфере интеллектуальной собственности, поскольку наделение субъектов личными неимущественными и имущественными правами является во многом фундаментом функционирования данных правовых институтов. Признание юридического равенства субъектов отношений в процессе правового регулирования отражено в общем гражданско-правовом подходе к субъектам права интеллектуальной собственности – физическим и юридическим лицам. Диспозитивность регулирования и инициативность субъектов проявляется аналогично тому, как метод регулирования реализуется в целом в гражданском праве.

Наличие особенностей регулируемых отношений, а также в ряде случаев дифференциация по юридическому содержанию норм и методу воздействия на отношения, позволяет выделить в гражданском праве подотрасли, в частности право собственности и иные вещные права, обязательственное право, наследственное право. Право интеллектуальной собственности также следует рассматривать как самостоятельную подотрасль гражданского права, обособляющуюся, во-первых, по кругу охраняемых объектов, основным признаком которых является их нематериальность, во-вторых, по характеру имущественного права на эти объекты, в-третьих, по ряду принципов, свойственных только данной подотрасли гражданского права. Большинство цивилистов соглашается с тем, что несколько институтов, объединенных общим предметом – имущественными и личными неимущественными отношениями, возникающими по поводу результатов интеллектуальной деятельности и иных подобных нематериальных объектов, – в совокупности представляют собой подотрасль гражданского права.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что на данном этапе развития системы гражданского законодательства в Республике Беларусь не появилось тех вопросов и проблем, которые нельзя решить эволюционным путем реновации без разрушения целостности существующей структуры частноправового регулирования (сохранение ГК в качестве основополагающего законодательного акта и специальных законов). Данная система регулирования доказала свою эффективность, а озвучиваемые проблемы наличия пробелов и дублирования в правовом регулировании,

отсутствия единообразной терминологии, устаревания норм могут быть решены путем внесения изменений в соответствующие законодательные акты. Отражением уровня правовой культуры общества и юридической техники является достижение разумного баланса между регулированием на уровне кодекса и на уровне специальных законов об интеллектуальной собственности.

Список использованных источников

1. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права. Монография / Под общ. ред. М. А. Рожковой. – М. : Статут, 2018. – 171 с.

2. Чигир, В. Ф. Проблемы гармонизации и кодификации законодательства об интеллектуальной собственности / В. Ф. Чигир // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 2.

3. Авдеева, Т. В. Компенсация за нарушение исключительных прав / Т. В. Авдеева, Д. Д. Ландо // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия D. Экономические и юридические науки. – № 13. – 2021. – С. 123–129.

4. Ландо, Д. Д. Единство терминологии как одно из условий надлежащей кодификации // Пан'європейська кодифікація приватного права та її вплив на кодифікацію цивільного законодавства України : збірник наукових праць [за результатами науково-практичного круглого столу (м. Хмельницький, 19 листопада 2010 року)]. – К. : НДІ приватного права і підприємництва НАПрН України, 2010. – С. 105–108.

5. Ландо, Д. Д. Интеллектуальная собственность в контексте реформирования Гражданского кодекса Республики Беларусь / Д.Д. Ландо // Гармонізація приватно-правового законодавства України із законодавством країн ЄС. Збірник статей і тез: Матеріали ІХ Міжнародного цивілістичного форуму, Харків 11-12 квітня 2019 рік. – Київ.: ТОВ «Знання», 2019. – С. 67–73.

6. Годунов, В. Н. Кодификация гражданского законодательства Республики Беларусь: состояние и перспективы // В. Н. Годунов, М. В. Мещанова, Е. А. Салей, Д. Д. Ландо // Юрычная навука і адукацыя ў Беларускім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т.М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. Т.М. Міхалёвай [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – С. 244–262.

УДК 347

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Липская С. А.

*магистрант, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lipskaja@mail.ru*

Аннотация. Вопрос необходимости правового регулирования ИИ среди правоведов активизировался в 1970-х гг. западными юристами. На постсоветском пространстве потребность регулирования вопросов ИИ стала очевидной только последнее десятилетие. В настоящее время правовое регулирование ИИ является одним из первоочередных для большинства стран, так как позволяет заявить о лидерских позициях на международной арене.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, правовое регулирование, правовое регулирование ИИ.

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

S. A. Lipskaya

*Master student, Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus, lipskaja@mail.ru*

Annotation. The question of the need for legal regulation of AI among legal scholars intensified in the 1970s. Western lawyers. In the post-Soviet space, the need to regulate AI issues has become apparent only in the last decade. Currently, the legal regulation of AI is one of the top priorities for most countries, as it allows them to declare leadership positions in the international arena.

Keywords: artificial intelligence, AI, legal regulation, legal regulation of AI.

Большинство правоведов в исследованиях и выносимых выводах не ставят разделение между ИИ и роботами, так как подход в регулировании идентичен. Именно ученые и их научные исследования часто становятся идейными вдохновителями правового регулирования конкретных вопросов, а также систематизации законодательной базы большинства государств.

Бесспорными мировыми лидерами в ИИ, разработке, внедрении и правовом регулировании, являются Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика.

США являются первым государством, поднявшим вопрос относительно правового регулирования ИИ. Занимаясь разработкой ИИ в мирных и военных целях, страна объявила развитие искусственного интеллекта высшим национальным технологическим приоритетом, обеспечив данной группе технологий конкурентоспособность, преимущества, в том числе в вопросе поддержки со стороны государства. Данный подход напрямую стимулирует развитие данной сферы и укрепление позиций государства в мировом лидерстве.

Представленный на 115-м Конгрессе законопроект можно назвать «Законом о фундаментальном понимании удобства использования и реалистичной эволюции искусственного интеллекта от 2017 года» или «Законом о будущем искусственного интеллекта от 2017 года» в сек. 3 содержит определение «искусственный интеллект» следующим образом: любые искусственные системы, которые выполняют задачи в изменяющихся и непредсказуемых обстоятельствах без существенного контроля со стороны человека или которые могут учиться на своем опыте и улучшать свою работу. Такие системы могут быть разработаны в компьютерном программном обеспечении, физическом оборудовании или в других контекстах, которые еще не рассматривались. Они могут решать задачи, требующие человеческого восприятия, познания, планирования, обучения, общения или физических действий. В целом, чем более человекоподобна система в контексте ее задач, тем больше можно сказать, что она использует ИИ.

11 февраля 2019 г. подписано Исполнительное распоряжение Президента США № 13859 «Поддержание американского лидерства в области искусственного интеллекта», основанное на принципах содействия технологическим прорывам, стимулирования разработки технических стандартов и снижения барьеров для безопасного тестирования и развертывания технологий, обучения американских рабочих навыкам разработки и применения технологий, необходимости содействия общественному доверию и уверенности, содействия созданию международной среды, поддерживающей американские исследования и инновации в области ИИ [1].

10 ноября 2021 г. Управление по научно-технической политике Белого дома («OSTP») заявило о необходимости разработки Билля о правах для автоматизированного общества. Был проведен ряд мероприятий по

установлению возможности взаимодействия и выявления заинтересованных сторон и предложений [2].

Закон об алгоритмическом правосудии и прозрачности онлайн-платформы был представлен в Сенате 27 мая 2021 г. и в настоящее время находится на рассмотрении в Комитете по торговле, науке и транспорту. Данный законопроект запрещает дискриминационное использование личной информации онлайн-платформами в любом алгоритмическом процессе, требует прозрачности в использовании алгоритмических процессов и модерации контента, а также для других целей.

Считаем целесообразным упомянуть, что помимо нормотворчества на национальном уровне, в штатах есть конкуренция в создании, в том числе правовом регулировании, наиболее благоприятных условий для предприятий, занимающихся технологиями и ИИ. С этой целью принимаются законы штатов, по которым ожидается приток потенциальных инвесторов и разработчиков. Например, с июля 2021 г. в штате Вашингтон вступил в действие Закон о распознавании лиц, когда он не запрещает использование распознавания лиц и не разрешает бесконтрольное использование местными и государственными органами. Позитивное использование технологий и возможности, которые они представляют для повышения безопасности и защиты граждан, должны быть уравновешены постоянно вырисовывающейся возможностью злоупотреблений и эксплуатации, неизменно затрагивающих и без того уязвимые группы населения [3].

Следует отметить, что основным недостатком данного документа является то, что он не содержит рекомендаций по развертыванию и использованию технологии или управлению соответствующими данными. Широкие и расплывчатые формулировки в тексте в сочетании с отсутствием последующих определений заслуживающей доверия целевой группы ослабляют утверждение о том, что этот законодательный акт может быть эффективным.

Значительное число законопроектов в области ИИ подтверждает стремление США сохранить за собой лидерство в данной сфере, а также постоянное обсуждение важности развития технологий в Конгрессе США.

Одной из стран – лидеров в разработке, внедрении и правовом регулировании ИИ является Китай.

8 мая 2015 г. была начата реализация стратегии «Сделано в Китае 2025», направленной как на повышение конкурентоспособности и доли китайской обрабатывающей промышленности на мировом рынке, так и на снижение зависимости Китая от иностранных промышленных товаров. КНР

согласно данной стратегии активизируют научно-технические инновации и продвигают прорывы в области 3D-печати, мобильного Интернета, облачных вычислений, больших данных, биоинженерии, новой энергии и новых материалов.

Данная комплексная программа развития определяет основные направления развития и совершенствования, в том числе правовое регулирование, в следующих областях: умное производство, сетевой краудсорсинг, совместное проектирование, массовая настройка, точное управление цепочками поставок, полное управление жизненным циклом и электронная коммерция меняющие систему промышленной цепочки создания стоимости, смарт-терминалы.

Трансформация, модернизация, инновации и развитие обрабатывающей промышленности Китая с учетом стратегии и политики государства открывают большие возможности, а потому требуют правового регулирования ИИ, так как именно технологии и ИИ, в частности [29].

Технические стандарты были опубликованы через принятие «Белой книги по стандартизации ИИ» 24 января 2018 г., обозначив роль работы по стандартизации как фундаментальную, вспомогательную и направляющую для ИИ и его промышленного развития [4].

В КНР осознается необходимость усиления контроля качества, когда руководство страны на законодательном уровне вводит усиление мониторинга качества и оценки использования продуктов и услуг искусственного интеллекта, избегания личной безопасности, безопасности имущества, конфиденциальности пользователей и других нарушений, вызванных такими проблемами, как дефекты дизайна и продукта, и не должны использовать, продавать или предоставлять продукты и услуги, которые не соответствовать стандартам качества.

Китай ставит основными направления развития ИИ в области фундаментальных технологий. Это объясняется необходимостью в настоящее время осуществлять закупки данных технологий у конкурента – США.

Защита персональных данных в КНР была обозначена как важным вопросом регулирования ИИ путем принятия 20 августа 2021 г. Закона «О защите персональных данных» (PIPL) (вступил в силу 1 ноября 2021 г.). Данный закон является дополнением к Закону о безопасности данных (DSL), принятому в июне 2021 г. PIPL предназначен для защиты конфиденциальности и личной информации граждан Китая и потребует соблюдения инициатив со стороны китайских организаций и иностранных компаний, работающих в Китае [5].

Анализ закона подтверждает его рамочность, что требует детализации норм через регулирование государственными регуляторами. Ценность закона заключается в отсылке к компаниям, которые к дате принятия закона соблюдают такие международные законы о конфиденциальности, как Общий регламент по защите данных (GDPR) в ЕС, а значит, проделали большую часть работы, необходимой для соблюдения PIPL. Данные обстоятельства позволяют говорить о значительной дискреции органов государственной власти, уполномоченные осуществлять правовое регулирование, определять необходимость изъятий и ограничений в соответствии с национальными интересами [6].

В настоящее время в США и Китае вопрос правосубъектности ИИ не рассматривается, ответственность за вред, причиненный вследствие применения ИИ лежит на разработчиках. Тем не менее, в Законе о фундаментальном понимании удобства использования и реалистичной эволюции искусственного интеллекта от 2017 года (Законе о будущем искусственного интеллекта от 2017 года) в сек. 3 предусмотрено разделение ИИ на общий в зависимости от степени развития в сравнении с явно интеллектуальным поведением, «по меньшей мере столь же развитое, как человек» и узкий, означающий систему ИИ, предназначенную для конкретных областей применения, таких как стратегические игры, языковой перевод, самоуправляемые транспортные средства и распознавание изображений. Такой подход подтверждает возможность рассмотрения правосубъектности ИИ при разработке ИИ, равного в когнитивном, эмоциональном и социальном поведении [7].

Данный опыт дает возможность оценить стремление США и Китая в разных направлениях опережения в сфере ИИ, подтверждает стратегические цели лидерства. Первенство в применении ИИ в судебной системе обеспечивается огромными массивами данных, позволяющим с большей долей вероятности выявлять верные решения.

В Республике Беларусь отсутствует закрепление термина «искусственный интеллект».

В образовательных стандартах, например, в ст. 3 Постановления Министерства образования Республики Беларусь от 30.08.2013 N 88 «Образовательные стандарты высшего образования. Часть 4» в числе основных терминов и определений ИИ рассматривается как свойство автоматических и автоматизированных систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека. В соответствии со ст. 3 Постановления Министерства образования Республики Беларусь от 30.08.2013 N 88 «Образовательные стандарты высшего образования. Часть 3» ИИ — это

научная дисциплина, объектом которой являются интеллектуальные системы и их формальные модели, а предметом исследования - модели, средства и методы проектирования интеллектуальных систем.

Несмотря на отсутствие определения или термина, следует отметить, что принятие Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» обеспечило дальнейшее развитие информационных технологий, в том числе ИИ, инновационной сферы, позволив развивать цифровизацию общества в различных областях.

Выход Декрета № 8, специальный правовой режим ПВТ, упрощение порядка совершения внешнеэкономических сделок, привели к росту желающих вступления в ПВТ, притоку инвестиций в страну. В соответствии с п. 1 Декрета № 8 в том числе предоставлено право осуществления в установленном порядке деятельности в сфере ИИ, создания систем беспилотного управления транспортными средствами.

Согласно п. 11 Декрета № 8 предусмотрено отнесение ИИ к VI технологическому укладу. Кроме того, к анализу, проектированию и программному обеспечению информационных технологий как виду деятельности в силу п. 3 гл. 2 Положения ПВТ к Декрету № 8 относится, в том числе, создание, обучение нейронных сетей и иных алгоритмов в специализированных разделах ИИ и реализация результатов данной деятельности. Право осуществления данного вида деятельности наделены юридические лица и индивидуальные предприниматели Республики Беларусь.

Правовое регулирование стандартизации ИИ в Республике Беларусь также не урегулировано. Не решен вопрос по правосубъектности ИИ. Данный вопрос, например, может возникнуть при применении ИИ при оценке достоверности доказательств в уголовном, гражданском, административном процессе, др. В настоящее время в судебной системе Республики Беларусь внедрен ИИ – слабый, который направлен на выполнение определенных функций. В случае применения ИИ, вследствие чего может быть принято существенное решение, могущее каким-либо образом повлиять на жизнь человека, неясно, кто будет нести ответственность: суд, который использовал в принятии решения данный ИИ, разработчик, составивший данный алгоритм или лицо, представившее техническое задание разработчику по созданию данного ИИ. Данный вопрос является проблемой не только для Республики Беларусь, но и других стран.

Следует отметить, что в Республике Беларусь правовое регулирование ИИ, а именно, объектов, которые разрабатываются, создаются с применением ИИ является открытым и нерешенным вопросом. Очевидно,

что предоставление преимущества для развития информационных технологий следует сопровождать правовым регулированием ИИ.

В настоящее время судебная практика вопросов, связанных с применением ИИ отсутствует. Это объясняется тем, что, в основном, с тем, что большинство белорусских IT-компаний создают и разрабатывают продукты для последующего продвижения и реализации за пределы Республики Беларусь, а также выполняют позаказную разработку, когда в соответствии с договором с контрагентом (как правило, контрагентом является компания, осуществляющая деятельность и зарегистрированная за пределами Республики Беларусь). Данные обстоятельства объясняют отсутствие важности урегулирования правосубъектности, ответственности за вред, причиняемый ИИ, а также стандартизации ИИ и продуктов, содержащих элементы ИИ, так как данный вопрос решается уже контрагентом, приобретающим данный продукт.

Так, в связи с тем, что ИИ относится к приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь на 2021–2025 годы, включен в перечень государственных программ научных исследований на 2021–2025 годы, согласуется с национальными интересами, определенными Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, напрямую связан с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, с учетом норм Декрета № 8 следует принять меры по правовому регулированию ИИ в Республике Беларусь путем:

- введения норм по стандартизации ИИ,
- принятию этических правил (норм),
- стратегии развития ИИ в национальных интересах.

Согласно п. 3 гл. 2 Положения ПВТ к Декрету № 8 правом осуществления деятельностью, связанной с ИИ наделяются юридические лица и индивидуальные предприниматели Республики Беларусь. Данная формулировка не корректна, так как в данной интерпретации относит к субъектам правоотношений индивидуальных предпринимателей Республики Беларусь, а также юридические лица вне зависимости от страны регистрации, хотя очевидно, что юридические лица, которые могут быть участниками ПВТ при условии, что это юридические лица Республики Беларусь. Термин «искусственный интеллект» следует ввести, например, путем внесения дополнений в Декрет № 8, а именно в Приложение 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 № 8 в следующем виде: «ИИ это искусственная система, разработанная в компьютерном программном обеспечении, физическом оборудовании или в

других контекстах, которая еще не рассматривалась, направленная на выполнение задач, требующих человеческого восприятия, познания, планирования, обучения, общения или физических действий в изменяющихся и непредсказуемых обстоятельствах без существенного контроля со стороны человека или группы лиц и/или которые могут учиться на своем опыте и улучшать свою работу».

Таким образом, изучение политики правового регулирования ИИ на примере стран-лидеров в данной области, таких как США и Китай, позволяет отметить, что при стремлении быть лидерами в вопросах применения ИИ, принятии значительного количества законов, иных актов, акцентировании внимания на необходимости стандартизации ИИ, политике защиты и конфиденциальности данных, применения ИИ в охране правопорядка, можно выделить основные отличия данных подходов.

Учитывая данные особенности, руководство Китая через издание законов корректирует стратегию правового регулирования ИИ, когда осуществляется попытка усиления разработок фундаментальных технологий, что позволяет уравнивать в данном вопросе достаточно слабые позиции Китая (основная часть данных технологий, например, чипов и схем, импортируется в страну, делая ее уязвимой и зависимой). Возможность манипуляции данными недоработками КНР позволяет сдерживать ее развитие в сфере применения ИИ со стороны США. Правовое регулирование ИИ через разработку грамотной политики со стороны государства позволяет усилить позиции, перейдя в ранг лидера для обеих стран.

В Республике Беларусь правовое регулирование ИИ, а именно, объектов, которые разрабатываются, создаются с применением ИИ является открытым и нерешенным вопросом. Целесообразным является принятие мер по правовому регулированию ИИ в Республики Беларусь путем введения норм по стандартизации ИИ, принятию этических правил (норм), стратегии развития ИИ в национальных интересах, что обеспечит привлекательность государства в целом на международной арене.

Список использованных источников

1. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence [Electronic resource] : Executive Order of February 11, 2019, N 13859. // Federal Register. — URL <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (date of the application: 14.04.2022).

2. Join the Effort to Create A Bill of Rights for an Automated Society [Electronic resource] // The White House.— URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2021/11/10/join-the-effort-to-create-a-bill-of-rights-for-an-automated-society/>. – Date of access: 03.02.2022.
3. Lostri, E. Washington’s New Facial Recognition Law [Electronic resource] / E. Lostri // CSIS, 03.04.2020. – URL: <https://www.csis.org/blogs/technology-policy-blog/washingtons-new-facial-recognition-law> (date of the application: 14.04.2022).
4. 人工智能标准化白皮书 (2018版) [Electronic resource] // 全国人工智能标准化总组及专家咨询组. 2018年1月18日. – URL: <http://www.cesi.cn/images/editor/20180124/20180124135528> (date of the application: 14.04.2022).
5. Personal Information Protection Law of the People’s Republic of China (PIPL) [Electronic resource] / Federal data privacy law, August 20th, 2021. – URL: <https://usercentrics.com/knowledge-hub/china-personal-information-protection-law/#:~:text=The%20PIPL%20complements%20the%20Data,foreign%20companies%20operating%20in%20China> (date of the application: 14.04.2022).
6. 互联网信息服务算法推荐管理规定 [Electronic resource] // 国家互联网信息办公室. 2022年01月04日. – URL: http://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (date of the application: 14.04.2022).
7. H.R.4625 - FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017 [Electronic resource]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text> (date of the application: 14.04.2022).

УДК 347.77/78 (476)

КОДИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Лосев С. С.

кандидат юридических наук, доцент

*ведущий научный сотрудник отдела исследований в области
гражданского, экологического и социального права Национального центра*

*законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.
sergei_losev@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты возможной кодификации законодательства Республики Беларусь в области интеллектуальной собственности. Автор приходит к выводу о том, что кодификация может выступить эффективным инструментом реформирования институтов отечественного права интеллектуальной собственности в соответствии со стоящими перед ними вызовами.

Ключевые слова: гражданское право; право интеллектуальной собственности; систематизация законодательства; кодификация законодательства.

CODIFICATION AS A TOOL FOR THE PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

S. Losev

PhD in Law, Associate Professor

*Leading Researcher of the Department for Research in the Field of Civil,
Environmental and Social Law of the National Center for Legislation and Legal
Research of the Republic of Belarus, sergei_losev@list.ru*

Abstract. The article discusses the key aspects of the possible codification of the legislation of the Republic of Belarus in the field of intellectual property.

Key words: civil law, intellectual property law, systematization of legislation, codification of legislation. The author comes to the conclusion that codification can be an effective tool for reforming the institutions of domestic intellectual property law in accordance with the challenges they face.

Введение. Законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности представляет собой сформировавшуюся комплексную подотрасль законодательства, основу которой составляют нормы гражданского права, в которую входят также нормы административно-правового характера, регулирующие процедуры выдачи охранных документов (патентов, свидетельств). Нормы отечественного законодательства основываются на положениях действующих для Беларуси международных договоров, формирующих глобальную систему охраны

прав интеллектуальной собственности и в целом обеспечивают функционирование национальной системы интеллектуальной собственности.

Однако объективный системный анализ правовых норм, обзор практики применения законодательства, изучение передового зарубежного опыта, а также необходимость ответа на вызовы глобального характера, стоящие перед национальной системой интеллектуальной собственности и национальной правовой системой в целом, требуют концептуального пересмотра всего массива законодательства в рассматриваемой области. При этом кодификация законодательства может и должна выступать в качестве инструмента такого системного пересмотра.

Основная часть. Последние несколько лет в Беларуси обсуждается вопрос о целесообразности *кодификации законодательства в области права интеллектуальной собственности*, что во многом предопределено логикой развития национальной системы законодательства в целом. В Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205, отмечается, что отличительной чертой законодательства республики является стремление к активной кодификации и консолидации нормативных правовых актов, при этом главный путь развития системы законодательства состоит в кодификации, позволяющей достичь единого, юридически цельного регулирования в отраслях и определенных институтах права.

Как отмечают специалисты в области общей теории права, кодификация – это сведение к единству всего правового материала путем переработки его внутреннего содержания в стройную, логически цельную и внутренне согласованную систему. В результате кодификации происходит как внутренняя, так и внешняя переработка действующего законодательства в ходе подготовки и принятия нового кодифицированного акта [1, с. 35]; кодификация и сегодня остается основным средством развития права в правовых системах романо-германской правовой семьи; через кодификацию национальные правовые семьи поднимаются на новый уровень развития [2, с. 29]. В ходе кодификации предполагается комплексная переработка определенного нормативного массива на основе выработанных доктринальных приемов с изданием единого кодекса (кодифицированного акта), содержащего систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на полное регулирование определенной области общественных отношений [3, с. 81-82].

Данная статья не имеет своей целью анализ аргументов в пользу кодификации, – они были приведены в более ранних публикациях автора [4]. В настоящий момент уже можно говорить о том, что вопрос кодификации переходит в *практическую плоскость*. Ее целесообразность была отмечена в рекомендациях Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, рассмотревшего в ноябре 2021 г. вопрос «О совершенствовании национального законодательства в области права интеллектуальной собственности и его кодификации». В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672, упоминается необходимость в целях развития системы интеллектуальной собственности проработки вопроса о кодификации законодательства, а в прилагаемом к Стратегии плане мероприятий по ее реализации упомянута «выработка научно-обоснованных предложений по систематизации (кодификации) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, в том числе предложений для формирования проекта концепции Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности».

Однако кодификация законодательства не должна рассматриваться как самоцель. Кодификация является *инструментом*, позволяющим осуществить не только систематизацию, но и комплексный пересмотр правовых норм, исключить устаревшие и принять новые нормы, адекватные складывающимся общественным отношениям. Поэтому ключевым является вопрос о *задачах*, которые должны быть решены при проведении кодификации.

Как отмечал в свое время В. А. Дозорцев, которого принято считать основным «идеологом» кодификации российского законодательства в области интеллектуальной собственности, она была призвана решить несколько основных задач. Во-первых, это выделение общих положений для всех видов исключительных прав и их основных групп. Общие положения имеют значение не только с точки зрения законодательной техники, они консолидируют всю систему, четко и полно формулируют общие принципы, подлежащие последовательному проведению во всех отдельных институтах. Во-вторых, необходимо определить критерии дифференциации отдельных институтов и тем самым консолидировать всю систему законодательства, его структуру. Нужно выделить положения, связанные с объектами, субъектами, правами и обязанностями, их действием, сроками действия, возникновением и прекращением, переходом,

договорами, осуществлением, защитой и т.п. Регламентации подлежат основные признаки каждого из видов объектов и основные черты их правового режима – по единой для всех исключительных прав схеме. Только при этом условии можно направить специальное развернутое законодательство об отдельных видах исключительных прав так, чтобы оно образовало единую систему [5, с. 354]. В. А. Дозорцев также отмечал, что кодификация решает и некоторые дополнительные задачи, – она призвана внутренне согласовать отдельные институты, устранить противоречия и пробелы, необоснованные расхождения в смежных институтах, не вытекающих из органически присущих им особенностей, а также обеспечить стыковку их норм. Кодификация также позволяет избавиться от некоторых ошибочных положений по существу, накопившихся в ходе исторического развития, обусловленных конъюнктурными факторами, чисто юридико-техническими недоразумениями, правовыми ошибками и т. п. [5, с. 355].

Однако, говоря о задачах кодификации, хотелось бы начинать с основных проблем, с которыми столкнулось право интеллектуальной собственности. В качестве основных вызовов, стоящих перед национальной системой интеллектуальной собственности Беларуси сегодня, следует назвать *цифровую трансформацию общественных отношений, а также необходимость пересмотра ценностных подходов к самому феномену интеллектуальной собственности.*

Проблема влияния цифровых технологий на право интеллектуальной собственности сложна и многогранна. На ее фоне особо выделяется проблема, связанная с развитием систем искусственного интеллекта, которые в настоящее время способны создавать результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека. Такие результаты, по образному выражению исследователей, «выпадают» из сферы правового регулирования в связи с отсутствием автора – физического лица, творческим трудом которого созданы эти результаты, как обязательного элемента, необходимого для предоставления им правовой охраны [6, с. 9-10]. Можно сказать больше: основная проблема, связанная с активным развитием систем искусственного интеллекта, состоит в том, что их применение подрывает основы современного права интеллектуальной собственности, основывающегося на таких понятиях как «автор» и «творческая деятельность». Поэтому законодателю необходимо принять концептуальное решение, определяющее природу результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта, их возможное место в системе объектов права интеллектуальной собственности, вид и содержание прав в

отношении таких результатов, лиц, признаваемых правообладателями, а также правила разрешения возможных конфликтов между такими результатами и результатами интеллектуальной деятельности человека, которые, по убеждению автора данной статьи, должны решаться в пользу последних. При этом такое решение законодателя должно быть комплексным и затрагивать все виды охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Второй глобальный вызов, стоящий перед правом интеллектуальной собственности, мы определили как «пересмотр ценностных подходов к самому феномену интеллектуальной собственности». О чем идет речь? Все чаще современные исследователи обращают внимание на то, что права интеллектуальной собственности – это не только защищаемые законом частные права; объекты интеллектуальной собственности обладают социально-экономической, культурной либо научной ценностью, а возможность доступа к ним представляет собой признаваемый и охраняемый общественный интерес. В связи с этим основной проблемой права интеллектуальной собственности становится поиск и законодательное закрепление баланса частных интересов правообладателей и общественных интересов, а задачей, стоящей на сегодняшний день, – ***пересмотр подходов к определению этого баланса.***

События последнего времени максимально обострили проблему баланса частных и общественных интересов. Как оказалось, интеллектуальная собственность – не только «самая священная из всех видов собственности», но и инструмент для злоупотреблений правом со стороны его обладателя. Злоупотребление правами со стороны правообладателей не является для права интеллектуальной собственности новой проблемой, и вопрос о необходимости ограничения действий правообладателей, стремящихся к получению сверхприбылей путем поддержания монопольно высокой цены на товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности, осуществления антиконкурентной лицензионной практики, злоупотребления механизмами защиты и т.п. давно обсуждается юридической наукой. Однако санкционные меры, вводимые западными странами и отдельными зарубежными компаниями в отношении поставок как высокотехнологичной продукции, так и товаров народного потребления, в том числе жизненно необходимых, придали этой проблеме новое качество. Необходимо прямо говорить о том, что права интеллектуальной собственности стали инструментом экономического давления со стороны промышленно развитых государств и имеют своей целью нанесение существенного ущерба национальной экономике. И одним

из возможных ответов на данный вызов может стать пересмотр норм национального законодательства об интеллектуальной собственности.

Сложившаяся ситуация требует комплексного решения одновременно по двум направлениям: стимулирование отечественных разработок, ориентированных на замещение «выпадающих» иностранных технологий и противодействие использованию интеллектуальной собственности в качестве санкционного инструмента. При этом первое, что необходимо сделать, – это изменить ценностные ориентиры в отношении права интеллектуальной собственности. Как очень верно в свое время заметил российский правовед А. Ю. Иванов, оценивая ситуацию с охраной интеллектуальной собственности в Российской Федерации, «... по сути охрана интеллектуальной собственности в нашей стране превратилась в инструмент государственной охраны интересов узкой группы рантье – в основном транснациональных корпораций и представляющих их интересы в России местных торговых домов (дистрибьюторов). При этом логика работы этого института у нас сегодня такова, что мощнейший публичный ресурс, в том числе ресурс государственного принуждения, используется для того, чтобы всемерно удовлетворить коммерческие интересы указанной узкой группы и за счет остальных граждан и местных инновационных компаний обеспечить усиление их рыночной власти и, как следствие, получение ими рентных, экономически неоправданных доходов» [7, с. 88]. И такой односторонний подход в восприятии права интеллектуальной собственности только как прав правообладателя без учета общественных интересов требует концептуального пересмотра.

Как представляется автору данной статьи, право интеллектуальной собственности должно выполнять двуединую задачу: поощрять творчество и инновационную активность, обеспечивая возможности коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, и при этом обеспечивать общественный интерес, состоящий в возможности доступа к достижениям культуры, научно-технического прогресса, а также к инновационным товарам и услугам по конкурентным ценам.

Начиная работу по пересмотру системы правовых норм, необходимо обратиться к теоретическим основам. Принципиально важным является то, что новая система правовых норм, регулирующих отношения, связанные с объектами права интеллектуальной собственности, в процессе предполагаемой кодификации должна быть построена на основе **единой концепции исключительных прав**. Как признают современные исследователи, исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, объекты,

субъекты, содержание этого права, его ограничения и пределы, особенности, отличающие исключительное право от субъективных гражданских прав других типов, его разновидности, сроки и сфера действия – решение этих вопросов в правовых нормах в совокупности образует и почти исчерпывает ту отрасль объективного гражданского права, которую принято называть правом интеллектуальной собственности [8]. Поэтому вопрос о направлениях развития института исключительных прав по существу определяет направления развития права интеллектуальной собственности в целом, и он должен решаться в рамках работ по кодификации законодательства.

Анализ существующего в действующем законодательстве Беларуси регулирования исключительных прав позволяет назвать следующие ключевые проблемы:

- установление пределов осуществления и ограничений исключительного права;
- определение обладателя (обладателей) исключительного права;
- определение правового режима служебных результатов интеллектуальной деятельности;
- определение правовой природы результатов, создаваемых искусственным интеллектом, определение возможного места этих результатов в системе объектов интеллектуальной собственности и определение правообладателей в отношении таких результатов;
- трансформация системы договоров, применяемых для распоряжения исключительным правом, в условиях цифровизации общественных отношений;
- совершенствование специальных мер гражданско-правовой ответственности, применяемых в отношении нарушителей исключительного права;
- реформа существующей системы выдачи патентным органом охраняемых документов (патентов, свидетельств).

Как представляется, названные проблемы требуют более подробного освещения.

Как мы уже отмечали, ключевой проблемой права интеллектуальной собственности является определение справедливого *баланса интересов* обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении максимально возможного свободного доступа к достижениям науки, культуры и технического прогресса, в том числе охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности. Как отмечают современные исследователи, цели правового регулирования

должны включать в себя не только защиту прав авторов и правообладателей, но и создание условий для развития общества знаний и инновационной экономики, включая обеспечение доступа к достижениям науки, культуры и научно-технического прогресса [9, с. 6].

В контексте решения проблемы установление пределов осуществления и ограничений исключительного права актуальными являются следующие задачи:

- для института авторского права и смежных прав – пересмотр допускаемых законом случаев свободного использования охраняемых объектов в целях обеспечения более широкого доступа к информации, в том числе в деятельности традиционных библиотек и специально создаваемых электронных библиотек, а также в целях обеспечения образовательного процесса с учетом более широкого использования цифровых технологий; определение механизмов допускаемого использования так называемых «сиротских» произведений, правообладатели которых неизвестны либо не могут быть найдены; учет особенностей использования объектов в цифровой среде, в том числе расширение практики допускаемого использования объектов без согласия правообладателя с выплатой справедливого вознаграждения; использование в отечественном праве элементов доктрины *fair use / fair dealing*;

- для института патентного права особую актуальность представляет развитие механизмов принудительного лицензирования, в первую очередь – включение в национальное право норм, допускающих выдачу принудительных лицензий в общественных интересах;

- для всех институтов права интеллектуальной собственности актуальным является пересмотр норм об исчерпании исключительного права с максимально возможным переходом от национального к региональному или международному принципу исчерпания права.

При определении общих пределов осуществления исключительных прав должен применяться принцип недопустимости злоупотребления правом, при этом одним из механизмов реализации данного принципа должно выступать активное применение норм антимонопольного законодательства, в том числе исключение из антимонопольного законодательства любых «иммунитетов» для прав интеллектуальной собственности.

В контексте *вопроса об обладателях исключительного права* следует назвать в качестве требующих решения:

- вопрос о возможности и целесообразности для государства (Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц)

выступать в качестве обладателя исключительных прав в отношении охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации;

- вопрос о возможности совместного обладания исключительным правом, в том числе в отношении служебных результатов интеллектуальной деятельности, а также возможности выделения доли в исключительном праве и ее участия в гражданском обороте.

Системы *искусственного интеллекта* в настоящее время способны создавать результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека. В первом приближении возможен вариант предоставления результатам деятельности систем искусственного интеллекта, соответствующих понятию произведения науки, литературы или искусства, охраны в качестве нового объекта смежных прав, в отношении которого не признаются личные неимущественные права; тем самым будет обеспечен экономический интерес владельца системы, создавшей такой результат, и при этом исключен конфликт с авторским правом на аналогичный результат, созданный творчеством человека. Решение о правовом статусе технических решений, создаваемых системами искусственного интеллекта и соответствующих понятию изобретения, пока не очевидно.

В контексте правового регулирования исключительных прав следует говорить о необходимости развития института *служебных результатов интеллектуальной деятельности*, в том числе унификации подходов в определении принадлежности исключительного права на служебный результат и учете имущественных интересов автора, не наделяемого исключительным правом. В частности, необходимо более четкое определение условий признания результата деятельности работника служебным, включая прямое указание на наличие трудовых отношений, определение понятия «задание нанимателя» и ограничение его трудовой функцией работника, а также исключение критерия использования опыта или средств нанимателя как основания для признания служебными изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Необходимо дальнейшее развитие законодательства, регулирующего выплату вознаграждения авторам служебных объектов; при этом следует обратить внимание на то, что нормы действующего законодательства не гарантирует авторам служебных произведений и исполнений права на получение вознаграждения, что объективно не стимулирует авторов, являющихся наемными работниками, к созданию творческих результатов.

Трансформация системы договоров, применяемых для распоряжения исключительным правом, в условиях цифровизации

общественных отношений, предполагает необходимость более широкого применения электронных документов в отношении всех юридических значимых действий, включая оформление договора, а также его регистрацию (если таковая требуется), а также развитие норм об открытых лицензиях, учет сложившейся в мире практики применения свободных лицензий семейств GPL, Creative Commons и др.

Задача совершенствования *специальных мер гражданско-правовой ответственности*, применяемых в отношении нарушителей исключительного права, требует, в первую очередь, совершенствования правовых норм, посвященных взысканию компенсации вместо возмещения убытков, причиненных нарушением исключительного права. Применение компенсации как меры гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав вызывает ряд теоретических и практических вопросов, к числу которых относятся вопросы о правовой природе компенсации, критериях, которые должны учитываться при определении ее размера, соотношении размера присуждаемой компенсации и размера понесенных правообладателем убытков, возможности взыскания компенсации в отсутствие вины нарушителя и др.

Особого внимания требует проблематика защиты авторских и смежных прав в сети Интернет. Для эффективной борьбы с нарушениями в законодательстве должен быть закреплен механизм ограничения доступа к произведениям, исполнениям, фонограммам, незаконно размещенным в сети, по требованию их правообладателя; при этом наиболее эффективным является сочетание судебного и административного порядка пресечения нарушений. Для реализации такого механизма необходимо законодательное определение правового статуса информационного посредника, определение пределов его гражданско-правовой ответственности за нарушения авторских (смежных) прав лицами, пользующимися его услугами, а также оснований для освобождения информационных посредников от указанной ответственности.

Реформирование системы выдачи патентов (свидетельств) должно включать в себя, в первую очередь, широкое внедрение современных информационных технологий. Системы искусственного интеллекту могут взять на себя основную тяжесть проведения информационного поиска и патентной экспертизы, а использование информационных технологий позволит существенно упростить весь процесс получения охранного документа, начиная с онлайн подачи заявки, отслеживания этапов ее рассмотрения патентным органом «в режиме

реального времени» с возможностью оперативного решения возникающих вопросов, и заканчивая выдачей электронного патента (свидетельства).

Также представляется обоснованным применение системы оппозиции при предоставлении правовой охраны отдельным объектам права промышленной собственности, обеспечивающей возможность для заинтересованного лица заявить возражение против предоставления правовой охраны определенному решению еще до принятия соответствующего решения патентным органом.

Масштабность и сложность стоящих задач требуют комплексного решения, которое возможно только в рамках *системного пересмотра* всего массива законодательства об интеллектуальной собственности, осуществляемого в форме его *кодификации*.

Говоря о кодификации, необходимо четко определить, в какой форме она должна осуществляться: в рамках ГК или в виде отдельного акта. Российский законодатель в свое время не воспринял предложения ученых о разработке отдельного кодифицированного акта – Кодекса интеллектуальной собственности Российской Федерации [10, с. 16]. В то же время показательной является позиция В. И. Еременко, который, будучи принципиальным противником полной кодификации, тем не менее отмечает, что «... часть четвертая ГК РФ в ее нынешнем виде, по сути, представляет собой кодекс интеллектуальной собственности в ГК РФ. Проблема заключается в том, чтобы придать его фактическому статусу («кодекс в кодексе») легальный характер путем принятия отдельного от ГК РФ кодификационного акта в сфере интеллектуальной собственности, оставив в ГК РФ лишь минимальное количество общих норм, регламентирующих взаимодействие двух кодексов по вопросам интеллектуальной собственности» [11, с. 47-48]. Поэтому можно сделать вывод о том, что с учетом достаточной «автономности» норм, составляющих право интеллектуальной собственности, а также с учетом межотраслевого характера правового регулирования отношений в области интеллектуальной собственности, выражающегося в том, регулирование данных отношений наряду с гражданско-правовыми нормами осуществляется также нормами административного и трудового права, вариант отдельного от ГК кодифицированного акта *представляется предпочтительным*.

Отдельный вопрос связан с включением в кодекс норм, регулирующих вопросы процедуры получения патента (свидетельства), а также объема таких норм. Отношения, возникающие между заявителем и патентным ведомством в процессе оформления прав на объекты

промышленной собственности, являются не гражданско-правовыми, а административно-правовыми. Однако, как отмечают исследователи, административно-правовое регулирование порядка проведения экспертизы и регистрации результатов изобретательской деятельности неотделимо от отношений, связанных с созданием и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, носящих гражданско-правовой характер. По мнению И. А. Близнеца, обосновывающего необходимость принятия отдельного кодифицированного акта, «... комплексный подход, закрепление в едином нормативном акте согласованных между собой гражданско-правовых, административно-правовых и процессуальных положений придаст особую эффективность положениям Кодекса интеллектуальной собственности России, даст возможность обеспечить оптимальное сочетание частно-правовых и публично-правовых методов воздействия на регулируемые отношения и позволит полностью учитывать все сложности, возникающие при решении задачи обеспечения надлежащего правового регулирования данной сфере общественных отношений» [10, с. 16-17]. Поскольку речь идет о разработке отдельного кодифицированного акта, такое сочетание гражданско-правовых и административно-правовых норм, необходимых для комплексного регулирования общественных отношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, представляется вполне оправданным. Более того, российский опыт кодификации доказывает практическую возможность перенесения в кодекс всех норм, ранее содержащихся в специальных законах, посвященных объектам права промышленной собственности, с сохранением существующего детального регулирования процедурных вопросов на подзаконном уровне.

Заключение. В рамках данной статьи мы назвали основные вызовы, стоящие перед национальной системой интеллектуальной собственности, а также обозначили ключевые проблемы, присущие основным институтам права интеллектуальной собственности Беларуси.

Предлагаемое реформирование институтов права интеллектуальной собственности на основе единой концепции исключительных прав, а также решение обозначенного комплекса проблем, как представляется, возможно только в рамках масштабной работы по пересмотру правовых норм и систематизации законодательства, наиболее эффективной формой которой является его кодификация.

Список использованных источников

1. Сигалов, К. Е. Кодификация и правовое время / К. Е. Сигалов // История государства и права. – 2007. – № 23. – С.35-37.
2. Сільчанка, М. У. Актуальныя праблемы сістэматызацыі беларускага заканадаўства / М. У. Сільчанка // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. – 2011. – № 1. – С.22-29.
3. Калинин, С. А. О подходах к совершенствованию и систематизации законодательства / С. А. Калинин // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь / Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2011. – С.80-89.
4. Лосев, С. С. Кодификация законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности: цели и задачи / С. С. Лосев // Право.by. – 2021. – № 1. – С. 18-26 ; – № 2. – С. 31-35.
5. Дозорцев, В. А. Система законодательства об исключительных правах /В. А. Дозорцев // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сб. статей. / Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2005. – 416 с.
6. Сесицкий, Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. П. Сесицкий. – Москва, 2019. – 27 с.
7. Иванов, А. Ю. Мифы о легальной монополии, или сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности /А.Ю. Иванов // Закон. – 2020. – № 2. – С. 86-102.
8. Маковский, А. Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса / А. Л. Маковский // КонсультантПлюс : Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.
9. Назаров, А. Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности : моногр. / А. Г. Назаров. – М.: Проспект, 2016. – 184 с.
10. Блинец, И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : теоретико-прикладное исследование : дисс. ... докт. юрид. наук / И. А. Блинец. – Москва : Рос. акад. государственной службы при Президенте Росс. Федерации, 2003. – 381 с.
11. Еременко, В. И. Некоторые проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности /В. И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2014. – № 2. – С. 47-48.

УДК 347.45/.47

АГЕНТИРОВАНИЕ И БЛОКЧЕЙН: ПЕРСПЕКТИВЫ

Лысаковская Ю. О.

*старший преподаватель кафедры хозяйственного права,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
Lysakovskaya@bsu.by*

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы применения смарт-контрактов в случае с коммерческим посредничеством (агентированием, дистрибьюторством).

Ключевые слова: агентирование, блокчейн, смарт-контракт.

COMMERCIAL AGENTS AND BLOCKCHAIN: PROSPECTS

Y. O. Lysakovskaya

*senior lecturer of the Department of Economic Law,
Faculty of Law, Belarusian State University,
Nezalezhnosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
Lysakovskaya@bsu.by*

Abstract. The article discusses the prospects for the use of smart contracts in the case of commercial mediation (agency, distribution).

Keywords: agency, blockchain, smart contract.

Концепция и технология блокчейн рассматриваются исследователями в различных областях общественных отношений как шанс разрешить давние проблемы или получить новые преимущества. Влияние блокчейн постоянно растет не только в сфере хранения и обработки данных, но и в казалось бы далеких от IT сферах – управление цепочками поставок, отчетность в здравоохранении [1, 2].

В этом отношении коммерческое агентирование не является исключением. Зарубежные исследователи уже проявляют интерес к возможностям, предоставляемым блокчейном для решения или хотя бы нивелирования давних проблем [3, 4, 5, 6].

Центральная роль в расширении влияния блокчейна отводится смарт-контрактам, поскольку именно смарт-контракты позволяют блокчейну работать как механизм распределенных вычислений общего назначения, сохраняя при этом его основные преимущества - безопасность, доверие и отказоустойчивость [7]. В текущей практике смарт-контракты, как правило, применяются в целях автоматизации процедур, проверки свойств транзакций и посредничества во взаимодействиях между ненадежными распределенными сторонами.

Так, смарт-контракты используются для выполнения либо чисто «алгоритмических» вычислений (например, автоматизация комиссий или акций, обеспечение прав доступа и т. д.), либо интерактивных вычислений, направленных на определение того, когда, как и в какой степени лица, не входящие в цепочку поставок (продаж) отдельной компании могут коммуницировать [8]. Таким образом, интеграция системы коммерческого посредничества и блокчейна представляется многообещающей. Агенты как коммерческие посредники являются независимыми (автономными) субъектами по распределению товаров (работ, услуг), деятельность и взаимодействие которых подлежит должному регулированию со стороны принципала. В то же время блокчейн и смарт-контракты представляют собой trust-sensitive инструмент, приемлемый для управления взаимодействием принципал-агент-потребитель [9].

Например, известные платформы Ethereum или HyperLedger Fabric используются для поддержки цепочки поставок продуктов [10]. Самое распространённое применение блокчейн в случае с коммерческим агентированием - отслеживание движения товаров от производителя до розничных магазинов.

Например, производитель товара желает экспортировать свой товар за границу. Классическая схема будет выглядеть как цепочка поставок, включающая в себя транспортную компанию (грузоперевозчика), дистрибьюторскую компанию (агента) и розничный магазин (Рисунок 1).

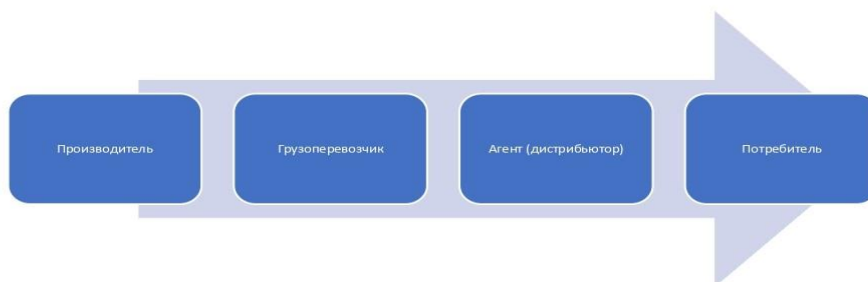

Рисунок 1. Традиционная цепочка сбыта товара (разработка автора)

А так будет выглядеть цепочка продвижения товара до конечного потребителя (в розничной торговле, например) с применением технологии блокчейн.

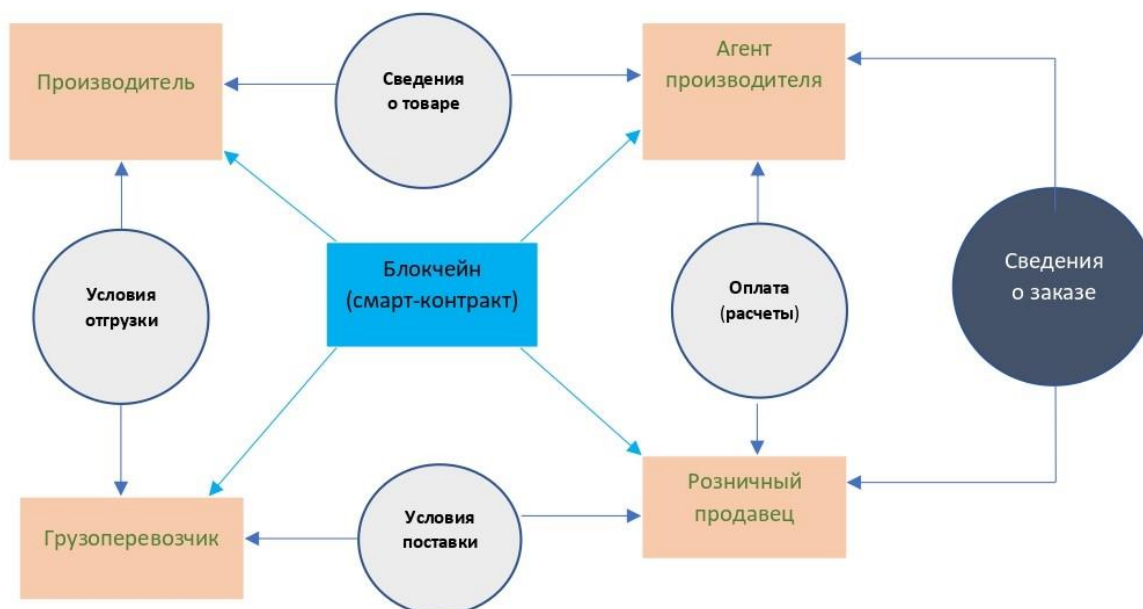

Рисунок 2. Цепочка сбыта товара с применением технологии блокчейн (разработка автора)

При таком сценарии компания-производитель может использовать смарт-контракты, во-первых, для отслеживания движения своей продукции по цепочке поставок и, во-вторых, для получения автоматического возмещения убытков (неустойки) в случае, если кто-то из ее компаний-партнеров не доставит товар своевременно. То есть, для каждого звена цепочки поставки создается один смарт-контракт. Смарт-контракт, заключаемый производителем с грузоперевозчиком, будет позволять отслеживать статус доставки товаров и автоматически возмещать производителю убытки (неустойку), если товар поступает к агенту (дистрибьютору) позже согласованного в смарт-контракте срока (рисунок 3).

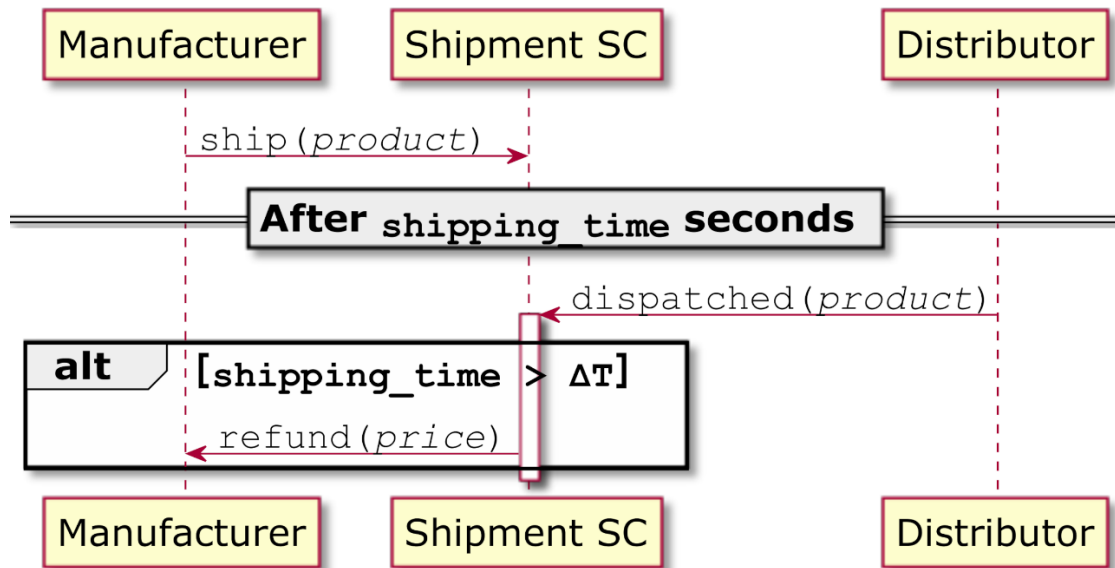

Рисунок 3. Сценарий отслеживания отправки товара по смарт-контракту агенту (дистрибьютору)

Источник: [10]

Развитие искусственного интеллекта уже ставит вопрос перед правоведами о придании электронным агентам статуса агента юридического. Так, в своем исследовании Дэниел Сенг и Тан Ченг Хан уточняют, что в случае с искусственным интеллектом компании-агенты должны обременяться обязательствами по раскрытию условий агентских договоров и их функциональных возможностей [11].

Таким образом, развитие информационных технологий неизбежно проникает во все сферы общественных отношений. Применение смарт-контрактов в случае с коммерческим посредничеством (агентированием, дистрибьюторством) технически уже возможно и применимо. Вместе с тем вопросы правового регулирования отношений сторон смарт-контрактов до настоящего времени остаются открытыми.

Список использованных источников

1. Casado-Vara, R.; Prieto, J.; la Prieta, F. D.; Corchado, J. M. How blockchain improves the supply chain: Case study alimentary supply chain. *Procedia Comput. Sci.* 2018, 134, Pp. 393–398. DOI : 10.1016/j.procs.2018.07.193.
2. Mettler, M. (2016, September). Blockchain technology in healthcare: The revolution starts here. In 2016 IEEE 18th international conference on e-health

networking, applications and services (Healthcom) (pp. 1-3). DOI: 10.1109/HealthCom.2016.7749510.

3. Calvaresi, D.; Dubovitskaya, A.; Calbimonte, J.P.; Taveter, K.; Schumacher, M. Multi-Agent Systems and Blockchain: Results from a Systematic Literature Review. In *Advances in Practical Applications of Agents, Multi-Agent Systems, and Complexity: The PAAMS Collection*; Demazeau, Y., An, B., Bajo, J., Fernández-Caballero, A., Eds.; Springer International Publishing: Cham, Switzerland, 2018; pp. 110–126. DOI : 10.1007/978-3-319-94580-4_9.

4. Calvaresi, D.; Dubovitskaya, A.; Retaggi, D.; Dragoni, F.A.; Schumacher, M. Trusted Registration, Negotiation, and Service Evaluation in Multi-Agent Systems throughout the Blockchain Technology. In *Proceedings of the 2018 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence (WI)*; Santiago, Chile: 3–6 December 2018; pp. 56–63.

5. Amato, F.; Femia, P.; Moscato, F. Enabling Accountable Collaboration in Distributed, Autonomous Systems by Intelligent Agents. In *Complex, Intelligent, and Software Intensive Systems*; Barolli, L., Hussain, F.K., Ikeda, M., Eds.; Springer International Publishing: Cham, Switzerland, 2020; pp. 807–816.

6. Papi, F.G.; Hübner, J.F.; de Brito, M. Instrumenting Accountability in MAS with Blockchain. In *Proceedings of the First Workshop on Computational Accountability and Responsibility in Multiagent Systems co-located with 20th International Conference on Principles and Practice of Multi-Agent Systems*, Nice, France, 30 October–3 November 2017; pp. 20–34. DOI : 10.1007/978-3-030-22354-0_74.

7. Daniel Macrinici, Cristian Cartofeanu, Shang Gao. Smart contract applications within blockchain technology: A systematic mapping study. *Telematics and Informatics*, Volume 35, Issue 8, 2018, Pp. 2337-2354. DOI : 10.1016/j.tele.2018.10.004.

8. Peter Wegner. 1997. Why interaction is more powerful than algorithms. *Commun. ACM* 40, 5 (May 1997), Pp. 80–91. DOI : 10.1145/253769.253801.

9. Ciatto, G., Mariani, S., Maffi, A., & Omicini, A. (2020). Blockchain-based coordination: Assessing the expressive power of smart contracts. *Information*, 11(1), 52. DOI : 10.3390/info11010052.

10. Ciatto, G.; Mariani, S.; Omicini, A.; Zambonelli, F. From Agents to Blockchain: Stairway to Integration. *Appl. Sci.* 2020, 10, 7460. DOI : 10.3390/app10217460.

11. Seng, Daniel Kiat Boon and Tan, Cheng Han, *Artificial Intelligence and Agents* (July 20, 2021). NUS Centre for Technology, Robotics, Artificial

Intelligence & the Law Working Paper 21/02. NUS Law Working Paper No. 2021/019, City University of Hong Kong School of Law Legal Studies Research Paper No. Forthcoming. DOI : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3935446>.

УДК 347.78:004.738.5(476)

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Русакович Н. А.

*магистрантка юридического факультета Белорусского
государственного университета
юридический факультет, Белорусский государственный
университет, ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск, Беларусь,
natalia.rusakovich.30@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются вопросы защиты авторского права в сети Интернет в Республике Беларусь и за рубежом. Выявлена специфика защиты авторского права в сети Интернет, сделан вывод о возможности применения традиционных способов защиты авторского права в цифровой среде, предложены направления совершенствования механизма коллективного управления имущественными правами в сети Интернет, в том числе на международном уровне. Внесено предложение о необходимости разработки единого нормативного правового акта, ориентированного на защиту авторского права в сети Интернет.

Ключевые слова: авторское право, сеть Интернет, охрана авторского права, защита авторского права.

TO THE ISSUE OF COPYRIGHT PROTECTION ON THE INTERNET

N. A. Rusakovich

*Master's degree student of the Law Faculty of the Belarusian State
University
Faculty of Law, Belarusian State University, Leningradskaya str., 8,
220030 Minsk, Belarus, natalia.rusakovich.30@gmail.com*

Abstract. The article considers and analyses the issues of copyright protection on the Internet in the Republic of Belarus and abroad. There were revealed the specifics of copyright protection on the Internet; also there was made the conclusion about the possibility of applying of traditional methods of copyright protection in the digital environment and were proposed the directions of improvement of the mechanism of collective management of property rights on the Internet, including the international level. Also there is a suggestion related to the development of a unified legal act aimed at the protection of copyright on the Internet.

Key words: copyright, Internet, copyright protection, defense of copyright.

На протяжении всего своего существования авторское право имело значение юридической основы культурного и экономического роста и благосостояния общества. Но ситуация кардинальным образом изменилась ввиду глобального распространения компьютерных технологий и увеличения возможностей всеобщего доступа к сети Интернет. Будучи относительно новым средством коммуникации, сеть Интернет оказывает, тем не менее, давление на традиционные формы защиты авторского права, поскольку законодательство различных государств не всегда способно отвечать потребностям прогресса информационных технологий, постоянно интенсифицирующим темпы своего развития [1, с. 280].

Традиционные способы защиты авторского права, как и всё традиционное авторское право в целом, вошли в противоречие с новыми массовыми формами распространения информации, и в условиях информационного общества извечный вопрос баланса интересов авторов и пользователей вышел на концептуально новый уровень. Полагаем, на сегодняшний день обеспечение баланса между их в значительной мере противоположными интересами как на национальном, так и на международном уровне является одной из актуальных задач юриспруденции.

Согласно п. 1 ст. 8 Закона «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З (далее – Закон), авторское право на произведение возникает автоматически в связи с фактом его создания и не требует соблюдения каких-либо дополнительных формальностей. На международном уровне принцип автоматической охраны и защиты произведений впервые был закреплён в ст. 5 Бернской конвенции 1886 г. по охране литературных и художественных произведений (далее – Бернская конвенция). Размещение файлов, в которых содержатся охраняемые

авторским правом произведения, в сети Интернет с возможностью свободного или ограниченного доступа к ним также не отменяет их правовую охрану и не изменяет правовой режим их возможного последующего использования, а исключительное право на произведение даёт возможность своему обладателю осуществлять использование охраняемого результата интеллектуальной деятельности в любой форме с одновременным запретом, действующим в отношении всех остальных лиц, осуществлять аналогичные действия.

Однако, поскольку на сегодняшний день количество объектов авторского права многократно возросло, в большинстве случаев автор не в состоянии самостоятельно контролировать использование произведений ввиду огромного числа потенциальных пользователей. Также в настоящее время имеется множество способов, с помощью которых произведения могут использоваться одновременно в разных местах и разными пользователями, что делает такой контроль неосуществимым.

Одним из важнейших институтов контроля использования произведения, а также способов реализации и защиты имущественных прав авторов является, как известно, коллективное управление их имущественными правами. Понятие «коллективное управление имущественными авторскими правами» является традиционным и широко применяемым в законодательстве многих государств. Его назначение в том, чтобы содействовать авторам и правообладателям в защите своих прав, если на практике это затруднительно или невозможно осуществить в индивидуальном порядке. Особенно актуальным оно становится в случаях массового характера нарушения или неспособности авторов собственными усилиями справиться с нарушениями [2, с. 126], как это зачастую и имеет место в сети Интернет.

Организации по коллективному управлению имущественными правами существуют в большинстве стран мира, включая Республику Беларусь, где в настоящее время осуществляется только простое коллективное управление. Как считается, практику расширенного управления произведениями без соответствующего договора прекратил Верховный Суд Республики Беларусь своим определением от 28 декабря 2010 г. [3, с. 39–40].

Тем не менее, полагаем, что дальнейшее сохранение в законодательстве и практике системы простого коллективного управления представляется необоснованным применительно к сети Интернет. Более того, в результате комплексного исследования технологического развития глобальных компьютерных сетей российским учёным С. Ф. Зятицким был

сделан вывод о том, что нормы, регулирующие вопросы коллективного управления, являются наиболее оптимальными для применения их в беспрецедентных правовых реалиях, обусловленных в том числе стремительным развитием сети Интернет, поскольку этот механизм по своей сути наиболее приспособлен к новым способам использования произведений и позволяет оптимальным образом реализовать идею коллективного контроля в условиях массового характера использования охраняемых объектов в сети Интернет, а также при изготовлении цифровых носителей [4, с. 18].

Также следует полагать, что в перспективе возникнет необходимость замены государственной организации по коллективному управлению, какой в настоящее время является Национальный центр интеллектуальной собственности (далее – НЦИС), одной либо несколькими негосударственными, созданными самими правообладателями, так как деятельность негосударственных организаций в большей мере соответствует природе прав, которыми они управляют [5]. В качестве примера подтверждения существования подобной тенденции можно рассматривать создание негосударственного общественного объединения «Беларускае таварыства аўтараў, выканаўцаў і іншых праваўладальнікаў» [6]. В перспективе, полагаем, целесообразно также создание мультимедийной организации [4, с. 19], осуществляющей специализированное коллективное управление правами авторов непосредственно в сети Интернет.

Таким образом, в результате предлагаемых изменений система коллективного управления Республики Беларусь перейдёт из сферы влияния государства в частноправовую плоскость, и подобная реформа послужит развитию защиты авторского права в Республике Беларусь применительно к Интернет-среде.

В рамках исследуемой проблематики отметим, что учёный С. П. Гришаев полагает, что существующее разнообразие всех подходов, связанных с решением правовых проблем использования охраняемых произведений в Интернете, можно сузить до трёх основных:

- 1) охрана в сети Интернет нецелесообразна вообще [7, с. 32; 8];
- 2) охрана традиционными способами невозможна;
- 3) охрана возможна традиционными способами путём внесения соответствующих изменений в действующее законодательство [8].

В свою очередь, предусмотренные законодательством Республики Беларусь способы защиты носят универсальный характер. Так, в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) закреплены общие

способы защиты прав, а Закон, хоть и является специализированным актом, детализирующим общие положения ГК в сфере авторского права, не в полной мере учитывает специфику защиты прав авторов и исполнителей в сети Интернет [9, с. 181].

Полагаем, охрана авторского права в сети Интернет в целом возможна традиционными способами, которые на сегодняшний день весьма разнообразны, однако путём внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, как и считает большинство учёных, в том числе С. П. Гришаев и О. А. Паферова [8; 10], поскольку существующие юридические механизмы, предусмотренные для реальной среды, в отношении Интернет-среды, как правило, ограничены в применении, поскольку каждое использование произведения в сети Интернет создаёт его копию, что делает невозможным полное отождествление его с реальным.

На международном уровне значимой попыткой по регулированию защиты авторского права в Интернете стало принятое в 1996 г. в Женеве соглашение по охране авторского права – Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (далее – Договор по авторскому праву). Он имел своей целью регулирование вопросов авторского права в цифровом пространстве, поэтому получил также название «Интернет-договор Всемирной организации интеллектуальной собственности» [11, с. 35]. Так, ст. 1 Договора по авторскому праву свидетельствует о том, что право на воспроизведение по ст. 9 Бернской конвенции и допускаемые этой статьёй исключения вполне применимы и в цифровом пространстве, в частности, в отношении использования произведений в цифровой форме.

Существующие же в зарубежных странах механизмы защиты интеллектуальной собственности, в том числе авторского права, можно объединить в две группы: юридические и технические. При рассмотрении первой группы интересен прежде всего, полагаем, опыт США. Правовое регулирование защиты авторского права в сети Интернет в США осуществляется благодаря нормам The Digital Millennium Copyright Act 1998 г. Кроме того, указанный акт формирует так называемую «безопасную зону» для интернет-пользователей, относящихся к категории посредников [12, с. 29].

Отметим, что в США в 2013 г. вступила в действие система «Copyright Alert System» согласно которой нарушители авторского права в сети Интернет получают предупреждение, а в случае отсутствия соответствующей реакции к ним уже могут быть приняты меры по усмотрению провайдера. Однако, несмотря на все предпринимаемые меры,

американские провайдеры находят альтернативные методы для контроля доступа в Интернете и использования материалов, защищённых авторским правом. Например, невидимые «цифровые водяные знаки»: поскольку цифровая копия данных является, по сути, таким же объектом, как оригинал, цифровые водяные знаки – это средство пассивной защиты, что просто «маркирует» те или иные данные, но не контролирует доступ к ним [13, с. 223–225].

Следует поддержать также высказанную в научной литературе точку зрения, что, несмотря на всю значимость установления правового контроля за защитой авторского права в Интернете на внутригосударственном уровне, учитывая глобальные масштабы сети Интернет и наличие массы способов и компьютерных программ, позволяющих обойти внутригосударственные запреты, полное и эффективное решение проблемы нарушения авторского права в сети Интернет может быть достигнуто только посредством адекватного современным реалиям международного правового регулирования и последующей его имплементации в национальном законодательстве [14, с. 83]. В этих целях Д. А. Братусь предлагает свою концепцию типично рамочного многостороннего соглашения, которое бы регулировало использование Интернет-контента на международном уровне. Другие возможные форматы подобного международно-правового акта учёный определяет как деловые обычаи или типовые правила [15, с. 27].

Считаем подобные идеи определённо полезными и для дальнейшей унификации авторского права в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), который с 1 января 2015 г. стал новой для Республики Беларусь правовой реальией. Вопросы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности и, соответственно, авторского права в частности входят в число важнейших аспектов экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС. В соответствии с ч. 2 ст. 89 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., они представлены в качестве основных направлений такого сотрудничества. Вопросы унификации подходов к коллективному управлению в странах ЕАЭС также пытаются решить в рамках данной организации. Так, например, 10 ноября 2017 г. правительства государств-членов ЕАЭС подписали Соглашение о едином порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе.

Таким образом, в случае успешной имплементации положений указанного Соглашения о едином порядке управления авторским и смежными правами на коллективной основе следует ожидать перехода систем коллективного управления стран ЕАЭС, в том числе Республики

Беларусь, на новый, более качественный уровень. Соглашение способствует формированию новых стандартов деятельности организаций по коллективному управлению стран ЕАЭС в области распределения вознаграждения, размера удержаний на возмещение расходов организаций, взаимодействия с правообладателями, обеспечения доступности управляемых репертуаров. Их деятельность будет осуществляться согласно принципам открытости, прозрачности, подконтрольности, справедливости, недискриминации, а обязательный независимый аудит повысит, полагаем, доверие к данным организациям.

Кроме того, полагаем, что судебная практика в Республике Беларусь по разрешению споров, связанных с нарушениями прав интеллектуальной собственности в сети Интернет, находится пока в стадии своего формирования. Соответственно, судам ещё предстоит дать ответы на многие постоянно актуализирующиеся вопросы, в частности, касающиеся того, каким образом определить лицо, ответственное за нарушение авторского права в сети Интернет, а также суметь установить правомерность обеспечения и предоставления доказательств по делу до момента его возбуждения и т.д. Стремительное развитие отношений, связанных с интеллектуальной собственностью в Интернете, бросает вызов существующей правовой системе их защиты во всех аспектах, в том числе в авторском праве; так, многие вопросы защиты авторского права в Интернете по-прежнему требуют досконально дальнейшего изучения, в том числе в рамках всего мирового сообщества [16, с. 28].

Соответственно, применительно к охране в сети Интернет требуется концептуально новый, специфический подход, выработанный с учётом накопленного в отечественной цивилистике и международном праве опыта, адаптированного под социально-правовые реалии Республики Беларусь. Данный подход может выражаться в создании системы предупреждения нарушений авторского права в сети Интернет, а также принятии отдельного нормативного правового акта, который бы регламентировал вопросы защиты авторского права с учётом специфики объектов и субъектов авторского права в сети Интернет, включая особенности электронной регистрации авторского права на произведение в цифровой форме, виды санкций за различные нарушения авторского права в сети Интернет, а также порядок рассмотрения дел о нарушении авторского права в сети Интернет.

Список использованных источников

1. Луцкер, А. П. Авторское право в цифровых технологиях и СМИ : перевод с английского / Арнольд П. Луцкер. – Москва : Кудиц-Образ, 2005. – 416 с.
2. Гаврилов, Э. П. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» / Э. П. Гаврилов. – М. : Фонд «Правовая культура», 1996. – 224 с.
3. Определение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Судовы веснік. – 2011. – № 1. – С. 39–41.
4. Зятыцкий, С. Ф. Проблемы реализации авторских и смежных прав на коллективной основе в условиях развития новых технологий : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 12.00.03 / С. Ф. Зятыцкий ; Рос. госуд. ин-т интеллектуальной собственности. – М., 2003. – 40 с.
5. Лосев, С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» [Электронный ресурс] : [по состоянию на 18.04.2013 г.] / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Перечень организаций, имеющих государственную аккредитацию по коллективному управлению имущественными правами [Электронный ресурс] // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://gknt.gov.by/be/administrativnye-protsedury/perechen-administrativnykhprotsedur/perechen-organizatsiy-imeyushchikh-gosudarstvennuyu-akkreditatsiyu-po-kollektivnomu-upravleniyu-imushch.php>. – Дата доступа: 18.04.2022.
7. Бойков, В. А. Проблема защиты авторского права в глобальной сети Интернет / В. А. Бойков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 6. – С. 28–31.
8. Гришаев, С. П. Интеллектуальная собственность [Электронный ресурс] : [по состоянию на 03.01.2009 г.] / С. П. Гришаев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. Андрушко, К. Ч. Основные способы совершенствования защиты авторских и смежных прав в сети Интернет в Республике Беларусь / К. Ч. Андрушко // Государство и право : актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. ст. III Международной научно-практической конференции / Под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев, 2020. – С. 180–183.

10. Паферова, О. А. Защита авторского права в сети интернет. Практика Российских арбитражных судов / О. А. Паферова, Е. А. Соколова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. Еремин, А. В. Изменение роли Бернской конвенции в международной охране авторских прав / А. В. Еремин // Гражданин и право. – 2006. – № 7. – С. 35.

12. Бойков, В. А. Проблема защиты авторского права в глобальной сети Интернет / В. А. Бойков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 6. – С. 28–31.

13. Шакель, Н. В. Правовые вопросы регистрации цифровых произведений (компьютерных программ) / Н. В. Шакель // Интеллектуал. собственность в XXI веке. Интеллектуал. собственность и Интернет: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Киев, 24 апр. 2009 г. – Киев: ИВЦ «Видавництво «Политехника», 2009. – С. 215–225.

14. Лихачёв, В. А. Современное состояние защиты прав интеллектуальной собственности в ЕС / В. А. Лихачёв // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 5. – С. 83.

15. Братусь, Д. А. Естественно-правовая природа личных неимущественных авторских прав: дис. ... магистр юриспруденции – М.: РГАИС, 2012. – 198 с.

16. Назарова, М. А. Роль международных договоров в сфере гражданско-правовой защиты авторских прав в сети Интернет / М. А. Назарова // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 6. – С. 28–33.

УДК 347.78

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Савицкая К. Д.

*старший преподаватель кафедры гражданского права
юридический факультет,*

Полоцкий государственный университет,

ул. Блохина, 29, 211440 Новополоцк, Беларусь, k.savitskaya@psu.by

В статье исследуется правовой режим компьютерных игр. Рассмотрена возможность применения правового режима базы данных, компьютерной программы, мультимедийного произведения в отношении

компьютерных игр. Автором выделены и изучены следующие признаки компьютерной игры как мультимедийного произведения: сложность, наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода), виртуальность, интерактивность, цифровая форма выражения. В работе проанализированы и систематизированы теоретические положения по теме исследования, изучены доктринальные подходы.

Ключевые слова: компьютерная игра; сложность; интерактивность; цифровая форма; компьютерная программа; мультимедийное произведение; мультимедийный продукт; авторское право; интеллектуальная собственность.

LEGAL REGIME OF COMPUTER GAMES

K. D. Savitskaya

*Lecturer, Department of Civil Law, Faculty of Law,
Polotsk State University,*

29 Blokhin Street, 211440 Novopolotsk, Belarus, k.savitskaya@psu.by

The article examines the legal regime of computer games. The possibility of applying the legal regime of a database, a computer program, multimedia work in relation to computer games is considered. The author singled out and studied the following features of a computer game as a multimedia work: complexity, presence in the structure of a computer program (original program code), virtuality, interactivity, digital form of expression. The paper analyzes and systematizes the theoretical positions on the research topic, studied doctrinal approaches.

Keywords: computer game; complexity; interactivity; digital form; computer program; multimedia work; multimedia product; Copyright; intellectual property.

В настоящее время индустрия компьютерных игр активно развивается. В 2021 году в мире пользователи потратили \$180,3 миллиарда на компьютерные игры [1], 225 миллионов человек играли на консолях, 1,7 миллиардов – на персональных компьютерах и 2,7 миллиардов – на мобильных телефонах [2]. Согласно статистике объем продаж и количество игроков с каждым годом увеличивается [3].

Приведенные данные свидетельствуют об активном вовлечении в гражданский оборот компьютерных игр, что актуализирует проблему определением их правового режима.

В доктрине компьютерные игры рассматриваются с разных позиций. Обобщенно, все существующие исследования можно разделить на две большие группы: юридические и неюридические.

В неюридических источниках ряд работ посвящены рассмотрению компьютерных игр как жанру художественного творчества (И. Е. Гутман [4], И. И. Югай [5]). Сравнительный анализ определений игры и ее основных видов проведен Т. А. Кривко-Апинян [6]. Вопросы классификации компьютерных игр, их место в личной и общественной жизни были рассмотрены А. И. Липковым [7].

В юридической науке компьютерная игра рассматривается как мультимедийное произведение (Е. С. Гринь [8, с. 51], Е. Н. Калугина [9, с. 19], В. В. Лебедь [10, с. 75], В. Н. Лопатин [11, с. 33], Е. А. Мазур [12, с. 74], Г. Москалевич [13, с.19], Н. А. Полианчик [14], М. А. Рожкова [15], Т. Ю. Силюк [16, с.153]). Ряд авторов (В. В. Архипов [17, с.234], С. Мачихин [18, с. 55], А. Ю. Чурилов [19, с. 46]) исследуют вопрос о возможности применения режима сложного объекта, компьютерной программы, базы данных к мультимедийному произведению.

В отношении правового режима компьютерных игр, можно выделить три основные точки зрения:

1. Компьютерная игра является компьютерной программой [20; 21; 22; 23; 24].

2. Компьютерная игра представляет собой один из видов сложного объекта – мультимедийное произведение. Такой подход получил широкое признание в доктрине (Е. С. Гринь [8, с. 51], Е. Н. Калугина [9, с. 19], В. В. Лебедь [10, с. 75], В. Н. Лопатин [11, с. 33], Е. А. Мазур [12, с. 74], Г. Москалевич [13, с.19], Н. А. Полианчик [14], М. А. Рожкова [15], Т. Ю. Силюк [16, с.153]) и судебной практике [25; 26; 27; 28; 29].

3. Компьютерная игра может являться сложным объектом, компьютерной программой либо базой данных (В. В. Архипов [17, с.67], С. Мачихин [18, с. 55], А. Ю. Чурилов [19, с. 46]). Так, А. Ю. Чурилов отмечает, что исходя из буквального толкования ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации, компьютерная игра относится к программе для ЭВМ, но исходя из своей природы, она является сложным мультимедийным произведением [19, с. 46]. По мнению С. Мачихина, компьютерную игру можно рассматривать как составное произведение или сложный объект, включающий несколько охраняемых результатов интеллектуальной

деятельности, поскольку такой подход «позволит сформировать более эффективную стратегию по ее защите» [18, с. 55].

Для того, чтобы принять одну из этих точек зрения, необходимо ответить на вопрос о наличии либо отсутствии у компьютерной игры признаков, указывающих на принадлежность к компьютерным программам, базам данных либо мультимедийным произведениям.

База данных является составным произведением и предполагает признание авторских прав лишь на осуществленный подбор или расположение материалов. Для решения вопроса о возможности применения правового режима базы данных к компьютерной игре, необходимо выяснить, является ли компьютерная игра простой суммой программной оболочки и иных произведений, выраженных в цифровой форме.

Скорость развития технологий постепенно приводит к тому, что разделение компьютерной игры на составляющие становится все более затруднительным. На наш взгляд, в структуре компьютерной игры результаты интеллектуальной деятельности «спаиваются» и образуют единый, качественно новый результат, который не является простым сложением отдельных его компонентов, а представляет единое произведение (единый объект правовой охраны). Следовательно, правовой режим базы данных не применим к компьютерным играм.

По мнению М. А. Рожковой, современные компьютерные игры нельзя рассматривать как разновидность компьютерной программы, поскольку «они представляют собой серьезно различающиеся явления как с технической, так и с правовой позиций» [15]. Считаем данную точку зрения обоснованной, поскольку в первых компьютерных играх использовалась простая графика в виде геометрических фигур и их функциональные возможности были ограничены (например, игры Spacemar, Pong). В 60-70-х большинство компьютерных игр представляли собой простые компьютерные программы. Современные игры включают в себя множество элементов (визуальные компоненты, персонажи, сюжетные линии, иллюстрации, анимация, дизайн, предметы, музыка и звуковые эффекты, диалоги, графика, компьютерный код, пользовательский интерфейс, вид и функции, игровую механику, игровой процесс, аудио, видео, текст, макет, базы данных и др.) и представляют собой единый неделимый объект правовой охраны, в котором компьютерная программа является лишь одним из компонентов.

В отношении правового режима компьютерной игры, считаем целесообразным согласиться с позицией В. В. Архипова, по убеждению

которого компьютерные игры, в которых аудиовизуальные отображения «как бы (автоматически) создаются, а не воспроизводятся (в техническом смысле)», допустимо считать исключительно компьютерными программами, однако «если аудиовизуальные отображения воспроизводятся и при этом они были созданы ранее вне данной программы, но впоследствии интегрированы в нее», такие игры будут являться сложным объектом – мультимедийным произведением [17, с. 65].

Далее сконцентрируем внимание на рассмотрении компьютерной игры в качестве мультимедийного произведения. Мультимедийное произведение представляет собой результат интеллектуальной деятельности, для которого характерны следующие признаки: сложность, наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода), интерактивность, цифровая форма выражения [30, с. 112]. Рассмотрим более подробно компьютерную игру на предмет наличия обозначенных признаков.

1. Сложность означает, что в структурном составе мультимедийного произведения сочетаются нескольких разнородных результатов интеллектуальной деятельности, образующих единый объект правовой охраны; права на результаты интеллектуальной деятельности в составе мультимедийного произведения принадлежат различным субъектам [31].

Исследование компьютерных игр позволяет выделить объекты, которые входят в ее структуру. Компьютерная игра может содержать:

Объекты авторского права (литературные произведения (тексты игры (правила, реплики героев, сценарий)); музыкальные произведения с текстом и без текста (саундтреки игры); аудиовизуальное произведение (видеовставки игры); произведения изобразительного искусства (шрифты, графические элементы игры); фотографические произведения, полученные способами, аналогичными фотографии; компьютерные программы (исходный и объектный код игры); персонажи и др.).

Объекты смежных прав (озвучка персонажей, исполнения и фонограммы).

Товарные знаки. На практике широко применяется регистрация в качестве товарных знаков названий игр (World of Tanks, GTA, The Sims, Need for Speed), имен персонажей (все герои Angry birds), изображения персонажей (изображение персонажа Red из игры Angry Birds), оригинальных элементов игры (зеленый пламбаб – кристалл над головой персонажа из Sims), названий игровых миров и иное [18, с. 57].

Промышленные образцы. Интерфейс игры или его части могут быть запатентованы в качестве промышленных образцов. Например,

Wargaming.net LLP обладают правами на патент в отношении системы формирование команд игроков для матчей [32] и правами на игровой интерфейс как объект патентных прав [33].

Неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности (произведения народного творчества, авторы которых неизвестны, государственные символы, официальные документы, идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты и др.)

Таким образом, компьютерная игра может содержать в своей структуре разнородные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. В зависимости от вида и масштабности компьютерной игры будет варьироваться перечень входящих в ее состав объектов.

2. Обязательным элементом компьютерной игры является **компьютерная программа (оригинальный программный код)**, которая обеспечивает уникальную творческую связь между использованными в ее структуре элементами, ее целостное восприятие, существование и использование.

3. **Интерактивность** представляет собой набор событий, определяющих взаимодействие пользователя с компьютерной игрой. В компьютерной игре интерактивность реализуется посредством возможности пользователя взаимодействовать с ее содержанием множеством способов. От выбора пользователя зависит визуальный, звуковой ряд компьютерной игры. Пользователь выбирает предложенные программой средства управления для решения внутриигровых задач. Так, пользователь может выбирать модификацию персонажа, руководить его действиями, тем самым оказывая влияния на развития сюжета. В трехмерных компьютерных играх пользователь может менять ракурс наблюдения за происходящим.

4. Объективной формой выражения компьютерной игры является **цифровая форма**.

На основании проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

Единство взглядов в отношении правового режима компьютерной игры в доктрине и судебной практике отсутствует. Компьютерная игра рассматривается как: компьютерная программа, сложный объект (мультимедийное произведение), база данных.

При определении правового режима компьютерной игры необходимо учитывать ее технические особенности. Компьютерная игра, в которой аудиовизуальные отображения создаются, а не воспроизводятся, будет являться компьютерной программой. Компьютерная игра, в которой

воспроизводятся интегрированные ранее созданные вне компьютерной программы аудиовизуальные отображения, будет являться мультимедийным произведением.

Для компьютерной игры как мультимедийного произведения характерны следующие признаки:

1) сложность (представляет собой единый объект правовой охраны, в котором посредством компьютерной программы (оригинального программного кода) объединены выраженные в цифровой форме разнородные результаты интеллектуальной деятельности);

2) имеет в структуре компьютерную программу (оригинальный программный код), обеспечивающий ее целостное восприятие, существование и использование;

3) интерактивность (визуальный, звуковой ряд зависит от взаимодействия с пользователем);

4) существует исключительно в цифровой форме.

Список использованных источников

1. Инфографика: игровая индустрия за 2021 год — в цифрах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dtf.ru/gameindustry/1000955-infografika-igrovaya-industriya-za-2021-god-v-cifrah?ysclid=l2soivvbar>. – Дата доступа: 01.05.2022.

2. DFC Intelligence. Gamer Segmentation: A leading provider of industry analysis and market forecasting for the video game sector – / DFC Intelligence. – Электронные данные. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dfcint.com/gamer-segmentation/>. – Дата доступа: 01.05.2022.

3. Статистика по игровому рынку за 2021 г. Статистика, которая поможет в разработке, развитии и монетизации игр – / Facebook Gaming, Facebook IQ. – Электронные данные. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://progamedev.net/wpcontent/uploads/2021/01/141683222_402224497735095_848708499424405914_n.pdf. – Дата доступа: 01.05.2022.

4. Гутман, И. Е. Компьютерные виртуальные игры: культурно-антропологические аспекты анализа : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13 / И. Е. Гутман. – СПб., 2009. – 27 с.

5. Югай, И. И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX-XXI веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.09. / И. И. Югай; СПб., 2008. – 26 с.

6. Кривко –Апинян, Т. А. Мир игры / Т. А. Кривко–Апинян. – СПб : Эйдос, 1992. –160 с.

7. Липков, А. И. Ящик Пандоры феномен компьютерных игр в мире и в России / А. И. Липков. – М. : Издательство ЛКИ, 2008 – 192 с.

8. Гринь, Е. С. Отдельные вопросы использования результатов творческого труда в составе сложных объектов интеллектуальных прав / Е. С. Гринь // Lex Russica. – 2018. – № 10. – С. 50–57.

9. Калугина, Е. Н. Правовая природа мультимедийной игры как объекта интеллектуальных прав / Е.Н. Калугина // Правовой партнер. – 2013. – №2.– С. 18-24.

10. Лебедь, В. В. Мультимедийные продукты в условиях адаптации французских законов об авторском праве к информационным реалиям / В. В. Лебедь // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 72–77.

11. Лопатин, В. Н. Интеллектуальная собственность: словарь терминов и определений / В. Н. Лопатин. - Респ. Науч.-исслед. Ин-т интеллектуал. Собственности (РНИИС). – М.: ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2012. – 150 с.

12. Мазур, Е. А. Понятие мультимедийного продукта / Е. А. Мазур // Актуальные проблемы российского законодательства : сб. ст. / Моск. ин-т экономики, менеджмента и права. – М., 2011. – Вып. 4. – С. 72–75.

13. Москалевич, Г. Н. Особенности лицензионного договора на продукт мультимедиа как охраняемый объект интеллектуальной собственности / Г. Н. Москалевич // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2013. – №2. – С. 19 – 22.

14. Полианчик, Н. А. Игра в лицензиара: как правильно использовать видео из компьютерных игр [Электронный ресурс] / Н. А. Полианчик // ПопМех. – Режим доступа: <https://www.popmech.ru/technologies/777213-igra-v-licenziara-kak-pravilno-ispolzovat-video-iz-kompyuternyh-igr/> . – Дата доступа: 05.05.2022.

15. Рожкова, М. А. Современная компьютерная игра – это не программа для ЭВМ // A modern computer game is not a computer program [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // Закон.ру. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremennaya_kompyuternaya_igra_eto_ne_programma_dlya_evm_a_modern_computer_game_is_not_a_computer#_ftnref4. – Дата доступа: 05.05.2022.

16. Силюк, Т. Ю. Некоторые проблемы авторских прав на мультимедийные продукты в Российской Федерации / Т. Ю. Силюк // Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы : материалы I Междунар. межвуз. науч.-практ. конф., Москва, 28 февр. 2020 г. / Краснояр. гос. аграр. ун-т ; редкол.: Л. В. Бертовский, С. М. Курбатова. – Красноярск, 2020. – С. 152–154.

17. Архипов, В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики / В. В. Архипов // Закон. – 2015. – № 11. – С. 61–69.

18. Мачихин, С. Защита компьютерной игры / С. Мачихин // Юрист. – 2020. – №1. – С. 55-58.

19. Чурилов, А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. / А. Ю. Чурилов. – Москва: Юстицинформ, 2020. – 224 с.

20. Постановления ФАС Московского округа от 30.05.2011 N КГ-А41/4600-11 по делу N А41-36671/10 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

21. Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа кассационной инстанции по проверке законности и обоснованности решений (определений, постановлений) арбитражных судов, вступивших в законную силу от 20 сентября 2005 г. Дело N КГ-А40/8931-05 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

22. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2015 г. по делу № 33-15908/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

23. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 02 марта 2011 г. по делу № А41-36671/10 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

24. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 26 мая 2010 г. № КГ-А40/4772-10 по делу № А40-10764/09-67-126, А40-13773/09-67-160 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

25. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2019 г. № 18АП-2645/2019 по делу № А76-16733/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

26. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2020 г. № 15АП-7112/2020 по делу № А32-56176/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

27. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02 ноября 2020 г. № С01-1162/2020 по делу № А32-56176/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

28. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 сентября 2020 г. № 17АП-8930/2020-ГКу по делу № А71-4683/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

29. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 июля 2019 г. № 18АП-4861/2019 по делу № А76-39760/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

30. Савицкая, К. Д. Понятие, признаки, правовой режим мультимедийных произведений / К. Д. Савицкая // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 окт. 2021 г. : в 2 ч. / Нац. центр интеллектуал. собственности ; под ред. В. А. Рябоволова. – Минск, 2021. – Ч. 2. – С. 109–113.

31. Савицкая К. Д. Понятие и признаки сложного объекта в авторском праве [Электронный ресурс] / К. Д. Савицкая // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.), Н. А. Бесецкая, В. П. Шарикова. – Новополоцк, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

32. Dynamic battle session matchmaking in a multiplayer game [Electronic resource]. – Mode of access: <https://patents.google.com/patent/US8425330>. – Date of access: 01.05.2022.

33. Display screen with graphical user interface [Electronic resource]. – Mode of access: <https://patents.google.com/patent/USD682863S1/en?q=Ltd&assignee=Wargaming.net&oq=Wargaming.net+Ltd>. – Date of access: 01.05.2022.

УДК 608.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СОЗДАНИЕМ БИОПРИНТНЫХ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Семенова Т. В.

*магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры
гражданского права, Полоцкий государственный университет, ул.*

*Блохина д. 29, 211440, г. Новополоцк, Республика Беларусь,
t.siamionava@psu.by*

Иванкович А. Д.

*студент 3 курса юридического факультета, Полоцкий
государственный университет, ул. Блохина д. 29, 211440, г. Новополоцк,
Республика Беларусь, art1234569070@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию отношений, связанных с созданием биопринтных органов и тканей человека. В качестве объектов исследования выступают технология биопринтинга и биопринтные органы и ткани человека как объекты интеллектуальной собственности, поэтому основной целью исследования является рассмотрение технологии биопринтинга и ее продуктов в качестве объектов патентных прав. Основными проблемами патентования технологии и продуктов биопринтинга являются соответствие их условиям патентоспособности и морально-этические ограничения. В статье обосновано, почему технология биопринтинга не подпадает под ограничения и исключения из патентоспособности; предложена стратегия патентной защиты достижений в области биопринтинга.

Ключевые слова: биопечать; биопринтинг; биопринтные органы; изобретение; патентоспособность; продукты биопринтинга.

LEGAL REGULATION OF RELATIONS ASSOCIATED WITH THE CREATION OF BIOPRINT ORGANS AND HUMAN TISSUES

T. Siamionava

*Master of Laws, Senior Lecturer, Department of Civil Law, Polotsk State
University, st. Blokhin 29, 211440, Novopolotsk, Republic of Belarus,
t.siamionava@psu.by*

A. Ivankovich

*3rd year student of the Faculty of Law, Polotsk State University, st.
Blokhin 29, 211440, Novopolotsk, Republic of Belarus,
art1234569070@gmail.com*

Annotation. The article is devoted to the legal regulation of relations related to the creation of bioprinted human organs and tissues. Bioprinting technology and bioprinted human organs and tissues as objects of intellectual property are the objects of research, so the main purpose of the study is to consider bioprinting technology and its products as objects of patent rights. The main problems of

patenting bioprinting technology and products are their compliance with the conditions of patentability and moral and ethical constraints. The article substantiates why bioprinting technology is not subject to limitations and exceptions to patentability, and proposes a strategy for patent protection of advances in the field of bioprinting.

Key words: bioprinting; bioprinting; bioprinting organs; invention; patentability; bioprinting products.

Введение. Биопринтинг как технология совершенствуется каждый день. Создание и улучшение данной технологии стали возможными благодаря работе многочисленных исследователей и изобретателей. Их усилия приносят пользу обществу, однако помимо удовлетворения общественных интересов, исследователи и изобретатели, учреждения и корпорации стремятся получить материальную выгоду. Организации финансируют и обеспечивают исследования и испытания, которые впоследствии и приносят пользу, что в свою очередь порождает необходимость в гарантии того, что время и средства, потраченные на развитие технологий, будут возмещены, чтобы далее финансировать иные исследования. Такой институт гражданского права, как интеллектуальная собственность, должен обеспечить данную гарантию.

В рамках исследования интерес представляет сама технология биопринтинга как объекта интеллектуальной собственности, а также продукты биопринтинга: напечатанные органы и ткани человека с позиции законодательства об интеллектуальной собственности.

Основная часть. Отечественное законодательство не способно урегулировать отношения, связанные с созданием биопринтных органов и тканей человека. Появляется необходимость в принятии специального нормативного правового акта, направленного на регулирование отношений, возникающих на всех стадиях использования технологии биопринтинга.

Основной моральной и этической проблемой в сфере биопринтинга является определение источника человеческих клеток, которые будут использованы при печати новых человеческих тканей и органов [1]. Человеческие органы являются сложными по клеточному составу, а для их создания требуются человеческие клетки разных видов, что предопределяет необходимость использования в биопринтинге стволовых клеток.

Стволовые клетки обладают возможностью к самовоспроизведению и потентностью, т.е. способностью стволовых клеток давать начало зрелым (специализированным, дифференцированным) клеточным линиям [2].

Именно благодаря этим свойствам их используют в биопринтинге. Наибольшей потентностью обладают эмбриональные плюрипотентные человеческие клетки, поскольку они являются источником образования дифференцированных клеток любых тканей и органов человека, что в свою очередь порождает фундаментальный этический вызов [1]. Проблема заключается в том, что извлечение эмбриональных стволовых клеток возможно путем уничтожения человеческих эмбрионов. Такое положение дел не позволяет получить патент на данную технологию, поскольку это противоречит законодательству большинства государств, в т. ч. законодательству Республики Беларусь.

Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» предусматривает, что методы оказания медицинской помощи и изобретения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали не признаются патентоспособными.

В соответствии с Европейской патентной конвенцией предусматриваются следующие исключения из патентоспособности. В перечне исключений находятся биотехнологические изобретения, которые относятся «к процессам клонирования человека; к процессам изменения генетической идентичности зародышевой линии человека; к использованию человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях; к процессам изменения генетической идентичности животных, которые могут привести к их страданиям без какой-либо существенной медицинской пользы для человека или животного, а также к животным, полученным в результате таких процессов». На данные положения Европейской патентной конвенции существенно повлияла Директива 98/44 по правовой охране биотехнологических изобретений. Так, в статье 6 Директивы закреплено, что не могут быть запатентованы изобретения, чье коммерческое использование противоречит публичному порядку и морали.

Исходя из содержания норм об исключении из патентоспособности, технология биопринтинга не может быть запатентована, т.к. в процессе печати используются эмбриональные человеческие клетки, что противоречит интересам общества, принципам гуманности и морали.

На практике можно увидеть, что патенты на изобретения в данной области все же выдаются. Во-первых, использование эмбриональных клеток не является обязательным в биопринтинге, клеточный материал может изыматься у самого пациента. Во-вторых, есть возможность перепрограммирования дифференцированных клеток и получения

индуцированных плюропотентных стволовых клеток, т.е. не требуется разрушать человеческий эмбрион либо выращивать в целях последующего биопринтинга [1]. Исключения из патентоспособности, предусмотренные законодательством большинства, если не всех, государств, не распространяются на технологию 3D-биопечати.

Если морально-этическая проблема становится относительно нейтральной, либо вовсе устраняется, то остаются другие важные вопросы патентоспособности в сфере биопринтинга, которые перекликаются с патентоспособностью природных продуктов и определением критериев патентоспособности.

Другим важным аспектом рассматриваемого вопроса является то, что методы оказания медицинской помощи не могут быть запатентованы. Здесь следует уделить внимание тому, относится ли процесс биопечати к методам оказания медицинской помощи.

Согласно Закону Республики Беларусь «О здравоохранении», медицинская помощь – «это комплекс медицинских услуг, которые направлены на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента, включающий медицинскую профилактику, диагностику, лечение, медицинскую абилитацию, медицинскую реабилитацию и протезирование, осуществляемый медицинскими работниками». Однако, по мнению автора, непосредственной медицинской помощью при биопринтинге является сама имплантация напечатанных органов и тканей. В свою очередь конечный результат процесса биопечати – орган или ткань, а цель данного процесса – производство органа или ткани.

Биопринтинг, учитывая все его этапы: этап предподготовки, этап производства или этап постпринтинга, следует относить к медицинской услуге или к медицинскому вмешательству, а не к медицинской помощи.

На этапе предподготовки идет формирование CAD-файлов, цифровых образов [2]. Сбор информации для их формирования происходит путем ряда иных типов медицинских вмешательств, таким образом, данный этап относится к медицинской услуге.

На этапе производства происходит сам процесс получения трехмерной структуры конструкта путем послойного нанесения на подложку биоматериалов и живых клеток. Т.е. на данном этапе либо вовсе отсутствует взаимодействие с пациентом, либо это взаимодействие минимально. Поэтому данный этап нельзя отнести даже к медицинскому вмешательству.

И, наконец, на этапе постпринтинга происходит «дозревание» полученного продукта в биореакторе. Здесь вовсе отсутствует какое-либо взаимодействие с пациентом, поэтому к медицинскому вмешательству, а следовательно, и к медицинской услуге, отнести данный этап нельзя.

По итогу вышеизложенного, биопринтинг не подпадает под ограничения законодательства о патентах на изобретения, т.к. данный процесс не относится к медицинской помощи. Однако стоит упомянуть, что если 3D-биопринтер используется для печати органов и тканей непосредственно на теле человека в соответствии с цифровыми моделями, полученными на этапе предподготовки, то данный процесс, по мнению автора, будет считаться медицинской помощью и соответственно, будет исключен из патентоспособности.

В области биопринтинга выделяются два типа патентной защиты. Первый относится к биопечатным материалам, машинам и аппаратам. Данный тип защиты распространяется на биопринтеры, биочернила, каркасы и программные приложения для 3D-биопечати. Второй тип защиты распространяется на процессы и продукты биопечати [3].

Согласно Закону Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», изобретением признается «техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу, а также к применению продукта или способа по определенному назначению, которое является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо».

Согласно вышеназванному Закону, изобретениями не считаются «открытия, а также научные теории и математические методы; решения, которые касаются только внешнего вида изделия и которые направлены на удовлетворение эстетических потребностей; планы, правила и методы интеллектуальной деятельности, проведения игр или осуществления деловой деятельности, программы для электронно-вычислительных машин; простое представление информации».

Изобретение – это техническое решение. В свою очередь техническое решение – это «устройство, сооружение, изделие, являющееся конструктивным элементом или совокупностью конструктивных элементов, находящихся в функционально-конструктивном единстве; способ, процесс выполнения взаимосвязанных действий над материальным объектом и с помощью материальных объектов; вещество, искусственно созданное материальное образование, являющееся совокупностью взаимосвязанных элементов, ингредиентов» [4]. Биопринтеры, а также процессы биопечати представляют собой техническое решение. Однако,

следует соотнести данные объекты патентования с условиями патентоспособности.

Следует начать с наиболее очевидного, а именно с промышленной применимости. Согласно законодательству Республики Беларусь, «изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других сферах деятельности». В данном случае как биопринтер, так и процесс биопечати могут использоваться в здравоохранении, например, при производстве биопринтных органов и тканей, которые в дальнейшем будут заменять уже не функционирующие аналоги.

Далее, изобретательский уровень. В соответствии с данным критерием, изобретение не должно явным образом следовать для кого-либо из уровня техники. Касательно данного критерия на практике не должно возникнуть проблем, т.к. сфера биопринтинга достаточно новая, и поэтому исследований к текущему моменту в данной области не так много, как в иных областях. Таким образом, требуется творческий труд, существенные умственные усилия и длительные размышления, чтобы итоговое техническое решение соответствовало данному критерию.

Изобретение не должно быть частью уровня техники, т.е. должно быть новым. Сами устройства и процессы могут быть запатентованы, если они не подпадают под исключения из патентоспособности. Ранее в работе описывалось, что по мере научно-технического прогресса вероятность исключения изобретений в сфере биопринтинга отпадает. Поэтому, потенциально любой разработанный биопринтер или процесс биопечати обладают данным критерием, т.к. эти объекты патентования являются результатом интеллектуальной деятельности человека, без вмешательства которого вышеуказанных объектов не существовало. Таким образом, при создании изобретений в области биопринтинга задействованы мыслительная, познавательная, творческая деятельность, главной чертой которой является умственный труд.

Самый дискуссионный вопрос в рассматриваемой области – патентование биопринтных органов и тканей человека, поскольку они являются аналогом естественных органов и тканей.

Одна точка зрения предполагает, что 3D-биопринтинг – это не что иное, как дублирование естественных органов, без каких-либо заметно отличающихся характеристик [4]. И, действительно, если опираться на данное мнение, то биопринтные органы и ткани не будут соответствовать критерию новизны и, следовательно, не могут быть запатентованы.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой биопринтные органы и ткани существенно отличаются от своих естественных аналогов, поэтому они могут быть запатентованы [3]. Так, биопринтные органы и ткани обладают множеством существенно отличающихся характеристик, например, состоят из клеток, созданных при помощи генной инженерии.

Таким образом, самым сложным критерием для доказывания при попытке получения патента на продукты биопечати является новизна. Возникает вопрос о том, будет ли напечатанный продукт относиться к изобретению или к природному продукту, открытию.

Практика стран Запада в патентовании состоит в том, что продукты природы не могут быть запатентованы. Даже в США, несмотря на то, что положением § 101 главы 35 U.S. Code определено, что «любой, кто изобретет или обнаружит какой-либо новый и полезный процесс, машину, производство или состав вещества, или любое новое и полезное улучшение их, может получить патент на них в соответствии с условиями и требованиями патентных правил», судебная практика отходит от данного положения. На данный момент господствует доктрина «Природного продукта», в соответствии с которой явления и продукты природы патентованию не подлежат.

В свою очередь, в соответствии с Правилами составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения, «к биотехнологическим продуктам как объектам изобретения относятся продукты, выделенные из их природного окружения или полученные иными способами».

Следует уделить внимание тому, что биопринтные органы и ткани не выделяются из своего окружения, а создаются на основе стволовых клеток, которые уже существуют в природе. Человек при их создании пытается повторить, создать копию аналогичных биологических органов и тканей человека, которые наносятся на каркас ткани, сосуда, органа при использовании биочернил на основе живых клеток. Такой подход используется в Индии, где в напечатанных органах и тканях человека отсутствует что-либо природное и естественное [5].

Необходимо отметить, что говорить о патентной защите напечатанного органа и ткани не совсем уместно на стадии современного научно-технического прогресса, поскольку:

- 1) сам конечный продукт предназначается только для одного пациента;

2) на данный момент пока еще нельзя говорить о конвейерном, потоковом и массовом производстве органов и тканей, поэтому если и получать патент, то только на далекую перспективу, учитывая сроки действия патентной защиты;

3) в биочернилах могут использоваться живые клетки самого пациента-«заказчика», которые а) могут быть не совместимы с другими пациентами; б) используются однократно, разово.

В результате вышеизложенного следует сделать некоторые выводы:

1. Биопринтер (как устройство) и биопринтинг (как процесс) могут быть запатентованы, т.к. они могут соответствовать условиям патентоспособности (промышленная применимость, новизна и изобретательский уровень) и не подпадают под исключения из патентоспособности;

2. Получение патента в области биопринтинга обладает практической целью, поэтому патентным ведомствам следует уделять внимание степени вмешательства человека в те или иные процессы, т.к. зачастую результаты творческой деятельности требуют исследований, материальных средств и интеллектуальных усилий, которые могут быть вознаграждены правовой охраной;

3. Более разумной стратегией в области правовой охраны достижений в сфере биопринтинга будет патентование не конечного продукта, а самого устройства, технологий, которые используются в рамках биопринтинга, а также процессов биопринтинга. Например, патентная защита может применяться к каркасу как основе будущего органа;

4. На данном этапе применить патентную охрану напечатанным органам и тканям достаточно затруднительно, т.к. касательно данного вопроса законодательно не выстроено четкой модели правового регулирования данного аспекта, и современный научно-технический прогресс не позволяет наиболее эффективно применять запатентованные объекты.

Список использованных источников

1. Богданов, Д. Е. Технология биопринтинга как легальный вызов: определение модели правового регулирования / Д. Е. Богданов // *Lex Russica*. – 2019. – № 6 (151). – С. 80–91.

2. Хесуани, Ю. Дж. Введение в 3D-биопринтинг: история формирования направления, принципы и этапы биопечати / Ю. Дж. Хесуани, Н. С. Сергеева, В. А. Миронов, А. Г. Мустафин, А. Д. Каприн // *Гены и клетки*. – 2018. – № 3. – С. 38–45.

3. Althabhwawi, N. M. The Patent Eligibility of 3D Bioprinting: Towards a New Version of Living Inventions' Patentability / N. M. Althabhwawi, A. Z. Zainol / Biomolecules 12. – 2022. – № 1 (124). – С. 1–24.

4. Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/polytechnic/9384/%D0%A2%D0%95%D0%A5%D0%9D%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95>. – Дата доступа: 18.04.2022.

5. Беликова, К. М. Биопринтинг и выращивание натуральных тканей и органов в странах БРИКС (на примере Бразилии, Индии, Китая и ЮАР): подходы законодательства об интеллектуальной собственности / К. М. Беликова // Право и политика. – 2020. – № 5. – С. 35–54.

УДК 347.77:347.92 (476)

О ПРОБЛЕМАХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ИЗОБРЕТЕНИЯ, ПОЛЕЗНЫЕ МОДЕЛИ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОБРАЗЦЫ

Скобелев В. П.

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана по заочному обучению юридического
факультета,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, s_v_p@tut.by*

Аннотация. Исследуются проблемы судебной защиты прав на изобретения, полезные модели и промышленные образцы в контексте правовых позиций Верховного Суда Республики Беларусь. В частности, анализируются вопросы подлежащих применению судом источников права, вопросы подведомственности и пр. По итогу сделаны некоторые предложения нормотворческого и правоприменительного плана.

Ключевые слова: изобретение; полезная модель; промышленный образец; судебная защита; гражданское дело; спор.

ON THE PROBLEMS OF JUDICIAL PROTECTION OF RIGHTS TO INVENTIONS, UTILITY MODELS AND INDUSTRIAL DESIGNS

V. P. Skobelev

*PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Dean for Distance Learning, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezalezhnosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, s_v_p@tut.by*

Abstract. The problems of judicial protection of rights to inventions, utility models and industrial designs are studied in the context of the legal positions of the Supreme Court of the Republic of Belarus. In particular, the issues of sources of law subject to application by the court, issues of jurisdiction, etc. are analyzed. As a result, some proposals for a rule-making and law enforcement plan are made.

Keywords: invention; utility models; industrial designs; judicial protection; civil case; dispute.

23 декабря 2021 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление №10 «О применении законодательства при рассмотрении гражданских дел по спорам, связанным с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов» (далее – Постановление №10). Это первый нормативный правовой акт высшей судебной инстанции по данной тематике, и содержащиеся в нем положения обращают на себя внимание по ряду причин, в том числе и вследствие их дискуссионности.

1. Говоря о сфере действия Постановления №10, нужно отметить, что из всех объектов права промышленной собственности, названных в ст. 998 ГК, Постановление №10 касается только трех – изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. При этом Постановление №10 затрагивает изобретения, полезные модели и промышленные образцы (как видно из названия и текста этого нормативного правового акта) в контексте «гражданских дел по спорам, связанным с созданием, правовой охраной и использованием» данных объектов.

«Гражданские дела» – это термин, который используется для обозначения дел, рассматриваемых в гражданском судопроизводстве (см. дефиницию термина «гражданские дела» в п.4 ст. 1 ГПК), в отличие от термина «экономические дела», используемого для номинирования дел,

разрешаемых в порядке хозяйственного судопроизводства (см. определение термина «экономические дела» в абз.20 ст. 1 ХПК). Поэтому использование термина «гражданские дела» в отношении определенных юридических конфликтов уже само по себе является индикатором того, что эти дела не имеют экономического (предпринимательского) характера.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что дела, которым посвящено Постановление №10, могут являться экономическими (предпринимательскими) по своей сути, поскольку в силу действующего законодательства любые дела, связанные с интеллектуальной (в том числе и промышленной) собственностью, независимо от их характера и субъектного состава подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а изобретения, полезные модели и промышленные образцы – это как раз те объекты, которые активно задействуются предпринимателями в их хозяйственной деятельности. В связи с этим имело бы смысл снять акцент с неэкономического характера дел в наименовании и тексте Постановления №10 путем замены термина «гражданские дела» на просто «дела».

Далее, используемое в названии и тексте Постановления №10 выражение «гражданские дела по спорам» фактически говорит о том, что Постановление №10 имеет отношение только к гражданским делам искового судопроизводства, потому что спорами ГПК называет лишь дела данного вида судопроизводства (см., в частности, п.4 ст. 1, п.1 ч.1 ст. 37, ст. 39, 39-1, п.3, 5 ст. 245, п.3 ст. 246 ГПК). Однако фактически это не так: Постановление №10 включает в себя множество разъяснений и относительно гражданских дел, возникающих из административно-правовых отношений (см. п.4, 6, 7, 8, 13 Постановления №10). В научной доктрине дела, возникающие из административно-правовых (или публичных) правоотношений, действительно нередко называют спорами [1, с. 90-91, 180, 184-188; 2, с. 20; 3, с. 59; 4, с. 79-81; 5, с. 35]. Однако ГПК использует для этого другую терминологию: не «дела по спорам», а «дела, возникающие из административно-правовых отношений» (см. п.4 ст. 1, абз.3 ст. 8, п.3 ч.1 ст. 37, главу 29 ГПК).

С учетом изложенных замечаний наименованию Постановления №10 было бы целесообразно придать следующую редакцию: «О применении Верховным Судом Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел, связанных с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов» (в наименование мы также добавили указание на субъекта применения законодательства – единственную в Республике Беларусь

судебную инстанцию, уполномоченную на рассмотрение дел, связанных с интеллектуальной собственностью).

В отношении соответствующих исковых дел и дел, возникающих из административно-правовых отношений, Постановление №10 содержит разъяснения по вопросам применения как материального права – прежде всего ГК и Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. №160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее – Закон о патентах), так и процессуального законодательства – ГПК (преимущественное внимание в настоящей работе обращено на разъяснения последнего рода).

В п.1 Постановления №10 указано, что правильное и своевременное рассмотрение соответствующих гражданских дел «является важным средством защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц», т. е. потенциальными участниками названных дел признаются, по сути, только национальные субъекты права. Подобное указание не вполне соответствует действительности. Иностранцы имеют право на беспрепятственное обращение в белорусские суды (ст. 541 ГПК) и, как показывает судебная практика, достаточно активно реализуют его по делам анализируемой категории. Не случайно поэтому далее по тексту Постановления №10 (ч.3 п.6) упоминаются «дела по жалобам или искам с участием иностранных граждан, проживающих за границей, и иностранных юридических лиц».

2. Пункт 2 Постановления №10 посвящен источникам, которые регулируют отношения, связанные с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, и которые, следовательно, должны применяться судом при разрешении дел. Так, ч.2 п.2 Постановления №10 содержит указание на Конституцию Республики Беларусь, основные международные договоры, а также ГК и Закон о патентах. Заметим, что Конституция Республики Беларусь приведена без ссылок на ее конкретные положения, что может значительно затруднить непосредственное применение данного правового документа из-за абстрактно-обобщенного характера его норм. Подобные ссылки важны еще и потому, что согласно новому правилу ч.2 ст. 7 Основного Закона Республики Беларусь Конституция имеет прямое действие на всей территории государства (соответственно, значим вопрос, какие нормы Конституции оказывают прямое воздействие на отношения по поводу изобретений, полезных моделей и промышленных образцов).

Примечательно, что каждому виду источников – Конституции Республики Беларусь, международным договорами и актам отраслевого

законодательства – в ч.1 п.2 Постановления №10 отведен свой отдельный абзац. По-видимому, подобная нормотворческая техника призвана отразить иерархию юридической силы соответствующих актов (каждый абзац соответствует определенному уровню юридической силы): Конституция Республики Беларусь находится в данной иерархии выше международных договоров, а международные договоры – выше актов отраслевого законодательства. Но тогда непонятно, почему в одном абзаце оказались помещены ГК и Закон о патентах. Ведь согласно предписаниям ч.3 п.2 ст. 3 ГК, ч.2 п.3 ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА) ГК в плане юридической силы пользуется приоритетом перед Законом о патентах.

Вторая часть п.2 Постановления №10 воспроизводит норму ст. 42 Закона о патентах о том, что правила международных договоров всегда имеют преимущество перед положениями Закона о патентах. При этом не дано ни-каких разъяснений относительно предписания ч.2 ст. 6 ГК, которое несколько иначе регулирует данный вопрос: нормы гражданского права, содержащиеся в международных договорах, имеют силу того правового акта, которм выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее со-ответствующего международного договора. Предписание ч.2 ст. 6 ГК в ряде случаев придает новое звучание проблеме соотношения международных договоров и Закона о патентах.

Например, согласие на обязательность для нее Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. и Договора о патентной кооперации от 19 июня 1970 г. Республика Беларусь выразила постановлением Совета Министров от 11 марта 1993 г. №141 «О правопреемственности Республики Беларусь в отношении международных Соглашений по вопросам охраны промышленной собственности», и данное постановление, как следует из п.4 ст. 23 Закона о НПА, уступает по юридической силе Закону о патентах. Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 г. ратифицирована постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. №3734-ХІІ «О ратификации Евразийской патентной конвенции». Это постановление согласно решению Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 апреля 2011 г. №Р-566/2011 «О законодательных актах Верховного Совета Республики Беларусь» тоже не может иметь преимущества перед Законом о патентах.

3. В п.3 Постановления №10 констатируется, что рассмотрение дел, связанных с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, в силу ч.2 ст. 45 ГПК отнесено к подсудности Верховного Суда Республики Беларусь; дела такой категории

независимо от субъектного состава их участников рассматриваются судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь по первой инстанции в составе трех судей (ч.2 ст. 26 ГПК).

Тем самым в п.3 Постановления №10 фактически разрешен вопрос о подведомственности дел перечисленных категорий: они подведомственны судам общей юрисдикции исключительно в порядке гражданского судопроизводства, поскольку судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда действует по правилам только данного вида право-судия. Заметим, однако, что для подобного вывода одних только ссылок на ч.2 ст. 26, ч.2 ст. 45 ГПК недостаточно. Так, ч.2 ст. 45 ГПК регулирует вопросы родовой подсудности – относимость к компетенции Верховного Суда части тех дел, которые подведомственны судам в порядке гражданского судопроизводства (при этом о судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности ст. 45 ГПК даже не упоминает). В ч.2 ст. 26 ГПК определены количественные составы судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности для рассмотрения тех или иных категорий дел.

Поэтому содержание ч.2 ст. 26, ч.2 ст. 45 ГПК само по себе еще не означает и не предвещает того, что дела, касающиеся права промышленной собственности, не могут рассматриваться судами в порядке хозяйственного судопроизводства. Такая возможность исключалась бы только тогда, когда бы в правилах о подведомственности ГПК и (или) ХПК присутствовала следующая однозначная норма: все дела, связанные с интеллектуальной собственностью, подлежат рассмотрению судами исключительно в порядке гражданского судопроизводства. Но такой нормы ни в ГПК, ни в ХПК нет.

Значит, в п.3 Постановления №10 сперва необходимо было указать, что по смыслу (т.к. четких предписаний на данный счет в нем нет) действующего процессуального законодательства дела, связанные с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, независимо от их характера и субъектного состава подведомственны судам общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства. И лишь затем с учетом содержания ч.2 ст. 45 и ч.2 ст. 26 ГПК освещать вопросы родовой подсудности данных дел и количественного состава судей для их рассмотрения.

4. В п.4, 5 Постановления №10 высшая судебная инстанция предприняла попытку обозначить критерии того, когда соответствующие дела подлежат рассмотрению в исковом судопроизводстве (главы 24-28 ГПК), а когда – в производстве по делам, возникающим из

административно-правовых отношений (глава 29 ГПК). Так, согласно ч.1 п.4 Постановления №10 дела, связанные с выдачей или оспариванием патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, подлежат рассмотрению в порядке главы 29 ГПК, и в ч.2 п.4 Постановления №10 приведен примерный круг таких дел (по жалобам на решения патентного органа об отказе в выдаче патента и пр.). Дела же, связанные с защитой личных неимущественных и имущественных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, являются делами искового судопроизводства (ч.1 п.5 Постановления №10). Их развернутый перечень неисчерпывающего характера дан в ч.2 п.5 Постановления №10 (о признании автором, признании патентообладателем, возмещении убытков и др.).

Подобные критерии вряд ли можно признать удачными. Ведь некоторые дела об оспаривании патентов имеют явно выраженный характер споров между субъектами гражданского оборота и потому должны рассматриваться в исковом судопроизводстве. Например, это дела о признании патента недействительным ввиду неправомерного указания в нем автора или патентообладателя (подп.1.3 п.1 ст. 33 Закона о патентах). В этом случае у патентообладателя конфликт возникает не с Апелляционным советом патентного органа, а с лицом, претендующим на статус действительного автора или патентообладателя. Примечательно, что даже само Постановление №10 (абз.3 ч.2 п.5) относит эти дела к исковому судопроизводству.

То же самое нужно сказать и про дела о признании патента недействительным в ситуации, описанной в п.2 ст. 33 Закона о патентах: когда в качестве промышленного образца было запатентовано решение, которое тождественно или сходно до степени смешения с товарным знаком, принадлежащим другому лицу в отношении однородных товаров. Здесь у патентообладателя тоже возникает конфликт с субъектом гражданского оборота (не с Апелляционным советом) – владельцем соответствующего товарного знака. Однако абз.4 ч.2 п.4 Постановления №10 такого рода дела предписывает рассматривать по правилам главы 29 ГПК.

С другой стороны, дела, касающиеся выдачи или оспаривания патентов, обычно предполагают защиту личных неимущественных и (или) имущественных прав на соответствующие технические новшества. Однако это, конечно же, еще не означает того, что все подобные дела подлежат рассмотрению в исковом судопроизводстве. Например, если патентный орган отказал в выдаче патента на изобретение на том основании, что оно не является новым и (или) не имеет изобретательского уровня, то,

обращаясь в суд, заявитель фактически отстаивает свое неимущественное право – право авторства, т. е. право признаваться лицом, чьим творческим трудом было создано техническое новшество. Но поскольку конфликт у заявителя только с патентным органом, то дело должно рассматриваться в порядке главы 29 ГПК.

Если же патентный орган (в лице его Апелляционного совета) признал патент недействительным, то при обращении в суд заявитель всегда будет защищать свои имущественные права – те права, которые базируются на патенте. Однако отсутствие у заявителя каких-либо иных соперников в возникшем конфликте, помимо патентного органа, и в этом случае будет указывать на то, что дело отвечает признакам главы 29 ГПК.

Таким образом, критерий выбора вида судопроизводства – это категория субъекта, с которым у заявителя возник конфликт. Если конфликт с представителем исполнительной власти (т.е. патентным органом, в том числе его Апелляционным советом), дело должно рассматриваться по правилам главы 29 ГПК, если же конфликт с другим субъектом гражданского оборота – дело подлежит разрешению как исковой спор. Поэтому не можем согласиться с предписанием абз.5 ч.2 п.5 Постановления №10 о том, что дела «о признании незаконным досрочного прекращения действия патента, восстановлении действия патента (статьи 34, 35 Закона)» следует рассматривать в искомом производстве, т.к. в этих ситуациях имеет место конфликт заявителя только с патентным органом.

Список использованных источников

1. Мельников, А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе / А. А. Мельников; отв. ред. В. С. Тадевосян. – М.: Наука, 1969. – 248 с.
2. Кожухарь, А.Н. Право судебную на защиту в искомом производстве / А.Н. Кожухарь; под ред. Е.Г. Мартыничка. – Кишинев: Штиинца, 1989. – 144 с.
3. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 696 с.
4. Скобелев, В.П. Теоретические вопросы применения судебного порядка рассмотрения и разрешения административных споров в социальной сфере / В.П. Скобелев // Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы / О.И. Чуприс [и др.]; под ред. О.И. Чуприс. – Минск: БГУ, 2016. – С. 74-107.

5. Король, Э. Возможные пути развития принципа состязательности при унификации и совершенствовании гражданского процесса / Э. Король // Судовы веснік. – 2020. – №1. – С. 32-35.

УДК 347.77/78

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Тибец И. С.

*преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности,
юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, tibirina@tut.by*

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта, в том числе с учетом проблемы возможности признания системы искусственного интеллекта в качестве субъекта авторских и патентных прав. В частности, рассмотрены цели права интеллектуальной собственности в контексте признания правоспособности систем искусственного интеллекта, а также проблемы реализации некоторых механизмов права интеллектуальной собственности и некоторые потенциальные направления развития правового регулирования в этой области.

Ключевые слова: искусственный интеллект; право интеллектуальной собственности; авторское право.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

I. S. Tibets

*Lecturer of the Department of Intellectual Property Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, Belarus, tibirina@tut.by*

Abstract. Some aspects of the development of intellectual property law in the context of the use of artificial intelligence, including taking into account the problem of the possibility of recognizing the artificial intelligence system as a subject of copyright and patent rights, are considered in this article. In particular, the objectives of intellectual property law in the context of recognition of the legal capacity of artificial intelligence systems, as well as the implementation of some mechanisms of intellectual property law and some potential directions of development of legal regulation in this area are considered in this article.

Keywords: artificial intelligence; intellectual property law; copyright.

Новые вызовы современности, такие как развитие технологий искусственного интеллекта и Интернет вещей (автоматизированные автомобили), трехмерная печать, нанотехнологии или биотехнологии, не могут остаться без внимания в законодательстве. В контексте данного вопроса можно рассмотреть некоторые аспекты развития права интеллектуальной собственности, в том числе с учетом проблемы возможного признания системы искусственного интеллекта субъектом авторских или патентных прав. В частности, целью права интеллектуальной собственности является обеспечение создателю произведения или изобретения экономических выгод от его использования другими лицами.

Альтернативами наделения систем искусственного интеллекта прав на результаты их интеллектуальной деятельности являются передача всех таких произведений или изобретений человеку, каким-либо образом принимавшему участие в создании искусственных умов. Введение искусственным интеллектом в общественное достояние может затормозить развитие инноваций на этой ниве, поскольку не позволит компаниям-инвесторам получать от этого соответствующие экономические выгоды [3].

В настоящее время вопросы защиты интеллектуальной собственности в контексте применения искусственного интеллекта, как правило [1] связаны с двумя аспектами: обеспечение свободы действий при использовании искусственного разума без нарушения прав других лиц. В итоге развитие технологий искусственного интеллекта, способного разрабатывать изобретения и создавать новые образцы изобретений может повлечь за собой появление целого потока патентных заявок как на отдельные результаты или более широкие классы изобретения.

Однако, кроме того существует опасность концентрации экономической власти в определенных областях или на рынках из-за

наличия у отдельных субъектов ресурсов для получения многочисленных патентов. [3].

В частности, институт соавторства предполагает закрепление у каждого из авторов определенных прав и обязанностей (в том числе экономических), а экономические выгоды от реализации произведений или изобретений могут быть разделены посредством заключения соглашения. Ученые также полагают, что пока роботы не обладают сознанием и они могут спокойно распоряжаться своими интеллектуальными правами, отношения между создателями или пользователями машин будут урегулированы имеющимися средствами [2].

В заключение отметим, что право интеллектуальной собственности требует определенных изменений с учетом развития новых технологий (в том числе потенциальных), однако нет необходимости менять всю систему права в целом.

Список использованных источников

1. Чигир, В.Ф. Физические и юридические лица как субъекты гражданского права. – Минск : Амалфея, 2000. – 215 с.
2. Синельникова, В. Н., Ревинский, О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. – 2017. – №4. – С.26.
3. Понкин, И., Редькина, А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – С. 35–44.

УДК 347.77

ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ АВТОРСКИХ ПРАВ

Чупракова П. А.

*магистрант кафедры права интеллектуальной собственности,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220006 г. Минск, p.chuprakova@gmail.com*

Аннотация. На современном этапе развития общества, характеризующемся активным внедрением сети Интернет, действующие механизмы, обеспечивающие баланс интересов правообладателей и общества, претерпевают значительные изменения. И одним из подобных механизмов достижения баланса является институт ограничения

исключительных авторских прав. В статье рассматривается влияние процессов цифровизации на исключительные авторские права, выявляется необходимость существенного пересмотра действующей системы ограничения авторских прав, а также необходимость гармонизации законодательства в целях единообразного толкования.

Ключевые слова: авторское право; исключительные права; свободное использование; ограничения; трехступенчатый тест; добросовестное использование; сеть Интернет.

LIMITATIONS OF EXCLUSIVE COPYRIGHTS

P. A. Chuprakova

master's student of the Intellectual Property Law Department,

Faculty of Law, Belarusian State University,

ul. Leningradskaya, 8, 220006 Minsk, Belarus, p.chuprakova@gmail.com

Abstract. At the present stage of the development of society, characterized by the active introduction of the Internet, the existing mechanisms ensuring the balance between the interests of right holders and society are undergoing significant changes. And one of such mechanisms to achieve this balance is the institution of exclusive copyright limitations. The article considers the impact of digitalization processes on the exclusive copyrights, reveals the need for a substantial revision of the current system of copyright limitations, as well as the need to harmonize legislation for a uniform interpretation.

Keywords: copyright; exclusive rights; free use; limitations; three-step test; fair use; Internet network.

Исключительное авторское право дает автору или иному правообладателю возможность контролировать использование его произведения. Исключительное право – это своего рода монополия автора или иного правообладателя на произведение, а любая монополия в определенной степени должна быть ограничена. В соответствии со ст. 15(1) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, каждый человек имеет право на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и их практического применения, а также право на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он

является. Тотальный запрет использования произведения всем третьим лицам внес бы в общественные отношения явный дисбаланс и поставил бы под угрозу развитие науки, культуры, образования. Несомненно, что права и интересы авторов являются значимой ценностью, заслуживающей правовую охрану. Но так же очевидно, что права публики на информацию и доступ к культурным ценностям должны быть обеспечены конкретными возможностями, а не только конституционно-правовыми принципами. Институт ограничений исключительного авторского права, как никакой другой массив авторско-правовых норм, призван гармонизировать противоположные интересы правообладателей и публики.

Правовые нормы, ограничивающие исключительное авторское право и разрешающие публике свободно использовать охраняемые авторским правом произведения, в различных законодательствах и научных изданиях именуется по-разному. Можно привести следующие примеры наименований рассматриваемого института: «пределы исключительного авторского права», «ограничения исключительного авторского права», «ограничительные оговорки», «случаи свободного использования произведения», «добросовестное использование произведения».

С появлением сети Интернет как сложного социально-экономического, технического и правового явления вопрос о балансе интересов правообладателей и общества встал наиболее остро. Полагаем, что традиционная модель уже не обеспечивает должным образом интересы общества и правообладателей, что, в свою очередь, приводит к смене действующей системы. Интернет рассматривается как экстерриториальное информационное пространство, порождающее ряд проблем, связанных с распоряжением исключительными правами на охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности. Кроме того, Интернет рассматривался как неподдающаяся регулированию среда, однако в последнее время мы можем наблюдать кардинальную смену парадигм от полного отрицания какой-либо регламентации отношений, складывающихся в сети Интернет, так и до поиска оптимальных путей и подходов к их урегулированию. Важно отметить, что мы всегда говорим об отношениях, складывающихся в результате создания, использования произведений и т.д., а не о регулировании самого сегмента Интернет, поскольку сделать это совершенно невозможно, что и породило определенные дискуссии среди научного сообщества [1, с. 3].

На формирование ограничений исключительного права значительное влияние оказало развитие технологий, использование которых приводит к неравенству в доступе к информации и знаниям. Изначально признавалось

право использования произведения в личных целях, для целей цитирования, а также в качестве иллюстраций для целей обучения. С появлением репродуцирующего оборудования библиотекам, архивам и другим социально значимым учреждениям были предоставлены права на воспроизведение произведений методами репрографии и фотокопирования.

Распространение действия исключительного авторского права на случаи использования объектов в сети Интернет заставляет заново обратиться к проблеме определения пределов действия этого права уже применительно к реалиям Интернет-среды. При этом основная проблематика заключается в необходимости установления баланса между защитой авторских прав и свободой распространения и получения информации. Данная проблема состоит в том, чтобы поддержать необходимую грань между введением контроля за использованием объектов авторского права, и, с другой стороны, – сохранить широкий доступ пользователей к информации для обеспечения творческого и интеллектуального обмена. В результате чего, исследователи вполне обоснованно определяют проблему ограничений исключительного права в качестве одной из наиболее важных в системе права интеллектуальной собственности [2, с.235].

По справедливому замечанию В.С. Савиной, на современном этапе развития информационного общества существует настоятельная необходимость в совершенствовании норм авторского права и гражданско-правовых механизмов обеспечения баланса частных и публичных интересов применительно к отношениям, складывающимся в связи с использованием произведений в сети Интернет [3, с.58].

Прежде всего, отметим, что ограничения исключительного права закреплены как в международных актах, так и в национальном законодательстве различных стран. Для сети Интернет большое значение имеет трехступенчатый тест, получивший свое закрепление в ст. 10(1) Договора ВОИС по авторскому праву (далее – ДАП). Согласно данному положению, законодательством стран-участниц может быть разрешено воспроизведение произведений в определенных особых случаях при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора. Данные положения получили название «трехступенчатого теста» – *three-step test*.

Полагаем, что каждое ограничение, которое устанавливается в национальном законодательстве, должно пройти подобный трехступенчатый тест. Критерии трехступенчатого теста заключаются в

том, что, во-первых, ограничения могут быть установлены только в определенных особых случаях при условии, во-вторых, они не наносят неоправданный ущерб обычному использованию результатов творчества и, в-третьих, не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателей. Требование определенного особого случая, условия предполагает, что изъятие или ограничение в национальном законодательстве должно получить четкое определение (что отвечает требованию «определенного» случая и, далее, что оно имеет индивидуальное или ограниченное применение или цель (что отвечает требованию «особого» случая).

Условие, действительно поднимающее проблему, так как оно потенциально способно существенно и жестко ограничить свободу национальных законодателей, – это требование того, чтобы изъятия и ограничения не противоречили нормальной эксплуатации произведения – наше второе условие теста. Данный критерий нормальной эксплуатации предполагает учет тех форм использования, которые в настоящее время рождают доход автора, а также тех, которые, по всей вероятности, получат важное значение в будущем

С одной стороны, оно могло бы навязывать статус-кво и не давать возможность расширять изъятия применительно к новым ситуациям, которые не предусмотрены буквой документа, но которые могли бы быть выведены из его духа. С другой стороны, ссылка на будущие формы использования рискует парализовать изъятия всякий раз, когда техническое развитие позволяет поставить под контроль прежде неконтролируемые формы использования, создавая тем самым новые возможности для эксплуатации. В том, что касается контроля правообладателей посредством технических мер над формами использования их произведений, в долгосрочной перспективе это могло бы даже привести к тому, что ограничения авторского права в цифровой среде просто исчезли бы [4].

На сегодняшний день комплексный теоретический анализ проблем правового регулирования свободного использования объектов авторского права в сети Интернет в отечественной юридической литературе отсутствует. Конкретные случаи свободного использования произведений закреплены в Главе 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон «Об авторском праве»). Так, их можно разделить на два вида: случаи свободного бесплатного использования (без выплаты вознаграждения за использование) и случаи свободного платного использования (с выплатой вознаграждения за использование).

В США случаи свободного использования основаны на доктрине *fair use*, которая, напротив, не предполагает конкретного перечня исключений, а устанавливает принципы допустимого свободного использования, предоставляя суду в каждом отдельном случае принимать решение на основе таких принципов. Закон об авторском праве США указывает, что при оценке добросовестности использования произведения следует учитывать следующие факторы: цель, природа, объем использования, его влияние на рынок и ценность объекта авторских прав [5]. С одной стороны, такой подход позволяет более гибко адаптироваться к развитию информационных технологий, чем подход континентальных стран, поскольку не требует принятия поправок в законодательство, а дает возможность суду исследовать вопрос, исходя из общих принципов. С другой стороны, у пользователей отсутствует возможность оценить правомерность своих действий до решения суда.

Большинство дискуссий о добросовестном использовании защищенных авторским правом произведений дают ответы, никогда не задавая правильного вопроса. Этот вопрос не "что такое добросовестное использование?", а "что такое авторское право?". Это, конечно, потому что добросовестное использование является производной концепцией, а не оригинальной, и природа его носителя, так сказать, должна определять его содержание. Тезис данного высказывания заключается в том, что путаница в понимании смысла добросовестного использования вызвана различными взглядами на источник авторского права, то есть на то, происходит ли авторское право от естественного права, являющегося результатом всеобщего понимания того, что справедливо, или от позитивного права, принятого законодательным органом. История показывает, что на авторское право повлияло как естественное право, так и позитивное право, что привело к появлению двух различных концепций авторского права: статутного авторского права, являющегося вопросом позитивного права, и авторского права общего права, являющегося вопросом естественного права.

В условиях повсеместного внедрения сети Интернет в процесс распространения результатов интеллектуальной деятельности, необходимо ответить на вопрос: в какой степени ограничения исключительных авторских прав могут быть применены к соответствующей деятельности в сети Интернет.

Как уже отмечалось, в ст. 10 ДАП содержатся положения о трехступенчатой проверке, позволяющей определить применимость ограничений и изъятий, предусмотренных ст. 9(2) Бернской конвенции,

действие которых распространяется на все виды прав. В прилагаемом к ДАП Согласованном заявлении оговорено, что действие ограничений и изъятий, предусмотренных национальным законодательством в соответствии с Бернской конвенцией, может также распространяться и на цифровую среду.

Предлагается рассмотреть, в какой степени случаи свободного использования применяются к случаям свободного использования произведений в сети Интернет по белорусскому законодательству.

Свободное воспроизведение в личных целях распространяется на использование онлайн, так как прямо не предусматривает ограничений к этой части. Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях предусматривает сразу несколько случаев свободного использования, каждый из которых актуален для электронных способов использования, за исключением публичного использования в образовательных и иных организациях. Далее, свободное использование библиотеками, архивами, образовательными организациями применяется к цифровому пространству только в части предоставления произведений в электронной форме в помещении библиотеки, без размещения в открытом доступе в сети Интернет. Что касается свободного использования произведения, постоянно находящегося в месте, открытом для свободного посещения, допускается доведение до всеобщего сведения такого произведения, то есть размещение его в сети Интернет.

В государствах, в которых приняты конституции третьего и четвертого поколения, такой баланс выводится на основе сопоставления правовой охраны интеллектуальной собственности и прав в области образования, науки, культуры и информации. Так, в Европейском союзе распространение традиционных ограничений в сфере свободы выражения в Интернете произошло в рамках реализации Директивы 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 года о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе, (далее – Директива), также известной как Директива информационного общества. В этом документе в объем понятия «сообщение произведения» было включено использование произведения в Интернете. Так, ограничения исключительного права, которые ранее допускали определенные виды сообщения без согласия правообладателей, теперь равным образом стали распространяться и на использование результатов творчества в Интернете [6].

Очевидно, что при решении вопроса о закреплении определенного ограничения исключительного авторского права национальный законодатель должен определить тот интерес, который должен учитываться

путем ограничения монополии правообладателя, а также способ такого ограничения с учетом особенностей национальной правовой системы. При этом свобода усмотрения национального законодателя существенно образом ограничена нормами многосторонних международных договоров, устанавливающих стандарты охраны авторских прав.

Так, способность владельца авторского права контролировать использование своего произведения ограничена набором прав, которые специально предоставляются режимом авторского права. Эти права обычно включают право на воспроизведение, право на сообщение для всеобщего сведения, право на публикацию и т. д. Использование, которое выходит за рамки этих прав, не подлежит контролю со стороны владельца авторского права. Например, без разрешения автора невозможно произвести печать экземпляров книги, однако после продажи законно отпечатанного экземпляра владелец авторского права не может контролировать, что делается с этим экземпляром. Покупатель может свободно читать книгу несколько раз, одалживать, заимствовать, продавать или уничтожать ее. Опять же, цифровая среда очень сильно ослабила значение этого ограничения поскольку большинство случаев использования цифрового произведения будет представлять собой либо воспроизведение, либо сообщение, либо и то, и другое. Доступ к произведениям авторского права в цифровой среде требует воспроизведения даже временного характера, например, кэш-копии. Если право контролировать воспроизведение не ограничено, правообладатель имеет право на полный контроль над каждым доступом.

В числе проблемных вопросов ограничения исключительного авторского права применительно к использованию произведений в сети Интернет на первое место следует поставить вопрос о деятельности библиотек в новых реалиях цифровизации общественных отношений. Данный вопрос включает в себя как проблематику создания и деятельности «электронных библиотек», представляющих собой коллекции литературных, художественных, фотографических и иных произведений, доступных на определенном сетевом ресурсе, так и проблематику использования информационных технологий библиотеками, фонды которых состоят из произведений на традиционных материальных носителях. Ввиду своей сложности эта проблема до сих пор не была решена, и поэтому вопрос об ограничениях и исключениях для библиотек и архивов обсуждается в рамках Постоянного комитета ВОИС по авторскому праву с перспективной целью выработки и заключения нового международного соглашения. Особо отмечается, что подходы в области ограничений и

исключений для библиотек не унифицированы и серьезно отличаются от страны к стране, в связи с чем данные подходы требуют унификации [7]. Мировая практика показывает, что эти вопросы решаются по-разному. Например, в Германии, авторское право распространяется на все публикации независимо от типа и вида документа. За его нарушение пользователя лишают права доступа в электронную библиотеку. Шведское авторское право, равно как и белорусское, в исследовательских или некоммерческих целях позволяет копировать отдельные страницы из опубликованных работ [8].

В Республике Беларусь п. 1 ст. 37 Закона «Об авторском праве» содержит указание на то, что опускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты авторского вознаграждения, но с обязательным указанием автора произведения предоставление библиотечными экземпляров правомерно опубликованных произведений во временное безвозмездное пользование. При этом выраженные в электронной форме экземпляры произведений, предоставляемые библиотечными во временное безвозмездное пользование, в том числе в порядке взаимного использования библиотечных ресурсов, могут предоставляться только в помещениях библиотек, в том числе с использованием локальных компьютерных сетей, а также удаленного доступа, при условии использования технических средств защиты авторского права или смежных прав, исключающих для пользователей возможность создания полных копий этих произведений на бумажном носителе или в электронной форме. Согласно норме п. 2 ст. 37 Закона «Об авторском праве», библиотеки и архивы могут осуществлять репродуцирование и иное воспроизведение без цели извлечения прибыли правомерно опубликованных произведений для комплектования библиотечных и архивных фондов, замены утраченных, уничтоженных или ставших непригодными для использования экземпляров произведений.

Исходя из положений действующего законодательства, в частности ст. 4 Закона «Об авторском праве», понятием «воспроизведение» охватывается изготовление электронной копии произведения. На основании норм ст. 37 указанного Закона мы можем сделать вывод о том, что отечественные библиотеки наделены правом свободно осуществлять оцифровку произведений, имеющих в их фондах, а также предоставлять доступ к электронным копиям. Полагаем, в целях единообразного подхода к толкованию норм ст. 37, необходимым предусмотреть прямое указание на возможность осуществлять библиотеками оцифровку имеющихся у нее

фондов с последующим доведением до всеобщего сведения при условии некоммерческого характера своей деятельности.

В свою очередь, В. О. Калятин, анализируя тенденции развития доктрины добросовестного использования, указывает на то, что использование произведений в режиме онлайн требует нового подхода к ограничениям исключительных прав, поскольку применение традиционного подхода ограничивает интересы конечного пользователя и бизнеса. Кроме того, действия, которые раньше не наносили вред интересам правообладателю и могли быть реализованы в рамках свободного использования, в настоящее время становятся опасными ввиду минимальных затрат на электронное копирование [9].

Данная проблематика также освещается в п. 44 Преамбулы Директивы. В частности, отмечается, что экономическое влияние ограничений исключительного права возрастает в цифровой среде, в связи с чем, по мнению авторов Директивы, сфера применения ограничений и исключений из авторских прав должна быть более ограничена, когда речь заходит о новых способах использования, то есть об использовании в сети Интернет. Так, с одной стороны, законодатели различных стран адаптируют правовое регулирование свободного использования к реалиям развития информационных технологий, расширяя сферу свободного использования для нормального взаимодействия с информационными технологиями, с другой же напротив, существует необходимость соблюдения баланса интересов во избежание нанесения ущерба правам автора и правообладателя в условиях распространения легких для пользователей способов доступа к произведениям.

В целом, анализируя вышеизложенное, мы видим, что на сегодняшний день перед законодателем стоит важная задача по разработке концептуальных направлений совершенствования института ограничения исключительных авторских прав.

Список использованных источников

1. Мешкова, К. М. Распоряжение исключительными интеллектуальными правами в сети интернет : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03 / К. М. Мешкова ; Московский гос. университет им. Ломоносова. – М., 2014. – 23 с.
2. Судариков, С. А. Авторское право / С. А. Судариков. – М. : Проспект, 2013. – 464 с.

3. Савина, В. С. Актуальные тенденции развития авторского права в цифровую эпоху / В. С. Савина // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 11. – С. 56–65.
4. Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000157848_rus. – Дата доступа: 13.04.2022.
5. Copyright Act of the USA [Electronic Resource]. Mode of access: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#107>. – Date of access: 14.04.2022.
6. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 Mai 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society // [Electronic Resource]. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001L0029:EN:HTML>. – Date of access: 14.04.2022.
7. Copyright and Access to Knowledge [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ifla.org/units/copyright-a2k/>. – Date of access: 15.04.2022.
8. Грибков, Д. Н. Зарубежный опыт функционирования университетских электронных библиотек / Д. Н. Грибков // Научные и технические библиотеки. – 2019. – № 8. – С. 77–89.
9. Право интеллектуальной собственности: Учебник / Е.С. Гринь, В.О. Калятин, С.В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М. : Статут, 2017. – Т. 2: Авторское право. – 367 с.

УДК 347.78

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ О МЕРАХ ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Шабанович А. С.

*студентка 4 курса юридического факультета Белорусского
государственного университета, пр. Дзержинского, 87, 220116, Минск,
Республика Беларусь, alesia.shabanovichs@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется вопрос о соотношении понятий «охрана» и «защита», «меры» и «способы» защиты, виды мер защиты

авторского права в сети Интернет. Автор отмечает, что как «меры», так и «способы» защиты авторских прав представляют собой самостоятельные понятия, так как «охрана» прав – это установление определенного правового режима, при котором будет возможен нормальный ход реализации прав, а «защита» прав – меры, предусмотренные в законодательстве, применимые в случае нарушения и оспаривания прав. Понятие «способы» входит в состав понятия «меры» защиты авторских прав, поскольку «способы» защиты авторских прав – меры защиты авторских прав, закрепленные в законодательстве. В статье также представлены виды мер защиты авторских прав.

Ключевые слова: авторское право; понятие; защита авторских прав; охрана авторских прав; меры защиты; способы защиты.

THEORETICAL ISSUES OF COPYRIGHT PROTECTION MEASURES ON THE INTERNET

A. S. Shabanovich

*4th year student of the Law Department, Belarusian State University,
Dzerzhinskogo ave. 87, 220116, Minsk, Republic of Belarus,
alesia.shabanovichs@gmail.com*

Abstract. The question about the relationship between the concepts "protection" and "security", "measures" and "ways" of protection, the types of copyright protection measures in the Internet is considered in this article. The author notes that both "measures" and "ways" of copyright protection are independent concepts, as "protection" of rights is the establishment of a certain legal regime, which will allow the normal course of rights realization, and "security" of rights is the measures provided in the legislation, applicable in case of violation and contestation of rights. The concept of "methods" is part of the concept of "measures" of copyright protection, since the "methods" of copyright protection are the measures of copyright protection enshrined in the legislation. The article also presents the types of measures of copyright security.

Keywords: copyright; concept; copyright security; copyright protection; measures of protection; methods of protection.

По мере развития компьютерной сети Интернет пропорционально возрастают случаи нарушения прав и свобод граждан в цифровой среде. Осознавая данную угрозу, правительства многих стран мира разрабатывают

и внедряют соответствующую регуляторную базу с целью обеспечения информационной безопасности, национальных экономических интересов, защиты прав своих граждан в сети Интернет. Одной из наиболее острых проблем правового регулирования отношений в глобальном цифровом пространстве является защита авторских прав. Такие особенности сети Интернет, как трансграничность, быстрое без потери качества размещение и распространение информации, в том числе объектов авторского права, использование информации в цифровой форме, использование технических устройств и программного обеспечения для просмотра, обработки, создания и защиты информации, требуют и специальных мер реагирования правообладателей на случаи незаконного использования в сети Интернет их произведений. При проработке вопроса о целесообразности закрепления в законодательстве новых мер и способов защиты авторских прав в сети Интернет, требуют научного анализа такие теоретические вопросы, как соотношение понятий «охрана» и «защита», «меры» и «способы» защиты, виды мер защиты авторского права в сети Интернет. В данной статье рассматриваются указанные и некоторые другие теоретические вопросы, касающиеся мер защиты личных неимущественных и имущественных прав автора в сети Интернет.

На данный момент в законодательстве Республики Беларусь нет понятия «мер» защиты авторских прав.

Для разрешения данного вопроса необходимо определить, что понимается под защитой авторских прав в сети Интернет. Для определения правовой природы данного понятия необходимо различать такие термины как «охрана» и «защита» прав.

Проанализировав научную литературу, можно прийти к выводу, что выделяют три подхода к соотношению данных понятий:

- 1) Данные термины являются тождественными (Г. Н. Стоякин [1, с. 30], Т. Б. Шубина [2, с. 10]);
- 2) защита входит в состав охраны как вид (А. А. Баукен [3, с. 11], Э. П. Гаврилов [4, с. 310]);
- 3) Как «охрана», так и «защита» обладают самостоятельным содержанием (З. В. Макарова [5, с. 219], А. С. Мордовец [6, с. 88]).

Следовательно, необходимо обратиться к законодательству Республики Беларусь, регламентирующему соответствующие категории в данной области правоотношений, а именно отношения в сфере интеллектуальной собственности.

П. 1 ст. 20, п. 1 ст. 30, п. 2 ст. 40 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262–З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве) указывают на охрану личных неимущественных прав.

Кроме того, исходя из анализа п. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 13, п. 1 ст. 14, п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 52 Закона об авторском праве, можно утверждать, что имущественные права автора на территории Республики Беларусь также охраняются в соответствии с законодательством.

Также необходимо учесть, что в п. 1 ст. 56 Закона об авторском праве указано, что защите подлежат именно нарушенные права.

Таким образом, мы можем говорить о том, что:

- 1) данные понятия нельзя считать тождественными;
- 2) «защита» не является составляющей «охраны»;
- 3) «защита» прав есть меры, предусмотренные в законодательстве, применимые в случае нарушения или оспаривания прав;
- 4) «охрана» прав представляет собой установление определенного правового режима, при котором будет возможен нормальный ход реализации прав.

Е. В. Погосян понимает под защитой авторских прав средства правового воздействия, применяемые к обязанному субъекту авторских правоотношений независимо от его вины и направленные на защиту субъективного авторского права или правопорядка в авторско–правовой сфере путем признания авторских прав, восстановления имущественных и личных неимущественных благ или путем пресечения действий, нарушающих авторские права [7, с. 31].

Л. В. Щербачева под «защитой» прав понимает систему специальных мер (средств), обеспеченных государственным принуждением и направленных на пресечение незаконных действий и восстановление нарушенных прав [8, с. 187].

Наиболее полное определение понятию «защита» авторских прав, на наш взгляд, даёт С. С. Лосев: «защита авторских прав – сложное единое явление, содержащее в себе средства правового воздействия, направленное на восстановление или пресечение нарушенного или оспоренного права, как имущественного, так и неимущественного, и возложение на нарушителя дополнительного обременения независимо от его вины» [9, с. 238].

В. Л. Михайликов отмечает, что защита авторских прав осуществляется в предусмотренном законом порядке, то есть посредством применения надлежащей формы, средств и способов защиты [10, с. 136].

Под формой защиты прав традиционно понимается совокупность согласованных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов.

Различают две основные формы защиты – юрисдикционную и неюрисдикционную.

С. С. Лосев утверждает, что юрисдикционная форма защиты предполагает обращение лица, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены неправомерными действиями третьих лиц, за защитой к государственным или иным компетентным органам (в суды, третейские суды, в вышестоящие органы и т.д.), которые уполномочены на принятие юридически обязательных решений, направленных на восстановление нарушенного права и пресечение правонарушения. Неюрисдикционная форма предполагает защиту нарушенного права или охраняемого законом интереса посредством осуществления самостоятельных действий уполномоченного лица, совершаемых им с применением дозволенных законом средств без обращения в компетентные органы [9, с. 239].

Согласно С. С. Лосеву к средствам правового воздействия относятся меры защиты, которые направлены на защиту субъективного гражданского права путем восстановления имущественных или неимущественных благ уполномоченного субъекта или путем пресечения противоправных действий, применяемые к правонарушителю независимо от его вины. Средства правового воздействия, в свою очередь, подразделяются на регулятивные и охранительные (меры защиты). Сами меры защиты могут в свою очередь реализовываться также посредством различных правовых средств: через субъективные права и обязанности, поощрения и наказания, дозволения и запреты и т. д. [9, с. 239].

Установить единую на законодательном уровне классификацию действующих мер защиты не представляется возможным в силу того, что право и законодательство стремительно развивается и в данных условиях все правовые средства, направленные на защиту права, возможны и целесообразны.

В научной литературе можно встретить следующие классификации мер защиты авторских прав.

Е. В. Погосян отмечает, что можно выделить правоустановительные, правовосстановительные и пресекательные меры защиты прав. Правоустановительные меры защиты реализуются с целью установления факта принадлежности авторских прав субъекту авторско-правовых отношений. Такой мерой является признание субъективного авторского права. Правовосстановительные меры защиты направлены на

восстановление положения, существовавшего до нарушения права (либо на восстановление существовавшего положения при отсутствии правонарушения). К ним традиционно относятся такие меры защиты авторских прав, как возмещение убытков и публикация решения суда о допущенном нарушении авторских прав. Пресекательные меры защиты направлены на пресечение действий, нарушающих авторское право, установление запрета на осуществление нарушающих авторские права действий [7, с. 2].

По критерию управомоченного на реализацию мер защиты субъекта Е. В. Погосян выделяет три группы мер защиты:

1) В первую группу входят меры, применение которых возможно исключительно посредством обращения к органам государственного принуждения;

2) Ко второй группе относятся меры защиты, реализация которых может осуществляться как с помощью органов государственного принуждения, так и самим управомоченным субъектом по согласованию с обязанным лицом. Диспозитивность метода гражданско–правового регулирования предполагает возможность выбора участниками авторских правоотношений вариантов поведения не только в процессе осуществления прав, но и в процессе исполнения обязанностей;

3) В третью группу входят меры защиты, реализация которых осуществляется преимущественно самими управомоченными субъектами, то есть меры самозащиты [7, с. 3].

Е. В. Погосян отмечает, что, в зависимости от сферы общественных отношений, в которых предполагается применение конкретных мер, принято выделять универсальные и специальные меры защиты. Специальные меры защиты интеллектуальных прав предусмотрены положениями ст. 989 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – Гражданский кодекс), их применение особо оговаривается с указанием на виды защищаемых прав. Отличие универсальных мер защиты состоит в том, что их применение предусмотрено для защиты любых гражданских прав, в число которых Гражданский кодекс включает и авторские [7, с. 3]. Универсальные меры предусмотрены в ст. 11 Гражданского кодекса.

Ни в нормах законодательства, ни в научной литературе нет единого мнения касательно определения понятия «способы» защиты авторских прав.

В юридической литературе существует несколько подходов в определении «способов» защиты авторских прав:

1) Совокупность приемов для достижения гражданско–правовой защиты (правопризнание, пресечение, первоначальное положение и т.д.) (Ю.Н. Андреев) [11, с. 57].;

2) Предусмотренные законом меры, направленные на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании [12, с. 557].

А. П. Вершинин также выделяет материально–правовые способы защиты:

- 1) Пресекательные;
- 2) Восстановительные;
- 3) Штрафные [13, с. 38].

А. П. Вершинин отмечает, что «содержание первых состоит в том, что они прекращают незаконные или неправомерные действия, в результате чего возобновляется возможность для лица беспрепятственной реализации своего права. Восстановительные способы защиты демонстрируют проявление компенсационной функции гражданского права, направленной на восстановление положения, имевшего место до правонарушения. К таковым, например, можно отнести взыскание убытков и компенсацию морального вреда. Штрафные влекут за собой неблагоприятные последствия для правонарушителя в повышенном объеме» [13, с. 38]. К примеру, предусмотренная ст. 11 Гражданского кодекса, неустойка.

В. М. Горшенев отмечает, что юрисдикционные способы защиты связаны с определённой процедурой их применения, которая при судебной защите порождает процессуальные правоотношения. Последние возникают уже на основании соответствующих норм процессуального законодательства, что и отличает правосудие от иной юрисдикционной деятельности. При этом возникает необходимость соотношения соответствующих норм Гражданского кодекса с нормами процессуального права [14, с. 17].

Считается, что, в основном, предпочтение отдается судебным способам защиты.

Кроме того, существует дискуссия касательно соотношения понятий «меры» и «способы» защиты авторских прав.

Часть ученых определяет данные понятия как тождественные. Например, М. И. Брагинский, В. В. Витрянский под способами защиты гражданских прав понимают предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права [15, с. 328].

М. Н. Малеина под средствами защиты понимает иски, жалобы, то есть действия, посредством которых заинтересованные лица требуют осуществления мер защиты от других субъектов. Понятие «способы» и «меры» защиты она рассматривает как тождественные, поскольку они направлены непосредственно на защиту права [16, с. 40].

В. А. Хохлов называет способы защиты мерами защиты, т.е. не проводит также разграничения между этими понятиями [17, с. 93].

Е. Е. Богданова вообще отрицает понятие «меры защиты» [18, с. 39].

В законодательстве Республики Беларусь также не приведены различия между данными понятиями.

Исходя из анализа законодательства Республики Беларусь и юридической литературы, можно указать на различие между понятиями «меры» и «способы» защиты авторских прав.

Отличие составляет в том, что «способы» защиты авторских прав – это всегда средства, предусмотренные законодательством, направленные на защиту авторских прав. «Меры» защиты авторских прав представляют собой средства правового воздействия, направленные на защиту нарушенных авторских прав.

Таким образом, понятие «способы» защиты авторских прав входит в состав понятия «меры» защиты авторских прав.

Законодателю необходимо четко разграничить данные понятия, так как, как показывает практика, «классические» способы защиты авторских прав не могут в полной мере обеспечить соблюдение законодательства в сфере авторского права в сети Интернет, ввиду того что многие участники правоотношений не имеют физического присутствия и имущества в пределах юрисдикции большинства государств, в которых они осуществляют свою Интернет-деятельность. В таких условиях государства вынуждены принимать специальные меры для защиты прав автора и косвенного принуждения к исполнению требований национального законодательства (требование об удалении нарушающего авторские права контента, блокировка и замедление доступа к незаконному контенту через информационных посредников, противодействие средствам обхода блокировки, исключение ссылок на незаконный контент из поисковой выдачи операторов поисковых сервисов, запрет и т.п.).

В Республике Беларусь, Республике Армении, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Российской Федерации Евразийской экономической комиссией предусмотрены рекомендации от 24 ноября 2020 г. №21 «Об основных подходах при осуществлении деятельности по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в информационно–

телекоммуникационной сети «Интернет» в государствах–членах Евразийского экономического союза», где предусмотрен комплекс мер защиты авторских прав. Этот региональный документ содержит указанные выше меры защиты прав автора в сети Интернет, однако представляет собой скорее список таких мер, вектор движения законодательства в этой сфере. Следующим этапом станет принятие соответствующего международного соглашения в рамках Евразийского экономического союза, в котором будут детализированы принятые рекомендации.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы. В настоящее время продолжается поиск действенных правовых средств защиты авторских прав в сети Интернет, поскольку известные в современной юридической науке и закрепленные в национальном законодательстве способы не обеспечивают в полной мере их надежную защиту.

Полагаем, что понятие меры защиты более широкий термин, включающий в себя способы защиты. Различие заключается в том, что «способы» защиты авторских прав – это всегда средства, предусмотренные законодательством, направленные на защиту авторских прав. «Меры» защиты авторских прав, в свою очередь, представляют собой средства правового воздействия, направленные на защиту нарушенных авторских прав.

Меры защиты гражданских прав имеют пресекательный и восстановительный характер и не всегда могут быть закреплены законодательно. Кроме того, меры защиты подразумевают под собой неблагоприятные последствия для нарушителя. Они могут применяться самими участниками отношений, т. е. являться мерами самозащиты.

Список использованных источников

1. Стоякин, Г. Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданскоправовой ответственности и защиты гражданских прав. Сборник ученых трудов. – 1973. – №27. – С. 30–35.
2. Шубина, Т. Б. Теоретические проблемы защиты права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Саратов, 1998. – 16 с.
3. Баукен, А. А. Правовая защита собственности в Российской Федерации: Вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Челябинск, 2006. – 24 с.
4. Гаврилов, Э. П. Комментарий к закону об авторском праве и смежных права: судебная практика. – М. : Экзамен, 2002. – 350 с.

5. Макарова, З. В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Изд-во. С.-Петербург. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 217–231.

6. Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов : СВШ МВД РФ, 1996. – 285 с.

7. Погосян, Е. В. Классификация мер защиты авторских прав // Юрид. мир. – 2009. – № 8. – С. 31–33.

8. Щербачева, Л. В. Защита авторских прав // Вестник Моск. ун-та МВД Рос. – 2010. – № 10. – С. 187–189.

9. Лосев, С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/ВЕСМВ/19219/Закон%20об%20авторском%20праве%20лосев?searchKey=7i9v&searchPosition=6#M103296> (дата обращения 18.03.2022).

10. Михайликов, В. Л. Формы защиты авторских прав // НОМОТНЕТКА: Филос. Социол. Право. – 2010. – № 2. – С. 136–138.

11. Андреев, Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. – М. : Норма, 2010. – 464 с.

12. Суханов, Е. А. Гражданское право: общая часть: учеб. пособие. – М : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.

13. Вершинин, А. П. Способы защиты гражданских прав в суде : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.03. – Санкт-Петербург, 1998. – 56 с.

14. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М : Юрид. лит., 1972. – 258 с.

15. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения. – М. : Статут, 2020. – 845 с.

16. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита: учеб. пособие. – М. : МЗ Пресс, 2000. – 242 с.

17. Хохлов, В. А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. – Тольятти : ТолПИ, 1997. – 318 с.

18. Богданова, Е. Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. – 2003. – № 6. – С. 39–45.

УДК 347.78

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ЛИЦЕНЗИОННЫХ ДОГОВОРОВ В УПРОЩЕННОМ ПОРЯДКЕ
(ОТКРЫТЫЕ ЛИЦЕНЗИИ)**

Шакель Н. В.

*к.ю.н., доцент кафедры международного права, Белорусский
государственный университет, ул. Ленинградская, 20, 220000, г. Минск,
Республика Беларусь, nshakel@tut.by*

Аннотация. Введение в авторское право Республики Беларусь открытых лицензий в целом следует оценивать положительно, так как это позволило заключать договоры тем способом, который наиболее часто используется в современных условиях, а именно, присоединяясь к предложенным правообладателям условиям. Тем не менее, данные нормы не в полной мере согласуются с иными положениями законодательства, в том числе регулирующие взаимоотношения с иностранными обладателями авторских прав. В публикации рассматриваются некоторые проблемные аспекты использования открытых лицензий.

Ключевые слова: программное обеспечение; лицензионное соглашение; существенные условия; внешнеторговый договор; безвозмездный договор

**PROBLEMATIC ASPECTS OF CONCLUDING LICENSE
AGREEMENTS IN A SIMPLIFIED WAY (OPEN LICENSES)**

N. Shakel

*PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University,
Leningradkaya 20 str, 220000, Minsk, Republic of Belarus, nshakel@gmail.com*

Abstract. The introduction of open licenses into the copyright law of the Republic of Belarus should be generally evaluated positively, as it allowed concluding contracts in the way that is most often used in modern conditions, namely by acceding to the terms offered to the right holders. Nevertheless, these norms are not fully consistent with other provisions of the legislation, including those regulating the relationship with foreign copyright. The publication discusses some problematic aspects of the use of open licenses.

Keywords: software; license agreement; essential terms; foreign trade contract; royalty-free contract

Закон Республики Беларусь от 15.07.2019 № 216-З "Об изменении Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»" внес в авторско-правовое законодательство Республики Беларусь понятие «открытой лицензии», изложив в новой редакции ст. 45 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 года № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве).

В соответствии с новым определением, открытая лицензия представляет собой такой способ заключения лицензионного договора, при котором автор или иной правообладатель (лицензиар) предоставляют лицензиату простую (неисключительную) лицензию на использование объекта авторского права или смежных прав, может быть заключен в упрощенном порядке.

Как отмечает А. А. Петрушкевич, необходимость в упрощенном порядке заключения лицензионного договора существует тогда, когда лицензиар и лицензиат находятся далеко друг от друга, и в то же время лицензиату требуется оперативно получить легальный доступ к произведению для удовлетворения, к примеру, личных потребностей в развлечении или учебе [1, с. 66].

В свою очередь, рассматривая открытые лицензии, Е. В. Янтикова концентрируется на правах автора, указывая, что появление сети Интернет привело к тому, что многие авторы стали рассматривать распространение своих произведений в Интернете как нематериальную выгоду в виде популяризации своего творчества, далее появились общественные инициативы, выступающие за свободный и открытый доступ к информации, что в результате привело к формированию удобных типовых форм договоров, с помощью которых авторы добровольно разрешают любому использование своих работ, как правило, бесплатно [2, с. 288].

Тем не менее, современной реальностью является тот факт, что наиболее массовое использование открытые лицензии находят в ситуациях, когда правообладателями являются юридические лица, зачастую находящиеся в различных юрисдикциях.

При получении прав на объекты авторского права, находящиеся в цифровой форме (доступ к программному обеспечению, сайтам, компьютерным играм) осуществляется вступление в договорные отношения в рамках открытых лицензий. Однако при этом необходимо учитывать

наличие иных положений законодательства, которые, в силу содержащихся в них ограничений и не всегда однозначно понимаемых на практике положений, не позволяют в полной мере реализовать тот потенциал, который заложен в норме про открытые лицензии. В рамках данной публикации мы имеем возможность остановиться только на некоторых аспектах, однако полагаем, что они являются достаточными для демонстрации проблематики.

В первую очередь следует отметить, что заключаемые с зарубежными правообладателями на условиях открытой лицензии договоры являются договорами присоединения, а значит, носят стандартизированный характер.

Напомним, что договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом. (часть первая п. 1 ст. 398 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

И действительно, белорусский субъект, заинтересованный в приобретении программного обеспечения (той либо иной операционной системы, приложения, программного продукта, в том числе «облачного») не имеет возможности согласовать или хотя бы как-то скорректировать условия использования. Маловероятным является ситуация, когда зарубежный правообладатель, число пользователей программных продуктов, модулей для сайтов, приложений и иных ОИС в цифровой форме исчисляется миллионами, будет заинтересован в индивидуальном согласовании условий соглашения с пользователем из Республики Беларусь.

Исходя из положений белорусского законодательства, присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит законодательству, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора. (п. 2 ст. 398 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Однако путь оспаривания условий соответствующих лицензий, составленных согласно зарубежному законодательству, также является малоперспективным.

Как справедливо отмечает Л. А. Кулис, «специфический характер договоров в сфере интеллектуальной собственности не исключает необходимости соблюдения общих правил заключения, исполнения,

изменения и расторжения гражданско-правовых договоров, которые установлены главами 27–29 Гражданского кодекса Республики Беларусь.» [3, с. 85].

Но, что еще более важно, не исключается действие и иных положений законодательства. В первую очередь имеющиеся на практике проблемы связаны с тем, что отечественное законодательство рассматривает такие заключаемые с зарубежными правообладателями соглашения как внешнеторговые договоры.

Под внешнеторговым понимают договор, отвечающий критериям, указанным в абз. 3 подп. 1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 27.03.2008 № 178 «О порядке исполнения внешнеторговых договоров» (с изм., внесенными Указом Президента Республики Беларусь от 08.07.2021 № 265) (далее – Указ № 178), а именно, это:

- 1) валютный договор;
- 2) между резидентом Республики Беларусь и нерезидентом;
- 3) который предусматривает, в частности:
 - передачу нераскрытой информации, исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, имущественных прав;
 - выполнение работ или оказание услуг (например, в рамках функционала определенных цифровых сервисов);
- 4) и при этом такой договор является возмездным.

Внешнеторговый договор является также разновидностью валютного договора (абз. 3 подп. 1.1 п. 1 Указа № 178). Внешнеторговый договор должен содержать дополнительные существенные условия по сравнению с валютным договором, а именно, согласно абз. 5 подп. 1.16 п. 1 Указа № 178 в соответствии с каждым заключенным внешнеторговым договором резиденты обязаны предусмотреть во внешнеторговом договоре сумму (ориентировочную сумму) денежных обязательств сторон по договору, а также условия расчетов, под которыми понимается обязательство осуществления одной стороной расчета до исполнения либо по факту исполнения обязательств другой стороной.

Очевидно, что в большинстве заключаемых на условиях открытых лицензий лицензионных договоров такое условие предусмотрено не будет, так как стандартные формы пользовательских соглашений (частью которых являются соответствующие условия лицензий) или лицензионных договоров не учитывают (и, представляется, не должны учитывать) данное требование белорусского законодательства.

Изложенное ставит глобальный и достаточно серьезный вопрос о правомерности использования фактически всего программного

обеспечения, получаемого от зарубежных правообладателей. И проблематика в данной ситуации лежит не в сфере нарушения интересов правообладателей, которые в рамках законодательства той юрисдикции, где они действуют, имеют право определять любые условия (формулируя их как достаточно детально, так и кратко – как это обычно бывает относительно условий лицензий для свободного (операторского) программного обеспечения). Возникает вопрос о возможных нарушениях законодательства о внешнеторговых договорах.

Еще одной важной проблемой является надлежащее оформление соответствующих договорных отношений «в упрощенном порядке». В соответствии со ст. 45 Закона об авторском праве, начало использования объекта авторского права или смежных прав является акцептом условий открытой лицензии со стороны пользователя (лицензиата). При этом в открытой лицензии может содержаться указание на иные действия, совершение которых будет считаться акцептом ее условий.

В любом случае, до начала использования соответствующего объекта авторского права или смежных прав лицензиат должен иметь возможность ознакомиться с ними, а значит, необходимо обеспечить возможность доступа к условиям такого договора неопределенному кругу лиц, разместив условия соответствующим образом. На практике указанная возможность доступа неопределенного круга лиц обеспечивается, например, размещением условий лицензии на определенном сайте.

Однако в случае, если белорусское юридическое лицо будет иметь желание заключить соответствующий договор и получить права от зарубежного правообладателя, возникнет вопрос о том, будет ли у него в целом возможность, условно говоря, показать уполномоченным органам, осуществляющим соответствующие контрольные мероприятия, заключенный договор. Очевидно, что всё, что сможет продемонстрировать такой субъект – это размещенный в Интернете текст договора, зачастую без подписей, реквизитов другой стороны, и без конкретной даты вступления его в силу между сторонами.

И здесь следующей важной проблемой, на которой необходимо остановиться, является определение того, что является «лицензионным договором». Исходя из практики, далеко не всегда зарубежный правообладатель имеет на своем общедоступном ресурсе текст, который называется «лицензионный договор», и которой содержит все необходимые белорусскому субъекту хозяйствования условия. Многие правообладатели имеют достаточно разветвленную систему правовой информации, а значит, условия использования конкретного объекта могут содержаться на трех,

пяти и более различных страницах определенного ресурса. В этой связи уяснение требований правообладателя, а также выявление всех условий на предмет их соответствия положениям отечественного законодательства, может представлять достаточно сложную задачу. При этом соответствующий документ может быть назван правообладателем «условия использования», «ваши права», «пользовательское соглашение», «соглашение о доступе», или даже просто «правовая информация». Ситуация еще более осложняется, если у зарубежного правообладателя в целом отсутствует версия договора на русском языке, так как в этом случае потребуется обеспечить перевод соответствующих положений.

В этой связи предлагается уточнить регулирование открытых лицензий, предоставив реальные возможности по упрощенному заключению соответствующих сделок, не применяя к этим отношениям ни требования к внешнеторговым договорам, ни строгие рамки отечественных норм о лицензионных договорах и договорах в целом.

Праву Республики Беларусь известны подобные изъятия, в частности, согласно п. 21 Декрета Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 «О Парке высоких технологий» законодательство о порядке проведения и контроля внешнеторговых операций, в том числе требования к срокам и способам завершения внешнеторговых операций, не распространяется на внешнеторговые операции с участием резидентов Парка высоких технологий. Также установлено, что простая письменная форма сделки, в том числе внешнеэкономической, совершаемой с участием резидента Парка высоких технологий, считается соблюденной, если предложение заключить договор, в том числе в виде программного кода, электронного или иного сообщения, сделанного с использованием электронной или иной связи, информационных систем или информационных сетей, принято в соответствии с пунктом 3 статьи 408 Гражданского кодекса Республики Беларусь или иным способом, установленным актами законодательства или предложением заключить договор, независимо от наличия в таком предложении подписи, в том числе электронной цифровой подписи, если обстоятельства заключения договора позволяют определить, что оно исходит от стороны по договору.

Кроме того, в Декрете Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 «О Парке высоких технологий» прямо указано, что к публичной оферте, совершенной в простой письменной форме, относятся пользовательское соглашение, общие условия сотрудничества и иные документы (информация), программный код, размещенные в открытом доступе в глобальной компьютерной сети Интернет, содержащие

существенные условия договора и предложение заключить договор на указанных условиях с любым, кто отзовется, независимо от наличия в таких документах (информации) подписи, электронной цифровой подписи.

Полагаем необходимым и крайне актуальным введение подобных изъятий и для сферы заключения лицензионных соглашений на условиях открытых лицензий.

Еще одним вопросом, на который необходимо обратить внимание, является то, что далеко не все правообладатели сохраняют все версии лицензионных соглашений; в этой связи может оказаться, что на момент проверки наличия прав на использование определенного программного продукта в тот или иной момент времени на сайте правообладателя или ином ресурсе общего доступа будет только актуальная лицензия. Это не позволит подтвердить должным образом соблюдение требований правообладателя при использовании его объектов интеллектуальной собственности.

С учетом изложенного пользователям (лицензиатам) рекомендуется осуществлять сохранение версий лицензионных соглашений, действующих на момент начала их использования (который, как мы указывали выше, является акцептом соответствующих условий лицензионных договоров, заключаемых в упрощенном порядке). Кроме того, периодически следует отслеживать и анализировать текст соответствующих лицензий на предмет одностороннего внесения в них со стороны правообладателя изменений и дополнений, которые могут повлиять на условия использования соответствующего объекта.

В заключение полагаем возможным отметить, что введение в законодательство Республики Беларусь возможности заключения лицензионных договоров в отношении объектов авторского права и смежных прав в упрощенном порядке (открытая лицензия) является безусловно положительным шагом. Вместе с тем, при заключении таких соглашений имеются существенные риски нарушения валютного законодательства, а также иных требований отечественного регулирования. В этой связи необходимо совершенствование законодательства для обеспечения возможности легального приобретения объектов авторского права и смежных прав у зарубежных правообладателей на условиях открытой лицензии.

Список использованных источников

1. Петрушкевич, А. А. Понятие, существенные условия и некоторые проблемы открытой лицензии в авторском праве / А. А. Петрушкевич //

Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Минск, 20 октября 2021 года. – Минск : Альфа-книга, 2021. – С. 64–69.

2. Янтикова, Е. В. Правовая природа и механизмы применения открытых лицензий в Республике Беларусь / Е. В. Янтикова // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Минск, 20 октября 2021 года. – Минск : Альфа-книга, 2021. – С. 287–295.

3. Кулис, Л. А. Особенности заключения договоров в сфере интеллектуальной собственности / Л. А. Кулис // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2017. – № 2(203). – С. 83–86.

УДК 347.779.1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ядревский О. О.

кандидат юридических наук,

*доцент кафедры права интеллектуальной собственности,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yadreus@bsu.by*

Аннотация. В статье рассматриваются положения программных документов Республики Беларусь в области цифровизации сферы интеллектуальной собственности. Предлагаются конкретные способы внедрения цифровых технологий в деятельность патентного органа и иных организаций в области охраны интеллектуальной собственности. Особое внимание уделяется технологии блокчейн, а также вопросам электронного документооборота с применением сравнительно-правового метода. Впервые в Республике Беларусь выявляются основные тенденции цифровизации сферы интеллектуальной собственности и обосновывается необходимость более детального нормативного регулирования указанных технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, интеллектуальная собственность, патентный орган, блокчейн, электронный документооборот.

DIGITALIZATION OF LEGAL PROCEDURES IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

O. O. Yadrevsky

PhD in Law,

Associate Professor of the Department of Intellectual Property Law,

Faculty of Law, Belarusian State University,

Nezalezhnosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, yadreus@bsu.by

Abstract. The article discusses the provisions of the program documents of the Republic of Belarus in the field of digitalization of the sphere of intellectual property. Specific ways of introducing digital technologies into the activities of the patent authority and other organizations in the field of intellectual property protection are proposed. Particular attention is paid to blockchain technology, as well as issues of electronic document management using the comparative legal method. For the first time in the Republic of Belarus, the main trends in the digitalization of the sphere of intellectual property are identified and the need for more detailed regulatory regulation of these technologies is substantiated.

Keywords: digital technologies, intellectual property, patent authority, blockchain, electronic document management.

Внедрение цифровых технологий происходит в настоящее время во всех сферах общественной жизни. Особую важность указанные технологии представляют в сфере охраны интеллектуальной собственности, поскольку интеллектуальная собственность сама по себе преследует целью развитие инноваций и новых творческих решений. Цифровые технологии, в свою очередь, с одной стороны, сами являются объектами интеллектуальной собственности, а с другой стороны, должны способствовать развитию интеллектуальной собственности, создавать необходимые условия для творчества и стимулирования создания и использования новых технических результатов.

При этом взаимодействие цифровых технологий и интеллектуальной собственности осуществляется в двух направлениях: юридическом и техническом. Юридическое направление предусматривает совершенствование законодательства в условиях всеобъемлющего развития цифровых технологий с целью развития охраны новых творческих результатов. Техническое направление означает внедрение цифровых

технологий в процессы предоставления правовой охраны, использования и защиты объектов интеллектуальной собственности.

Основой технического направления является внедрение цифровых технологий в деятельность патентного органа. Согласно Положению о Национальном центре интеллектуальной собственности (НЦИС), утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31.05.2004 № 641, деятельность патентного органа носит многоаспектный характер. При этом представляется, что основными сферами, где могут найти внедрение цифровые технологии, является:

в сфере промышленной собственности – прием к рассмотрению заявок на выдачу охранных документов (патентов, свидетельств) на объекты промышленной собственности, экспертиза и регистрация объектов промышленной собственности, выдача охранных документов, ведение государственных реестров объектов промышленной собственности и баз данных объектов промышленной собственности, регистрация лицензионных договоров, договоров уступки и залога прав на объекты промышленной собственности;

в сфере авторского права и смежных прав – установление факта создания произведения либо объекта смежных прав и обладателей прав на них, обеспечение функционирования коллективного управления имущественными правами авторов и иных правообладателей.

Анализ программных документов в области цифровизации, которые регулировали либо продолжают регулировать вопросы внедрения цифровых технологий, – Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235, и Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021, позволяет сделать вывод, что в них содержатся лишь общие положения, касающиеся перевода административных процедур и государственных услуг в электронную форму, куда включаются реинжиниринг их бизнес-процессов, оцифровка данных, применение современных средств идентификации, в целях их комплексного осуществления в проактивном формате.

В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672, мероприятия по масштабной цифровизации его деятельности освещены более широко и подробно.

Так, планируется внедрить в НЦИС полноценный электронный документооборот и передовые информационно-коммуникационные технологии при проведении экспертизы заявок на выдачу охранных документов на объекты права промышленной собственности (в том числе с применением технологий искусственного интеллекта), продолжить интеграцию национальных и международных баз данных, создать и внедрить цифровые платформы, содействующие распоряжению и защите прав на объекты интеллектуальной собственности. Проведение цифровизации позволит повысить эффективность деятельности НЦИС и увеличить объемы оказываемых им патентно-лицензионных и образовательных услуг.

В сфере авторского права и смежных прав будет совершенствоваться работа НЦИС как организации по коллективному управлению имущественными правами. Планируется внедрить информационно-технологические решения, обеспечивающие идентификацию и отслеживание использования объектов авторского права и смежных прав, обоснованное распределение собираемого в интересах правообладателей вознаграждения.

Следует отметить важность такой стимулирующей меры для подачи заявок в электронном виде, как сниженный размер патентной пошлины – 85% от общего размера патентной пошлины при подаче заявок через систему электронной подачи заявок на выдачу охранных документов на объекты права промышленной собственности. Вместе с тем, для популяризации такой меры представляется необходимым более широкое информирование пользователей о преимуществах такой подачи.

Представляется, что как в сфере авторского права и смежных прав, так и в сфере права промышленной собственности большую роль в мероприятиях по цифровизации будет играть технологии распределенного реестра и, в частности, технологии блокчейн.

Распределенный реестр представляет собой базу данных, которая распределена между несколькими сетевыми узлами или вычислительными устройствами. Блокчейн (blockchain, технология цепочки блоков) является разновидностью распределенного реестра, которая основана на децентрализованной цепочке равнозначных блоков. При этом каждый из указанных блоков содержит три элемента: данные блока, хэш блока и хэш предыдущего блока. Хэш блока – это уникальный код, который присваивается блоку с целью его последующей идентификации [1, с. 95].

Предполагается, что технологии распределенного реестра и блокчейна могли бы найти свое наиболее эффективное применение при

регистрации объектов промышленной собственности, выдаче охранных документов, ведении государственных реестров объектов промышленной собственности и баз данных объектов промышленной собственности, регистрация лицензионных договоров, договоров уступки и залога прав на объекты промышленной собственности.

Так, как указывает Д.Д. Ландо, патентный орган Республики Беларусь, Международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности не осуществляют регистрацию сублицензионных договоров, заключенных в отношении международных регистраций товарных знаков. Если ссылка на хранящиеся с помощью технологии блокчейн данные о заключенных сублицензионных договорах будет признаваться в будущем судом, этот пробел будет восполнен и стороны

такого договора будут лишены возможности недобросовестно заявлять о

факте его заключения [2, с. 283].

Более того, данным автором в качестве примера указывается на возможность автоматизированного принятия решения о выдаче патента на полезную модель и промышленный образец с использованием технологии блокчейн, поскольку они не требуют верификации новизны (фактическое отсутствие проверки соответствия объекта условиям патентоспособности) [2, с. 282-283].

Вместе с тем, препятствием для внедрения блокчейн-технологий видится отсутствие нормативно-правового регулирования применения данной технологии в рамках деятельности патентного органа. В связи с этим предлагается разработать и законодательно утвердить национальный блокчейн-стандарт, который смог бы легализовать данную технологию, а также урегулировать трансграничную передачу информации [3, с. 88].

Ещё более широкое применение технология блокчейн может найти в сфере авторского права и смежных прав. К числу возможных областей применения данной технологии относятся: подтверждение авторства на произведение и времени его создания, удостоверение прав на произведения, предоставление доказательств использования произведения, а также коллективное управление имущественными правами авторов и правообладателей.

Существующие способы подтверждения авторства, как то отправка заказного письма с вложенным в конверт произведением на бумажном носителе и описью вложения на свой почтовый адрес, его получение и последующее вскрытие конверта в суде, либо нотариальное удостоверение факта фиксации произведения на том или ином носителе представляются

весьма специфичными и недостаточно надежными и достоверными. Блокчейн позволяет воспользоваться альтернативным вариантом фиксации авторства – разместить произведение в публичном децентрализованном реестре. Загружаемый файл хешируется (преобразуется в состоящую из букв и цифр строку фиксированной длины), а полученный в результате хеш (уникальный отпечаток файла) заносится в цепочку блоков. Поскольку запись содержит метки времени, это исключает возможность внести в запись какие-либо изменения. При необходимости проверки подлинности записи проводится операция по повторному хешированию. Полученный хеш сравнивается с хранящимся в блокчейне на предмет совпадения или несовпадения [4].

Указанный способ начинает широко внедряться в практику. Например, проект Mediachain (<http://www.mediachain.io/>) использует технологию блокчейн для предоставления в качестве услуг опции по поиску автора и всей информации по произведениям изобразительного искусства [5].

Технология блокчейн начинает внедряться и в сферу коллективного управления имущественными правами авторов и правообладателей. Так, в Российской Федерации 28 июня 2021 г. был подписан указ Президента России о создании общественно-государственной организации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности» (РЦОП). Данный центр представляет собой первую организацию в области коллективного управления имущественными правами авторов и правообладателей, действующую на основании блокчейн-технологии. Одним из учредителей центра является Национальный координационный центр обработки транзакций с правами и объектами интеллектуальной собственности, более известный под брендом «Ipchain». Указанный бренд идентифицирует децентрализованную сеть, фиксирующую транзакции с правами и объектами интеллектуальной собственности: создание таких объектов, способ создания и используемые объекты, режим доступности объектов и их правообладателей, выполнение действий, создающих дополнительные гарантии права при использовании таких объектов (экспертизы), возникновение стоимости объекта, оценку его стоимости и использование в финансовой отчетности, возникновение спора и его разрешение, начало и завершение сделки с правами на такие объекты [6].

В деятельности патентного органа находят успешное применение и иные виды цифровых технологий, которые могут быть использованы в деятельности патентного органа Республики Беларусь.

Так, в качестве примера можно привести Федеральный закон Российской Федерации от 20.07.2020 № 217-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Одной из новаций в данном Законе является возможность представления при подаче заявки на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и товарные знаки 3D-модели заявленного объекта, что упрощает процедуру экспертизы заявки и создает дополнительные гарантии прав для заявителей и правообладателей.

Кроме того, в соответствии с внесенными изменениями охранные документы выдаются Роспатентом в форме электронного документа и по желанию заявителя на бумажном носителе.

Так, все патенты и свидетельства, начиная с 17.01.2021, выдаются в форме электронного документа. По заявкам, поданным до 17.01.2021, наряду с патентом или свидетельством в форме электронного документа будет выдаваться патент или свидетельство на бумаге. По заявкам, поданным с 17.01.2021, выдача патентов и свидетельств на бумаге будет осуществляться только по ходатайству заявителя, которое может быть представлено в произвольной форме до государственной регистрации объекта.

Полагаем, что тенденция расширения использования цифровых технологий в области предоставления охраны и защиты прав интеллектуальной собственности будет продолжаться и, вероятнее всего, ускоряться. Это повлечет, в свою очередь, сокращение бумажного документооборота, что повлечет сокращение сроков процедур по предоставлению правовой охраны, уменьшение количества стадий предоставления охраны и в целом удобство для заявителей и иных пользователей ресурсов в области интеллектуальной собственности. Вместе с тем, более широкое внедрение цифровых технологий может влечь и определенные негативные последствия, прежде всего в вопросах должного обеспечения безопасности от возможного неправомерного проникновения в систему и утечки конфиденциальной информации.

С целью минимизации указанных последствий представляется необходимым в краткосрочной перспективе принять нормативное (в том числе техническое нормативное) регулирование в области цифровых технологий в деятельности патентного органа, а также иных организаций в сфере охраны интеллектуальной собственности (в частности, организаций по коллективному управлению имущественными правами авторов и правообладателей, судов, таможенных органов). При этом представляется необходимым максимально подробно разъяснять пользователям все

технические и юридические аспекты применения данных технологий и обеспечить максимальные гарантии безопасности персональных данных и иной конфиденциальной информации.

Список использованных источников

1. Сидоров, Д. П. Технология блокчейн и возможности ее применения в учебном процессе // Образовательные технологии и общество – 2019. – № 3. – Т.22. – С. 94-101.

2. Ландо, Д. Д. Интеллектуальная собственность: тенденции правового регулирования // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития: мат. междунар. науч.-практич. конф., Минск, 20 октября 2021 г., В 2 ч., Ч. 1. – Минск: «Альфа-Книга». – 2021. – С. 281-285.

3. Сальникова, А. В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 4. – Т. 15. – С. 83–90.

4. Что такое блокчейн: как технология применяется для защиты авторских прав – URL: <https://nris.ru/blog/chto-takoe-blokchejn-kak-tehnologiya-primenyaetsya-dlya-zashity-avtorskih-prav/> (дата обращения 17.04.2022).

5. Леанович, Е. Б. Блокчейн в авторском праве [Электронный ресурс]. – 2022. – КонсультантПлюс: Беларусь (дата обращения 17.04.2022).

6. Центр оборота прав на результаты творческой деятельности появится в РФ – URL: <https://legal-support.ru/information/blog/ip-daidzhest/centr-oborota-prav-na-rezultaty-tvorcheskoi-deyatelnosti-poyavitsya-v-rf/> (дата обращения 17.04.2022).

УДК 347.78

МЕРЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В РАМКАХ ЕАЭС

Янтикова Е. В.

начальник отдела законодательства в сфере авторского и смежных прав управления правового и кадрового обеспечения Национального центра интеллектуальной собственности, старший преподаватель кафедры

*права интеллектуальной собственности юридического факультета
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь, yantikova@tut.by*

Аннотация. Национальные законодательства стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) не обеспечивают в полной мере защиту прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, что обусловлено различными причинами. Стремление к унификации национальных законодательств государств-членов ЕАЭС с учетом имеющегося опыта стран ЕАЭС требует закрепления в праве ЕАЭС единых согласованных подходов по борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В статье анализируются основные меры защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, содержащиеся в том числе в проекте акта ЕАЭС, и предлагается их дифференциация на императивные и диспозитивные в зависимости от возможности признания таковыми и внедрения в системы национальных законодательств в сфере интеллектуальной собственности государствами-участниками ЕАЭС.

Ключевые слова: меры защиты, объекты интеллектуальной собственности, сеть Интернет, ЕАЭС, удаление информации, копия информационного ресурса, ограничение доступа, информационный посредник, поисковая система, ответственность.

MEASURES TO PROTECT INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON THE INTERNET WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EAEU

E. V. Yantikova

*Head of the Department of Legislation in the field of Copyright and
Related Rights of the Department of Legal and Personnel Support of the
National Intellectual Property Center, Senior Lecturer of the Department of
Intellectual Property Law of the Faculty of Law of the Belarusian State
University,*

Minsk, Republic of Belarus, yantikova@tut.by

Abstract. The national legislation of the countries of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU) does not fully protect intellectual property rights on the Internet, which is due to various reasons. The desire to unify

the national legislations of the EAEU member states, taking into account the existing experience of the EAEU countries, requires the consolidation of unified coordinated approaches in the law of the EAEU to combat violations of intellectual property rights in the Internet information and telecommunications network. The article analyzes the main measures of protection of intellectual property rights on the Internet, including those contained in the draft act of the EAEU, and suggests their differentiation into imperative and dispositive, depending on the possibility of recognition as such and implementation into the systems of national legislation in the field of intellectual property by the EAEU member states.

Keywords: protection measures, intellectual property objects, Internet, EAEU, deletion of information, copy of an information resource, restriction of access, information intermediary, search engine, responsibility.

Активное развитие цифровых технологий оказывает прямое воздействие на систему интеллектуальной собственности. Основным объектом использования в цифровом пространстве является информация, частью которой выступают объекты интеллектуальной собственности. Новые виды рынков, инвестирования, рекламы, методы воздействия на потребителей, привлечения и удержания внимания аудитории, способы заключения сделок возможны сейчас в информационных-телекоммуникационных сетях. В новых реалиях требуется актуальное правовое регулирование, обеспечивающее в том числе весь цикл от охраны до защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет. Наличие эффективного механизма защиты имущественных и неимущественных интересов создателей творческих и технических решений в сети Интернет позволит стимулировать дальнейшие инновации и творчество, что положительно скажется на развитии экономики.

Меры, применяемые субъектами интернет-отношений в конце 90-х – начале 2000-х годов в целях защиты несанкционированного правообладателем использования объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет носили по большей части неюрисдикционный, саморегулируемый характер, принимающий форму делового обычая, практики применения. В основу применяемых мер закладывались различные идеи: от интернет-нигилизма, когда в целях абсолютной свободы доступа к информации, обеспечиваемой Интернетом, формулировалась философия свободных лицензий, «авторского лева», отрицания интеллектуальной собственности как таковой, до попытки

установления Интернет-площадками собственных правил поведения, которые необходимо безоговорочно принять, присоединившись к пользовательскому соглашению, если хочешь воспользоваться услугами площадки.

Указанные выше обычаи и практика, пройдя «проверку» на прочность и эффективность, нашли закрепление в нормативных актах различных стран, в том числе США, Австралии, Китая [1, 2, 3].

Межгосударственное правовое регулирование отношений, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности в цифровом мире, в настоящее время представлено «мягкими» Интернет-договорами ВОИС 1996 г. и директивами Европейского союза 2001 г., касающимися объектов авторского права и смежных прав [4, 5].

Следует отметить, что попытка установления жестких правил соблюдения интересов правообладателей в сети Интернет в международном антиконтрафактном соглашении АСТА, инициированном США, окончилась провалом, вызвав бурные протесты общественности после его подписания в 2011 г. многими развитыми странами, включая страны Европейского союза, Японию, Австралию, Канаду [6, с. 16].

Необходимость урегулирования отношений, касающихся использования не только объектов авторского прав и смежных прав, но и других объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет, на территории государств-участников ЕАЭС признана актуальной задачей, закрепленной в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 [7].

Для решения указанной задачи ЕЭК был проведен анализ международного опыта, законодательства и правоприменительной практики государств-членов ЕАЭС по борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет [8]. На основе результатов указанного исследования была подготовлена и утверждена 24 ноября 2020 г. Коллегией Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) Рекомендация № 21 «Об основных подходах при осуществлении деятельности по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в информационно–телекоммуникационной сети «Интернет» в государствах–членах Евразийского экономического союза» (далее – Рекомендация ЕЭК) [9]. Этот международный региональный документ содержит список наиболее эффективных инструментов и механизмов, по своей сути мер защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, определяющих вектор движения законодательства ЕАЭС в

этой сфере. Следующим этапом станет принятие соответствующего международного соглашения в рамках ЕАЭС, работа над которым ведется в настоящее время, в котором будут детализированы содержащиеся в Рекомендации ЕЭК меры.

В соответствии с пунктом 1 Рекомендации ЕЭК к мерам по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет можно отнести процедуры по:

ограничению в судебном порядке доступа к информации, нарушающей права на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет;

досудебному урегулированию споров в целях прекращения и предотвращения нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет;

ограничению доступа к информационному ресурсу, на котором неправомерно размещены объекты интеллектуальной собственности, сходному до степени смешения (идентичному информационному ресурсу), с информационным ресурсом, доступ к которому ограничен;

осуществлению учета и систематизации информационных ресурсов, доступ к которым ограничен;

возобновлению доступа к информационному ресурсу после удаления информации, нарушающей права на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет;

удалению ссылок на информацию, нарушающую права на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет;

заключению соглашений о сотрудничестве в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности между правообладателями и интернет-платформами, предлагающими к продаже товары с использованием сети Интернет;

организации информационного взаимодействия между правообладателями, интернет-платформами, предлагающими к продаже товары с использованием сети Интернет, и государственными органами государств-членов, уполномоченными в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

За основу описанных выше мер защиты прав в сети Интернет взят опыт Российской Федерации по блокированию информационных ресурсов и незаконного контента в виде аудиовизуальных произведений с помощью обеспечительных мер Мосгорсуда и действий уполномоченного государственного органа – Роскомнадзора.

Следует отметить, что применение специальных мер защиты для восстановления нарушенных прав владельцев интеллектуальной собственности в сети Интернет обусловлено такими свойствами сети, как трансграничность, быстрое без потери качества размещение и распространение информации, в том числе объектов интеллектуальной собственности, использование информации в цифровой форме, использование технических устройств и программного обеспечения для просмотра, обработки, создания и защиты информации.

С учетом указанных особенностей Интернета следует вывод об эффективности быстрых процедур защиты, поскольку любое промедление увеличивает шансы нарушителя скрыть факт нарушения, удалив информацию, перейдя на аналогичный сайт («зеркало») и в конечном итоге уйти от ответственности.

Именно поэтому стандартная судебная процедура привлечения к ответственности нарушителя, а особенно на территории другой страны, не является столь эффективной, как право требования правообладателем удаления нелегального контента от лица, незаконно разместившего без разрешения правообладателя объект интеллектуальной собственности в сети Интернет, либо от интернет-посредника, который не размещал, но имеет возможность удалить такой контрафактный контент.

Такое требование можно предъявить правообладателю и к иностранному интернет-ресурсу или пользователю сети посредством той же сети. Во многих случаях такое требование правообладателя удовлетворяется, поскольку большинство пользователей сети желают добросовестно использовать чужой контент либо к добросовестному поведению их стимулирует интернет-площадка.

Таким образом, на наш взгляд, как в национальном, так и законодательстве ЕАЭС должна быть закреплена такая восстановительная мера защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, как право требования правообладателя удаления контрафактного контента, являющегося объектом интеллектуальной собственности, а также гиперссылки, которая открывает доступ к такому контенту. Тем не менее, в проекте международного договора такая мера, на момент написания настоящей статьи, отсутствует.

В случае, когда нарушитель не выполняет требование правообладателя об удалении контрафактного контента, востребована будет такая мера, как ограничение доступа к ресурсу или контенту со стороны уполномоченных органов государства. Такая мера может применяться либо по решению суда в рамках административного производства или в качестве

обеспечительной меры, либо по решению компетентного органа, имеющего полномочия по осуществлению контрольных мероприятий. Кроме того, следует помнить, что любое обращение к государственным или судебным органам по вопросу защиты прав на объекты интеллектуальной собственности возможна только по инициативе правообладателя, поскольку такая защита осуществляется в отношении частных интересов.

Судебная процедура бывает в большинстве случаев необходима из-за потребности проведения экспертизы по установлению, например, факта незаконного использования объекта интеллектуальной собственности, факта творческого характера результата интеллектуальной деятельности для признания его объектом авторского права, факта схожести до степени смешения товарного знака с изображением, размещенным на сайте интернет-магазина.

Выбор той или иной меры по ограничению доступа к контрафактному контенту или ресурсу, содержащему такой контент, в судебном или досудебном порядке, а также степень такого ограничения (временное или постоянное) должно определять государство-участник ЕАЭС в зависимости от соответствия той или иной модели системе национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Следующей мерой защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет в случае не выполнения требования уполномоченного государственного органа по ограничению доступа к контрафактному контенту или ресурсу, содержащему такой контент, должна быть ответственность интернет-посредников, владельцев поисковых систем и лиц, разместивших на информационном ресурсе информацию, нарушающую права на объекты интеллектуальной собственности.

Такая ответственность должна дифференцироваться в зависимости от степени участия лица в нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности, включая его вину. В национальных законодательствах государств-участников ЕАЭС могут быть определены условия наступления ответственности для интернет-посредников, а также закреплены понятие и виды интернет-посредников.

Иные меры, такие как учет интернет ресурсов, к которым ограничен доступ, информационное взаимодействие между правообладателями, уполномоченными органами государств-участниц ЕАЭС, заключение соглашений между правообладателями, крупными интернет-площадками добровольных правил поведения, кодексов, являются вспомогательными и способствуют предупреждению нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Таким образом, среди наиболее эффективных мер защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет следует назвать требование правообладателя удалить с информационного ресурса, в том числе «зеркала» информацию, нарушающую права на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, ограничение доступа к такой информации в судебном или досудебном порядке, установление ответственности интернет-посредников, владельцев поисковых систем и лиц, разместивших такую информацию на интернет-ресурсе, за невыполнение требований по удалению информации или ограничению доступа к интернет ресурсу или контрафактному контенту. Указанные меры следует применять с учетом особенностей системы национальных законодательств в сфере интеллектуальной собственности государств-участников ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Digital Millennium Copyright Act 1998 // [Electronic Resource] Mode of access: <https://www.copyright.gov/dmca/>. Date of access: 27.02.2022.

2. Закон об авторском праве Австралии 1968 г. в редакции 2019 г. [Электронный ресурс] // WIPO Lex. Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/en/text/501165>. – Дата доступа: 3.05.2022.

3. Закон Китайской народной республики об авторском праве в редакции 2020 г. [Электронный ресурс] // WIPO Lex. Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/21065>. – Дата доступа: 3.05.2022.

4. Согласованные изменения в отношении Договора ВОИС по авторскому праву [Электронный ресурс] : приняты Дипломат. конф. 20 дек. 1996 г. // Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295459>. Дата доступа: 24.02.2022.

5. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 Mai 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society // [Electronic Resource] Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001L0029:EN:HTML>. Date of access: 24.02.2022.

6. Засурский, И. Новая модель регулирования авторских прав. Общественное достояние и концепция общего блага / И. Засурский. – Екатеринбург : Изд-во «Кабинетный ученый», 2016. – 181 с.

7. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Решение Высшего Евразийского экономического совета, 11 дек.2020 г., № 12 / Евразийская

экономическая комиссия. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-01-2021-1.aspx>. – Дата доступа: 3.05.2022.

8. Анализ международного опыта, законодательства и правоприменительной практики государств-членов евразийского экономического союза по борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности в сети «Интернет» [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/АнализИнтернет.pdf>. – Дата доступа: 17.04.2022.

9. Об основных подходах при осуществлении деятельности по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в государствах-членах Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии, 24нояб.2020 г., № 21 // Евразийский экономический союз. – 2020. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01427796/err_30112020_21. – Дата доступа: 17.04.2022.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лопатин В. Н.</i> Проблемы правового регулирования и перспективы обеспечения эффективности нормотворчества в Республике Беларусь в рамках евразийской интеграции.....	3
<i>Рожкова М. А., Богустов А. А., Исаева О. В.</i> Плагиат, самоплагиат, ретракция в эру цифровых технологий (реферат международного научного исследования).....	14
<i>Иванова Д. В., Ландо Д. Д.</i> Кодификация в сфере интеллектуальной собственности: оцениваем целесообразность.....	23
<i>Липская С. А.</i> Правовое регулирование искусственного интеллекта...	31
<i>Лосев С. С.</i> Кодификация как инструмент прогрессивного развития законодательства Республики Беларусь в области интеллектуальной собственности.....	39
<i>Лысаковская Ю. А.</i> Агентирование и блокчейн: перспективы.....	53
<i>Русакович Н. А.</i> К вопросу о защите авторского права в сети Интернет.....	58
<i>Савицкая К. Д.</i> Правовой режим компьютерных игр.....	66
<i>Семенова Т. В., Иванкович А. Д.</i> Правовое регулирование отношений, связанных с созданием биопринтных органов и тканей человека.....	75
<i>Скобелев В. П.</i> О проблемах судебной защиты прав на изобретения, полезные модели и промышленные образцы.....	84
<i>Тибец И. С.</i> Особенности развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта.....	92
<i>Чупракова П. А.</i> Ограничения исключительных авторских прав.....	94
<i>Шабанович А. С.</i> Теоретические вопросы о мерах защиты авторского права в сети Интернет.....	104
<i>Шакель Н. В.</i> Проблемные аспекты заключения лицензионных договоров в упрощенном порядке (открытые лицензии).....	114
<i>Ядревский О. О.</i> Цифровизация юридических процедур в сфере интеллектуальной собственности.....	121
<i>Янтикова Е. В.</i> Меры защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети интернет в рамках ЕАЭС.....	128